

ТАВРИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО

На правах рукописи

КАДЫРОВА ЛЕНИЕ ДИЛЯВЕРОВНА

УДК 811.161.1'373.43'611:070

**ГИБРИДНЫЕ НЕОНОМИНАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ
МАСС-МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ:
СЕМАНТИКО-ДЕРИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ**

специальность 10.02.01 – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Бессонова Людмила Ефимовна,
кандидат филологических наук,
доцент

Симферополь – 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	4
ВВЕДЕНИЕ.....	5
РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	12
1.1. Активные процессы в русском словообразовании.....	16
1.2. Современные аспекты изучения неоминаций.....	32
1.3. Критерии определения лингвистического статуса неологизмов.....	51
1.4. Гибридность как результат динамической деривации.....	54
Выводы.....	57
РАЗДЕЛ 2. ДЕРИВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ ГИБРИДНЫХ НЕОМИНАЦИЙ В МАСС-МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ.....	61
2.1. Деривационные модели с заимствованными основами.....	62
2.1.1. Модель «заимствованная основа + исконный суффикс».....	66
2.1.2. Модель «исконный префикс + заимствованная основа».....	85
2.1.3. Модель «заимствованная основа + исконное слово».....	91
2.2. Деривационные модели с заимствованными аффиксами.....	95
2.2.1. Модель «заимствованный префикс + исконное слово».....	96
Выводы.....	99
РАЗДЕЛ 3. ДЕРИВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ НЕГИБРИДНЫХ НЕОМИНАЦИЙ В МАСС-МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ.....	102
3.1. Модель «заимствованная основа + заимствованный суффикс».....	102
3.2. Модель «заимствованный префикс + заимствованное слово».....	106
3.3. Модель «заимствованная основа + заимствованное слово».....	111
3.4. Модель «исконная основа + соединительная гласная -о-/-е- + исконное слово».....	127

Выводы.....	129
РАЗДЕЛ 4. ПУТИ АДАПТАЦИИ ГИБРИДНЫХ НЕОНОМИНАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	131
4.1. Коммуникативно-функциональные механизмы адаптации лексических инноваций.....	131
4.2. Асемантемы в структуре гибридных производных	140
4.3. Конкурирование суффиксальных производных.....	144
4.4. Контаминированные образования в масс-медийных текстах.....	148
4.5. Графодериваты в Интернет-коммуникации.....	159
4.6. Гибридные неоминации как составляющие гнезд.....	164
Выводы.....	177
ВЫВОДЫ.....	179
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	185

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

2000 – 2000 (газета)

АиФ – Аргументы и факты (газета)

КП – Крымская правда (газета)

МАС – Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981–1984. – Т. 1–4.

НСЗ – Новые слова и значения: словари-справочники по материалам прессы и литературы.

РГ-80 – Русская грамматика / [под ред. Н. Ю. Шведовой]. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 789 с.

СМ – словообразовательная модель

СМИ – средства массовой информации

Ср. – сравним

СТ – словообразовательный тип

ВВЕДЕНИЕ

Лексическая система русского языка отличается динамичностью, активностью языковых процессов, связанных с пополнением единиц из других языков. Стремительное развитие экономических, политических и культурных контактов между носителями различных языков и традиций, массовая компьютеризация приводят к широкому использованию заимствованной лексики и активизируют процессы словопроизводства на их основе. В условиях интенсивного взаимодействия культур и языков язык-реципиент становится открытым разнообразному влиянию со стороны языка-донора. Одним из проявлений такого влияния является возникновение в русском языке неолексем.

В современных лингвистических исследованиях проблемы неологии рассматриваются на различных уровнях: лексико-морфологическом (А. А. Брагина, Л. П. Крысин, А. Г. Лыков, И. С. Улуханов), функционально-стилистическом (Г. О. Винокур, Л. В. Измайлова, Р. Ю. Намитокова, Г. П. Савельева, Эр. Хан-Пира), словообразовательном (О. И. Александрова, Н. Г. Бабенко, М. А. Бакина, Н. А. Богданов, О. А. Габинская, А. В. Горелкина, Е. А. Земская, М. У. Калниязов, В. В. Лопатин, А. Г. Лыков, Р. Ю. Намитокова, Г. С. Онуфриенко, А. В. Петров, В. З. Санников, В. Б. Сузанович, И. С. Улуханов, Эр. Хан-Пира, В. Н. Хохлачева, Н. М. Шанский, Л. А. Шеляховская, Н. А. Янко-Триницкая), ономаσιологическом (С. М. Васильченко, В. А. Губанова, В. В. Домогатская, Л. С. Евдокимова, М. С. Малеева, В. И. Теркулов, И. С. Торопцев, И. А. Устименко). К изучению и описанию новообразований на материале украинского языка обращались Е. А. Карпиловская, Л. П. Кислюк, Т. С. Пристайко, Ю. В. Романюк, А. А. Стишов, А. А. Тараненко, И. И. Турута и др. При всем многообразии работ и подходов, посвященных исследованию лексических инноваций, функционально-деривационные модели образования гибридных неономинаций до настоящего времени не были предметом особого изучения.

Язык СМИ начала XXI века характеризуется активным производством лексических инноваций. Неологизмы традиционно рассматриваются как результат динамических процессов, которые отражают адаптацию языка к трансформациям, происходящим в политической, экономической и социальной сферах деятельности человека. Эти изменения характерны прежде всего для лексической и грамматической систем языка. Наряду с появлением новых понятий и явлений происходит обновление русского лексикона, единицы которого различны по способу номинации и степени новизны. Обзор лингвистической литературы показал противоречивость объема понятия «неологизм». Неоднозначность трактовки «нового» в языке подчеркивается многообразием наименований: новообразование, инновация, новая номинация, неономинация, новое наименование, неологизм, окказионализм и др.

Актуальность предлагаемой работы обусловлена значимостью комплексного анализа деривационных и семантических процессов в структуре лексических инноваций. Эволюция содержательной стороны языковой системы приводит к необходимости описания и систематизации моделей образования неолексем в текстах современных СМИ с выявлением коммуникативно-прагматических характеристик новообразований в масс-медийном дискурсе. Актуальность исследования определяется также необходимостью введения в научный понятийный аппарат нового эмпирического материала, доказывающего не только количественные, но и качественные изменения лексического состава языка русского языка.

Семантический, грамматический и прагматический потенциал неолексем, способы их образования и особенности адаптации являлись предметом системного описания в исследованиях последнего десятилетия, однако при этом вопрос о моделях образования данных единиц не был раскрыт достаточно полно. Наименее изученной является проблема определения словообразовательных структур неолексем и их словообразовательных моделей с точки зрения генетической природы составляющих компонентов.

В связи с этим актуальность предлагаемой работы определяется необходимостью изучения новых тенденций в деривационном и семантическом аспектах, связанных с необходимостью проведения комплексного анализа динамики новых слов с учетом степени их адаптации в русском языке.

Связь работы с научными программами, планами, темами. Диссертационное исследование выполнено в соответствии с планом научно-исследовательской работы кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (№ госрегистрации 0111U000921 – «Проблемы развития и функционирования русского языка в диахронии и синхронии»). Тема диссертационной работы утверждена на заседании Ученого совета Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (протокол № 1 от 25 января 2012 г.).

Цель работы – выявить словообразовательный потенциал гибридных неолексем в текстах масс-медийного дискурса, изучить их деривационные модели и средства адаптации в современном русском языке.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) охарактеризовать активные деривационные процессы с обоснованием основных языковых тенденций;
- 2) проанализировать деривационные модели неодериватов с заимствованными основами и заимствованными аффиксами в современных масс-медийных текстах;
- 3) изучить деривационные модели неодериватов с исконными основами и заимствованными аффиксами;
- 4) исследовать функционально-стилистические признаки неономинаций с учетом семантики структурных компонентов;
- 5) определить пути адаптации гибридных неономинаций в современном русском языке.

Объектом исследования являются гибридные лексические инновации, функционирующие в текстах масс-медийного дискурса.

Предмет исследования составили словообразовательные модели и семантика новых гибридных единиц в русскоязычных медиа-текстах.

Исследование строилось на материале русскоязычных украинских и российских масс-медийных текстов за 2011–2014 гг. Основанием для включения в корпус исследуемых неономинаций являлась активная фиксация слов в текстах СМИ и отсутствие их в современных лексикографических источниках.

Картотека материала составляет 2240 новообразований, выделенных методом сплошной выборки из текстов масс-медийного дискурса.

Методы исследования обусловлены его целью и задачами и базируются на комплексном подходе, который основывается на единстве системного и функционального описания неодериватов с позиции взаимодействия семантики, прагматики и синтагматики. В процессе отбора материала главными методами исследования были описательный и индуктивный методы, построенные на наблюдении, систематизации и классификации исследуемых языковых единиц с целью их дальнейшего синтеза и обобщения. Метод компонентного анализа позволил установить семную структуру гибридных неодериватов. Метод морфемного и словообразовательного анализа использовался для исследования морфемной и словообразовательной структуры неономинаций, установления конкурирующих разносуффиксальных единиц, выявления морфонологических явлений на морфемном шве, что определяло степень адаптации гибридных производных.

Элементы дистрибутивного и трансформационного методов в сочетании с приемом сравнения словарных дефиниций использовались с целью установления универсальных и дифференциальных признаков неодериватов для классификации типов семантической соотнесенности компонентов. Посредством метода лингвистического моделирования проводился отбор потенциальных и окказиональных единиц, а также определялась продуктивность компонентов сложных слов. Метод контекстологического анализа использовался для описания особенностей реализации гибридных

лексических инноваций в масс-медийных текстах и выявления тенденций адаптации неолексем в русском языке.

Научная новизна предлагаемого исследования заключается в комплексном подходе к изучению деривационных моделей неолексем с неоморфемами и неоформантами, в систематизации лексических инноваций, функционирующих в масс-медийных текстах, и описании их смысловых отношений. В диссертационной работе доказывается, что в современной словообразовательной системе значительно изменился не только характер номинаций, но и репертуар деривационных способов их образования. Особенно ярко данные тенденции отражаются в медиатекстах. Впервые предпринимается попытка описания наиболее активных словообразовательных моделей, используемых для создания новой лексики, определяются их функциональные возможности в медиатекстах, характеризуются тенденции адаптации и стабилизации неолексем в современном русском языке. Систематизация существующих классификаций гибридных новообразований позволила разработать авторские принципы анализа лексических инноваций с учетом семантико-прагматических особенностей реализации неолексем в масс-медийных текстах. Комплексный анализ узуальных и окказиональных деривационных процессов, предпринятый в работе, определяется изучением лексических инноваций как с позиции дериватологии, так и с позиции теории деривационных отношений.

Теоретическая значимость диссертации состоит в выявлении новых тенденций в словопроизводстве, в установлении наиболее продуктивных деривационных моделей, лежащих в основе образования новых гибридных слов в масс-медийном дискурсе, в определении источников их адаптации в русском языке. В исследовании развиваются теоретические положения неологии как актуального научного направления, интегрирующего изменения в лексической и грамматической языковых системах. Полученные результаты являются определенным вкладом в изучение проблем системного словообразования, а

также в развитие неологии и неографии как лексикографического моделирования лексических инноваций.

Практическая значимость полученных результатов заключается в использовании основных положений диссертации в исследованиях по словообразованию и лексикологии русского языка, общему языкознанию, лингвокогнитологии и лингвистике текста, в лексикографической практике при составлении словарей гибридных неолексем, в курсах по лексике современного русского языка, в спецкурсах по изучению языка СМИ и неодеривации, а также в преподавании дисциплин по актуальным направлениям современного русского языка. Полученные в исследовании данные могут быть полезны для расширения корпуса русского языка не вошедшими в литературный фонд единицами, для уточнения лексикографических интерпретаций и особенностей кодификации лексических инноваций.

Апробация. Основные положения и выводы диссертации обсуждались в докладах и выступлениях на Международных конференциях «Художественный текст в разных лингвистических парадигмах» (Харьков, 2012, 2013), «Межкультурные коммуникации: информационно-коммуникативные технологии в лингвистике» (Алушта, 2012), «Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии» (Казань, 2012), «Язык. Культура. Коммуникация» (Южно-Уральск, 2012), «Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии: текст, коммуникации, культура» (Симферополь, 2011-2013), «Лінгвокогнітологія і мовні структури» (Дніпропетровськ, 2013), «Диалог культур в полиэтническом мире» (Симферополь, 2013), «Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках» (Днепропетровск, 2013), «Межкультурные коммуникации: современные языковые парадигмы» (Алушта, 2013), «Диалог культур: лингвокультурологическая база гуманитарного образования» (Симферополь, 2013), «Русистика и современность» (Одесса, 2013), «Политическая коммуникация» (Екатеринбург, 2013), «Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии: языковая личность и картина мира»

(Симферополь, 2011–2013), «Русистика XXI века: направления, идеи, проблемы» (Донецк, 2013); в Межвузовской студенческой научно-практической конференции «Текст, перевод, культура: русский язык в культурном пространстве Латвии» (Латвия, 2012); на VI Международном фестивале «Великое русское слово» (Одесса, 2012); в V Международном конгрессе исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 2014); на Всеукраинских и региональных конференциях, на ежегодных конференциях профессорско-преподавательского состава Таврического национального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь, 2012–2014).

Публикации. Основные результаты исследования отражены в 14 публикациях, 7 из которых опубликованы в научных изданиях, входящих в перечень специализированных изданий Украины и России.

Структура диссертации. Диссертация состоит из Введения, четырех разделов с выводами к каждому из них, Выводов, Списка использованных источников, который включает 224 позиции (из них 38 позиций – лексикографические источники разного типа). Общий объем диссертации составляет 208 страниц, из них – 184 страницы основного текста.

РАЗДЕЛ 1.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Неологизмы традиционно рассматриваются как результат динамических процессов, которые отражают адаптацию языка к трансформациям, происходящим в политической, экономической и социальной сферах деятельности человека. Эти изменения характерны прежде всего для лексической и грамматической систем языка. Наряду с появлением новых понятий и явлений происходит обновление русского лексикона, единицы которого различны по способам номинации и степени новизны. Обзор лингвистической литературы показал противоречивость объема термина «неологизм». Неоднозначность понятия «нового» в языке подчеркивается многообразием наименований: новообразование, инновация, новая номинация, неономинация, новое наименование, неологизм, окказионализм и др.

В исследованиях последнего десятилетия проблемы неологии стали объектом активного изучения. основополагающими работами, позволяющими объяснить многие современные деривационные процессы в языковой системе, являются исследования О. А. Габинской, В. Г. Гака, Д. В. Гугунавы, Е. А. Земской, Е. А. Карпиловской, Н. Ф. Клименко, Н. З. Котеловой, Л. П. Крысина, Л. А. Кудрявцевой, А. В. Петрова, Е. В. Петрухиной, Л. И. Плотниковой, Т. В. Поповой, Т. С. Пристайко, Л. В. Рацибурской, В. И. Теркулова и др. Интерес лингвистов направлен на проблемы неологии в разных аспектах: лексико-морфологическом (А. А. Брагина, Л. Г. Лыков, И. С. Улуханов), семантическом (Л. Е. Бессонова, Т. С. Пристайко, Н. П. Тропина, И. И. Турута), функционально-стилистическом (Г. О. Винокур, Л. В. Измайлова, Р. Ю. Намитокова, Г. П. Савельева, Эр. Хан-Пира), словообразовательном (О. И. Александрова, Н. Г. Бабенко, М. А. Бакина, Н. А. Богданов,

О. А. Габинская, А. В. Горелкина, Е. А. Земская, М. У. Калниязов, В. В. Лопатин, А. Г. Лыков, Р. Ю. Намитокова, В. З. Санников, В. Б. Сузанович, И. С. Улуханов, В. Н. Хохлачева, Н. М. Шанский, Л. А. Шеляховская, Н. А. Янко-Триницкая), ономаσιологическом (С. М. Васильченко, О. А. Габинская, В. А. Губанова, В. В. Домогатская, Л. С. Евдокимова, И. С. Торопцев, М. С. Малеева, И. А. Устименко).

При изучении языковых единиц важно обратиться к выявлению механизмов создания новых слов, описанию словообразовательных ресурсов в лексической системе языка. По мнению Е. С. Кубряковой, «словообразование, тесно связанное с номинацией, является тем звеном в языковой системе, которое ответственно за формирование обозначений элементов внешнего и внутреннего опыта человека; в соответствии с этим словообразование определяется как система средств, единиц, связей, служащих процессам номинации и ими обусловлена» [76, с. 250]. Данный тезис развивается в исследованиях Т. В. Поповой и Л. А. Пасечной. По убеждению лингвистов, «номинация как языковое явление теснейшим образом связана со словообразованием. Изучение тех или иных языковых явлений в ономаσιологическом плане означает, что в центре внимания находится вопрос о том, как связаны эти явления с обозначением окружающей нас действительности, с выбором и созданием названий для отдельных ее фрагментов» [104, с. 170]. Функции деривационного механизма языка, как справедливо замечает Е. А. Земская, отражают различные коммуникативные установки говорящего. Исследователь подчеркивает, что говорящий «создает необходимое наименование, или изменяет синтаксическое построение речи, либо производит более краткую номинацию, либо получает экспрессивную форму выражения, либо использует средство выражения, соответствующее той или иной сфере речи» [44, с. 8]. Описывая процессы образования и формирования внутренней структуры номинативных единиц, В. И. Теркулов утверждает, что «процессы образования новых слов и, шире, новых номинативных

рассматривались лингвистикой в системе способов словообразования [...] традиционная типология способов словообразования, предложенная еще В.В. Виноградовым и включающая морфологический, лексико-семантический, морфолого-синтаксический и лексико-синтаксический способы, не лишена целого ряда недостатков», в связи с этим «часто предпринимались попытки если не построения новой системы способов словообразования, то коррекции уже существующей» [155, с. 158]. Важная роль словообразовательного потенциала языковых единиц, по замечанию Л. Е. Бессоновой, заключается в его функциональных характеристиках. Исследователь обращает внимание на то, что «словообразовательный аспект позволяет раскрыть признаки и свойства денотативно связанных единиц, их связи и отношения, аксиологическую нагрузку, а также измерить коммуникативную значимость лексической единицы для языкового сознания носителя языка» [12, с. 50]. Изложенные положения доказывают высокую ценность деривационных механизмов при пополнении языка новыми единицами, отражении изменений в русской языковой картине мира.

Необходимо отметить, что большая часть исследований направлена на изучение аспектов функционирования лексических инноваций в английском и немецком языках, в частности, степени адаптации к системе языка [6; 64; 111; 124]. Так, рассматривая лексические новообразования в англоязычном политическом дискурсе, Н. А. Князев отмечает активность лексических инноваций, заимствованных из английского языка. Сложные или сложносокращенные структуры, исследуемые автором на материале английского языка, в результате транслитерации, на наш взгляд, могут войти также в русский язык: *baracknophobia* (контаминация двух слов: имени собственного Barak Obama и существительного *arachnophobia*); *genopolitics* (контаминация существительных *genetics* и *politics*); *micro-donor* (человек, который жертвует небольшую сумму денег на политическую кампанию или на какие-либо другие цели) и др. [64, с. 75].

При образовании лексических инноваций, выявлении объема и границ неолексем исследователями выделяются ряд критериев и принципов, по которым выделяются наиболее активные словообразовательные структуры и источники новых номинаций. Так, Е. А. Пивченко подчеркивает, что «к разряду лексических инноваций причисляют также так называемые “модные слова”. Модные слова распознаются по следующим критериям: обозначают уже существующий денотат; не привязаны к определенной идеологии и обладают широкой семантикой (это прежде всего экспрессивные и оценочные лексические единицы); выделяются высокой частотностью употребления; выполняют коммуникативно-прагматическую функцию социального маркера; характеризуются временной популярностью» [111, с. 136]. Таким образом, лексические инновации в современном русском языке не только выполняют коммуникативную функцию, но и приобретают социокультурную значимость, характеризующую культурно-языковые особенности современного сообщества.

Активные процессы словопроизводства, связанные с интенсивным пополнением языка новыми заимствованиями, отражают не только глубокие социально-политические и экономические трансформации в жизни общества последнего десятилетия, но и изменения в лексической системе языка, ее деривационном потенциале, прагматических смыслах вербальных единиц. Деривационная система русского языка расширила свой потенциал, проявляя при этом креативность, образность, экспрессивность. Выделение типов лексико-грамматических неологизмов на основе классификационных параметров связано с формальными, семантическими и функционально-стилистическими признаками заимствованного слова, а также степенью его адаптации в русском языке.

1.1. Активные процессы в русском словообразовании

Языковые преобразования характерны для всех уровней языка: фонетического, словообразовательного, морфологического, лексического и грамматического. Описывая активные процессы в лексике и фразеологии, лингвисты отмечают тот факт, что языковые изменения «на переломе» общественной жизни, были активно восприняты языковым сознанием носителей языка: уход в пассив пластов лексики эпохи социализма; новая жизнь слов, обозначающих актуальные понятия нашего времени; поток заимствований, наводнивший не только язык науки и техники, но и повседневного быта и официальную публичную речь; семантические и стилистические смещения и перераспределение [18; 42; 43; 65; 68; 69; 110]. Данные процессы создают «динамичную картину жизни», которая не успевает фиксироваться словарями.

Процессы изменения языка происходят под влиянием ряда факторов. Внутренние факторы, выделенные Н. С. Валгиной, определяются следующими законами: законом системности как основным законом, являющимся одновременно и свойством, качеством языка; законом традиции, сдерживающим инновационные процессы; законом аналогии (стимулятором подрыва традиционности); законом экономии, или законом «наименьшего усилия», ориентированным на ускорение темпов жизни общества; законом противоречий (антиномий), который является, по мнению лингвиста, «зачинщикjv» борьбы противоположностей, заложенных в самой системе языка: будучи присущими самому объекту (языку), антиномии как бы готовят взрыв изнутри [18, с. 13–20]. Кроме внутренних причин, вызывающих изменения в структуре и семантике слова, существует и ряд внешних. К внешним факторам, влияющим на языковые изменения нового качества, могут быть отнесены следующие: изменение структуры языкового сообщества, усиление миграционных процессов, введение новых государственных законов, развитие науки,

техники, расширение международных контактов. Кроме того, одним из важных является фактор активного действия средств массовой информации (печать, радио, телевидение, Интернет), который тесно связан с фактором социально-психологической адаптации личности к социальным изменениям.

Внутренние и внешние законы развития языка, таким образом, являются основным толчком для изменения языка под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов.

Эвфемизация речи, по убеждению ученых, направлена прежде всего на избежание коммуникативных конфликтов и неудач, нивелирование коммуникативного дискомфорта, «вуалирование» сущности дела [73, с. 34]. Таким образом, использование эвфемизмов в современной коммуникации направлено на поддержание толерантных отношений и построение конструктивного диалога.

Особой приметой языковых изменений лингвисты признают процесс демократизации, или, по определению В. Г. Костомарова, процесс либерализации (разрушение литературной нормы) языка. Процесс демократизации языка определяется исследователями как наиболее общее понятие для процессов «раскрепощения» языка, размывания границ между функциональными подсистемами, взаимодействия между литературным языком и внелитературными элементами, жаргонизации, либерализации, расшатывания традиционной нормы, «коллоквиализации» (Г. О. Винокур, В. В. Виноградов, А. И. Горшков, К. Гутшмидт, А. И. Ефимов, Е. Г. Ковалевская, В. Г. Костомаров, Л. П. Крысин, Г. Н. Складаревская, Т. Б. Трошева, С. В. Чернова и др.).

Исследователями отмечается, что в современной русской речи достаточно отчетливо проявляются две противоположные тенденции: к огрублению речи и к ее эвфемизации, что является результатом коммуникативной релевантности, прежде всего, медиатекста, политического и рекламного текстов. Процесс деспециализации терминов,

по мнению лексикологов, обычно проходит три этапа: 1) расширение употребления; при этом термины, используемые СМИ, обнаруживают тенденцию к некоторому упрощению смысловой структуры, сохраняя свои терминологические характеристики; 2) употребление термина в неспециальных текстах и связанное с этим его переосмысление; такие нестандартные употребления, как правило, бывают экспрессивно маркированы; 3) новое нетерминологическое значение утрачивает свою экспрессивность, становится узуальным и фиксируется в словарях как производное, преимущественно нейтральное значение. Отсутствие закреплённого компонента в семантической структуре слова-термина, размытость границ между специальной терминологией и нейтральной лексикой, семантическая многозначность слова являются факторами смысловой неопределённости масс-медийного текста. Современные СМИ создали особую культуру эвфемизмов, способных вуалировать факты и события, которые могут вызвать отрицательные ассоциации или антипатию в сознании личности.

Как показал анализ практического материала, лексические инвективы (жаргонизмы, арготизмы, обценная лексика, ярлыки) как знаки вербальной агрессии являются коммуникативными маркерами прагматической шкалы «свой – чужой», заложенной в текстатх СМИ, при этом степень коннотации инвективы определяет степень интенсивности агрессии: «наши» против «ваших». Этот фактор наблюдается в масс-медийном дискурсе особенно четко в период острых, революционных политических изменений общества. Языковые средства, эксплицирующие одну из базовых оппозиций масс-медийного дискурса «свой – чужой», характеризуют высокий уровень агрессивности при описании речевого поведения членов современного сообщества.

Одним из активных процессов, происходящих в лексической системе русского языка начала XXI в., является процесс заимствования. Лингвисты интерпретируют этот факт, приводя различные аргументы, один из

которых связан со стремительным развитием политических, экономических и культурных связей между этническими группами. В результате экстралингвистических контактов в язык проникают слова, обозначающие новые реалии и понятия, не свойственные данному этнокультурному пространству. Это служит фактором пополнения и обогащения русского языка иноязычными источниками на протяжении всего процесса его исторического развития. По мере того, как в лингвистических исследованиях накапливались глубокие и ценные наблюдения ученых над иноязычными словами или группами слов, собирался материал, касающийся взаимодействия различных языков, все четче вырисовывались задачи, связанные с общетеоретическим пониманием лексического заимствования как процесса, свойственного в большей или меньшей степени всем естественным языкам. От исследования интересных, но случайных и разрозненных фактов ученые обратились к проблемам, решение которых должно было определить место заимствования в сложной картине социально-экономических, политических, культурно-исторических и языковых контактов разных народов.

Характеризуя состояние языка в начале XXI века, необходимо обратить внимание на активность процесса десемантизации терминов – процесс детерминологизации. По мнению Н. С. Валгиной, «детерминологизация как процесс всегда была связана с теми периодами в жизни русского языка, когда он особенно активно впитывал в себя иноязычное слово» [18, с. 96]. Иное наименование данного явления – процесс «онаучивания», который заключается во внедрении огромного количества терминологической лексики в основной массив словоупотребления.

Лексическая система русского языка отличается динамичностью, подвижностью, активностью языковых процессов, связанных с пополнением единиц из других языков. Иноязычные источники пополняли

и обогащали русский язык на протяжении всего периода его исторического развития. Л. Е. Бессонова отмечает, что «активное употребление иноязычной лексики в речевой культуре общества, несомненный интерес и толерантное отношение к заимствованиям у носителей языка позволяет определить коммуникативно-прагматические механизмы актуализации широкого употребления интернационализмов» [12, с. 50].

Характеризуя причины появления новых слов, Л. П. Крысин подчеркивает, что «распад Советского Союза означал, в частности, и разрушение большей части преград, стоявших на пути к общению с западным миром. Активизировались деловые, научные, торговые, культурные связи, расцвел зарубежный туризм; обычным делом стала длительная работа наших специалистов в учреждениях других стран [...] Это означало интенсификацию общения носителей русского языка с носителями иных языков, что является важным условием не только для непосредственного заимствования лексики из этих языков, но и для приобщения носителей русского языка к интернациональным (а чаще созданным на базе английского языка) терминологическим системам, например, в таких областях, как вычислительная техника, экономика, финансы, коммерция, спорт, мода и др.» [70]. Исследователь отмечает, что «в русской речи сначала в профессиональной среде, а затем и за ее пределами появились термины, относящиеся к компьютерной технике: само слово *компьютер*, а также *дисплей*, *файл*, *интерфейс*, *принтер* и мн. др., названия видов спорта (новых или по-новому именуемых): *виндсерфинг*, *скейтборд*, *армрестлинг*, *кикбоксинг*, *фристайл* и др.» [70]. Данный тезис, на наш взгляд, не может вызывать сомнений, поскольку именно эти сферы, по результатам корпуса выборки, являются сегодня востребованными и актуальными.

Л. П. Крысин обращает внимание еще на один немаловажный факт. Исследователь подчеркивает, что «многочисленные экономические и финансовые термины выходят за пределы своей сферы: *бартер*, *брокер*,

ваучер, дилер, дистрибьютор, инвестиция, маркетинг, монетаризм, фьючерсные кредиты и т.п. Многие из перечисленных слов были заимствованы давно, но использовались преимущественно среди специалистов. Однако по мере того, как явления, обозначаемые этими терминами, становились актуальными для всего общества, узкоспециальная терминология выходила за пределы профессиональной среды и начинала употребляться в прессе, в радио- и телепередачах, в публичной речи политиков и бизнесменов» [70]. Именно переход языковых единиц из одной функциональной сферы в другую является, как нам кажется, приметой русского языка последних десятилетий.

Современный русский язык, по убеждению Г. Н. Складневской, характеризуется обширным массивом новой лексики, еще не включенной в толковые словари или зафиксированной в словарях последнего десятилетия, который стремительно заполняет те тематические пространства, которые с наибольшей полнотой отражают изменения, происходящие в жизни общества: политика, государственное устройство, идеология (*антиноменклатурный, антиправо, антиправовой, конфромизм, фундаменталист*); экономика, финансовое дело (*бессобственнический, бизнес-центр, брокер, ваучер, инвалюта*); религии, верования (*кришнаиты, лама, махаяна, чакры, экуменизм*); медицина (*антистресс, мануальный, СПИД, хоспис*); армия, охранительные органы (*омоновский, омоновец, отказник, силовик*); современная молодежная музыка (*диско, мейнстрим, рейв, рок*); молодежная субкультура (*бодипирсинг, пирсинг*); спорт, игры (*бодибилдинг, боулинг*); еда, напитки (*баночный коктейль, фуа-гра, крекер*); предметы обихода, украшения, игрушки (*биотуалет, тупсы, трансформер*); одежда, фасоны одежды (*адидасы, боди, бюстье, капри, карго, косуха, парка, пуховик, свингер, слаксы, топ, топless, шазюбль*); ткани, материалы (*крэг, лайкра, наппа, нубук, органза, стреч, эластан*); сфера паранормальных явлений (*телекинез, телекинетический, экстрасенс*); косметика (*гель, скраб, кондиционер*) [137, с. 190]. На наш

взгляд, список перечисленных тематических групп можно расширить с учетом научно-технических преобразований в обществе: компьютерная лексика и лексика социальных сетей (*вебинар, интернетчик, осетить, флеш-накопитель, Твиттер, твинекдот, твитоголик, взломщик*); рекламная лексика (*баннер, забанить, брехлама*) и др.

В последние годы происходят два важнейших процесса, которые тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга. С одной стороны, наблюдается быстрое исчезновение большого количества слов, связанных с советским временем, временем социализма. С другой стороны, возвращаются вместе с новыми реалиями некоторые слова, прежде считавшиеся устаревшими.

На другом полюсе хронологической оси находятся неологизмы. Под неологизмами в лексикографии принято понимать слова, еще не зафиксированные в толковых словарях либо представленные в специальных словарях новых слов. Заимствование является одним из основных и крупных источников для пополнения языка новой лексикой. Иностранные слова, попадая в русский язык, воспринимаются как полный эквивалент существующему в языке слову. Так, со временем в результате синтагматических и парадигматических отношений заимствованные слова развивают новые оттенки значения, приобретают другую стилистическую окраску, меняют коннотативное значение, затем с новым значением находят свое место в лексической системе языка-реципиента.

Большой пласт иноязычных слов, активно употребляющихся в русской речи, в 70-х годах XX в. представляли собой слова-экзотизмы. Кроме экзотического номинативного значения, эти слова имели еще и «идеологическую» окраску (в толковых словарях они подавались с пометой «применительно к западному образу жизни»). В настоящее время многие бывшие экзотизмы в результате экстралингвистических причин утратили «экзотичность», а некоторые, кроме того, развили новые значения (*бизнесмен, бизнесвумен, колледж, крупные, продюсер, шоу* и др.). Еще одно новое языковое явление, свидетельствующее о начальном этапе освоения

иноязычной лексики русским языком, это комбинированное (латиницей и кириллицей) написание сложносоставных слов (*IBM-совместимый, PR-акция, PR-менеджер, VIP-клиент, Web-сайт*), а также некоторые слова, образованные от иноязычных единиц по словообразовательной модели русского языка (*PRщик, VIPовский*). Этот лексический материал дает возможность зафиксировать момент соприкосновения двух разноязычных систем и, следовательно, первый этап на пути процесса заимствования слова. Обобщив результаты рассмотренных классификаций, касающихся типологии заимствований по степени их адаптации, мы пришли к следующему выводу: в концепции Л. П. Крысина, которая оказала влияние на все позднейшие разработки в области теории заимствования, термину *экзотизм* соответствует значение «частично адаптированное (освоенное) заимствование», используемое для номинации реалии другой, незнакомой культуры. Неосвоенные заимствованные слова Л. П. Крысин характеризует как иноязычные вкрапления. Полностью освоенные слова ученый характеризует как собственно заимствования.

Анализируя социальные факторы и развитие современного русского языка, И. А. Стернин говорит о том, что происходит «расширение тематики устного общения, расширение активного словарного запаса значительного круга людей, совершенствование навыков неподготовленной устной речи, ускоренному развитию устной формы существования языка, расширение функций устной и разговорной речи» [143, с. 2]. Лингвист утверждает, что «изменения затрагивают и письменную публицистику – она тоже становится более разговорной, эмоциональной, раскованной; сокращается объем письменного межличностного общения, предпочтение отдается устным формам» [143, с. 2].

Исследовав развитие русского языка, ученый приходит к выводу, что «система русского языка претерпевает в ряде аспектов существенные количественные, качественные и функциональные изменения, однако не претерпевает каких-либо революционных изменений (тем более ведущих к

ее разрушению или распаду), сохраняя системную и структурную целостность, устойчивый характер функционирования и внутреннюю идентичность» [143, с. 7]. И. А. Стернин утверждает, что значительные изменения произошли в тематической сфере рыночной экономики, политики, шоу-бизнеса и бытовой техники. Данные тематические сферы наиболее подверглись процессу заимствования иноязычной лексики, калькированию, «посредством которого образуются как многочисленные новые значения русских слов, так и новые словосочетания и фразеологизмы» [143, с. 8]. Лингвист подытоживает свое исследование определением обобщенных тенденций, характерных для русского языка конца XX века. Так, в качестве основных тенденций ученый выделяет интенсивность и быстроту изменений в языке, определяющее влияние общественно-политических процессов на языковое развитие, существенные изменения в лексике и фразеологии, доминирование количественных изменений над качественными, преобладание функциональных изменений над системными [143, с. 9].

Появление лексических инноваций обусловлено как экстралингвистическими, так и интралингвистическими факторами, т.е. «внешними» и «внутренними» причинами языковых изменений. Внешние причины связаны с социокультурными, экономическими и политическими факторами, влияющими на лексический состав языка того или иного временного периода; внутренние причины характеризуются особенностями анализируемого языка, его характеристикой и внутренними трансформациями.

Исследуя особенности словотворчества в современной литературной критике, Д. В. Гугунава выделяет следующие аспекты: «1) терминологический и методологический «разнобой» в современной лингвистике и, в частности, лексикографии; 2) в критерии выделения префиксоида можно включить уточнение: префиксоидом может быть не только корень в функции аффикса (что больше подходит к исконным

элементам), но и заимствованный аффикс, обретающий корневую семантику (закрепляющий за собой определенный сегмент концептосферы); 3) усиление роли препозитивных частей в деривации вызвано, вероятно, потребностью в повышенной информативности деривата; 4) учитывая тенденцию к экономии языковых средств, нельзя признать вполне продуктивным подход толковых словарей, не разграничивающих многие синонимичные морфемы ни семантически, ни функционально и др.» [32, с. 43]. Данные аспекты, безусловно, играют важную роль и при исследовании масс-медийного дискурса.

Характеризуя активные процессы в русском словообразовании, лингвисты отмечают следующие явления: резкое увеличение потока иноязычных единиц, демократизацию языка, снижение литературных норм, стремление к эмоциональному началу, ослабление нормативных правил образования, использование приемов языковой игры, экономию языковых средств и др. Более значимыми являются процессы детерминологизации и деидеологизации заимствованных ранее номинаций, процессы семантической трансформации адаптированных языком слов и создание на их основе новых словообразовательных производных [12, с. 50].

Проанализировав активные словообразовательные процессы, Н. С. Валгина отмечает, что «словопроизводство как единство двух планов – формального (структурного) и семантического – проявило себя в настоящее время как наиболее активная сторона языковой системы. Несмотря на стабильность и традиционность основных способов и типов словообразования, результаты словообразовательных процессов по количеству полученных новообразований оказались очень значительными» [18, с. 153]. Лингвист подчеркивает, что «известные словообразовательные модели в современном языке реализовались в виде множества конкретных предметных значений, значительно пополнив словарный состав языка; при этом особенно активным оказалось

производство абстрактных имен, имен со значением лица, дифференцированного по роду деятельности, принадлежности к различным партиям, организациям; усилилось образование оценочных, эмоционально-экспрессивных имен, окказиональных образований от собственных имен» [18, с. 153]. Появление новых словообразовательных моделей Н. С. Валгина связывает с изменениями, происходящими в экстралингвистической реальности. Так, по наблюдениям ученого, «особенно активны в качестве базы словопроизводства социально значимые слова эпохи, семантика которых отражает политические и социально-экономические изменения в стране, в частности, расслоение населения в материальном и социальном плане, развитие рыночных отношений, изменение ценностных ориентации, расширение сферы бизнеса, информатики, массовой культуры и др. Высокую степень продуктивности обнаруживают словообразовательные элементы иноязычного происхождения – префиксы, суффиксы, производящие основы (*квазирынок, супербогач, постсоветский; ваучерный, ваучеризация, рейтинговый, референдумный; санта-барбарцы*), а также основы собственных имен (*гайдаризация, ельцинизм*)» [18, с. 153].

Немаловажной характеристикой современного состояния русского языка является процесс образования однословной номинации из многословной (универбация), описанный В. Н. Виноградовой, О.А. Габинской, Р.И. Гафаровой, Н. В. Дьячок, А. В. Исаченко, Л. А. Кудрявцевой, В. В. Лопатиным, Л. И. Осиповой, А.В. Петровым, Л.И. Плотниковой, В.И. Теркуловым, И. А. Устименко и др. Семантическая компрессия повлияла на появление новых образований в лексической системе. Примерами таких образований могут служить словосочетания, перешедшие в результате конденсации в однословные номинации: *внедорожник* (внедорожный автомобиль), *клубняк* (клубная музыка, активная модель образования универбов, представленная

сочетанием «имя прилагательное + имя существительное»), *флешка* (USB-флеш-накопитель), *симка* (sim-карта) и др.

В исследованиях последнего десятилетия к активным языковым процессам лингвисты относят также интернационализацию языка. Продуктивными являются деривационные компоненты: *аква-*, *арт-*, *архи-*, *гипер-*, *кросс-*, *медиа-*, *макро-*, *микро-*, *пиар-*, *супер-*, *топ-*, *ультра-*, *шоу-*, *-ант*, *-ман*, *-мейкер* и др. Так, заимствованный префиксоид **кросс-** (англ. cross – «скрещение, пересечение») в русском лексиконе динамичен при образовании неолексем: **кросс-кантри** (англ. cross-country) – одна из спортивных дисциплин (гонки по пересеченной местности со спусками); **кросс-курс** (англ. cross – ‘поперечный, пересекающийся’ + лат. cursus – ‘бег; течение’) – курсовое соотношение между двумя валютами, определяемое на основе курса этих валют по отношению к третьей валюте; **кросс-продажи** или **кросс-селлинг** (англ. cross-selling) – перекрестная продажа; **кросс-листинг** (англ. cross listing) – котировка ценной бумаги одновременно на нескольких фондовых биржах разных государств; **кросскультурный**; **кросс-оптический**; **кроссплатформенный** и др. Активным является процесс возникновения лексических единиц новообразований с основой **-терапия** (греч. θεραπεία [therapeia] – ‘лечение, оздоровление’), зафиксированных в контекстных употреблениях, но не нашедших своего отражения в лексикографической практике: **анималотерапия** (вид терапии, использующий животных и их образы для оказания психотерапевтической помощи); **арт-терапия** (терапия творчеством), **дельфинотерапия** (метод психотерапии, где в центре психотерапевтического процесса лежит общение человека и дельфина); **кинотерапия** (оздоровление посредством просмотра фильма), **стоун-терапия** (лечение камнями), **фауна-терапия** (терапия, построенная на принципах единства человека и мира), **фитнес-терапия** (лечение посредством фитнеса), **МОРА-терапия** («биорезонансная» терапия) и др.

Новообразования в современной языковой системе являются отражением активных процессов в области словообразования, связанных с адаптирующей функцией русского языка (заимствованные лексемы в русском языке проходят процесс адаптации прежде всего с помощью словообразовательных средств):

1. Образование существительных с заимствованными аффиксальными морфемами: а) префиксами / префиксоидами: *супер-, псевдо-, де-, экс-, мега-, топ-, нон-, анти-* и др. (Пр.: *псевдосфера, демотиватор, экспредчувствие, нонфакт, нонфигуральный, антигламурный, антидемпинговый* и др.); б) суффиксами / суффиксоидами: *-инг, -изм, -ер, -изаци(я), -ист, -оид, -гейт* и др. (Пр.: *паркинг, эскапизм* (англ. escape – «побег»), *франчайзинг, ребрендинг, джипинг, рерайтер* (англ. rewriter – «переписчик» ← от write – «писать»), *рекрутер* (англ. recruiter – «набиратель»), *стартапер* и др.).

2. Сложение основ: *блиц-опрос, брейн-ринг, фейс-контроль, маркет-мейкер, кофе-брейк, арт-кафе* и др.

3. Аббревиация: а) *ВИП (VIP, англ. Very Important Person), PR* (англ. public relations), *IP* (англ. internet protocol); б) *КПК* (карманный персональный компьютер) и др. В контекстных употреблениях от аббревиатуры «VIP» и его графических вариантов *V.I.P., ВИП, Вип, вип* созданы такие модели: *vip-апартаменты, VIP-сервис, ViP-уровень, VIP-резюме, VIP-объявление, Вип-Тур* (туристическая фирма), *ВИП-линия, столичные VIP'ы (VIP-ы, V.I.P.ы), Киевские випы* и др.

4. Сложносокращенные слова: *виртоман, демлидер, инфонауза, автосауна, автоджакузи* и др.

5. Сокращенные слова: *соц, шиз, тех, эко* (от «экологический»), *поп* (от «популярный»), *био* и др.

6. Изменение семантики заимствованного слова под влиянием социокультурных факторов: *опция, месседж, тендер, сингл, драйв* и др.

Особенностью современных неологизмов является то, что многие из них появляются в составе целой группы образований, созданных по тождественным моделям. Иноязычные неологизмы обладают разными словообразовательными возможностями. По мнению лингвистов, «при реализации словообразовательных возможностей иноязычного неологизма имеет значение не только характер его морфологической структуры и его грамматическая освоенность русским языком, но и степень частотности в языке» [71, с. 20]. Исследователи подчеркивают, что при высокой социальной значимости, частотном использовании в масс-медийных текстах и устной коммуникации некоторые заимствования становятся основой для производных более активно, чем структурно сходные с ними слова.

Рассматривая активные процессы словотворчества в современном русском языке, Э. С. Денисова выявляет узуальные и неuzuальные способы образования инноваций с опорой на категоризацию словообразовательных значений в пространстве языка рекламы [34, с. 364]. Так, исследователь предлагает следующие тезисы:

1. Продуктивность узуальных способов образования отмечается у аффиксальных дериватов и композитов (ср.: *ВОЛНушка*, *ЦифрОград* {цифра+град}, *ORANGEтур* и др.).

2. Среди неuzuальных способов и приемов активность новообразований отмечается при междусловном наложении (ср.: *Спортугалия* {спорт+Португалия}, *МАРГОША* {Марго+Гоша} и др.); в рекламных текстах достаточно активно используется прием контаминации, при котором соединяются два узуальных слова (ср.: *домобиль* {дом+автомобиль}, *аудимобиль* {аудио+автомобиль} и др.).

3. К одному из наиболее распространенных приемов порождения окказионализмов в рекламе относится образование по конкретному образцу (ср.: {Лас-Вегас} – Лас-Книгас; {шоколад} – ШИКолад и др.).

4. Особые выразительные возможности окказионализмов могут

выступать в качестве «семиотической провокации» (ср.: *Tuborg – початок GREENiозного настрою; GREENiозно!*).

5. Продуктивным становится способ образования слов, при котором используются визуальные (графические / орфографические) средства выразительности (ср.: *КиберПочт@, %ста, соВСЕМ* и др.).

6. Для данной лексической группы характерно использование графического маркирования определенной фонемы / морфемы деривата (прием капитализации), а звуковая оболочка данной единицы дублирует визуальную (ср.: *АПТЕКАрь, адвокатУРА*).

7. Новообразования, которые не имеют дословного перевода на русском языке, но со временем могут стать эквивалентом русских единиц (ср.: *биродром* {бир (англ. «пиво») + дром}) [34, с. 364]. Автор приходит к выводу, что при образовании новых номинаций большинство классификационных схем выстраивается на базе словообразовательного и коммуникативно-стилистического аспектов.

Таким образом, значительные изменения в лингвокультурной ситуации обуславливают динамику языковых процессов и расширение креативного потенциала словообразовательных ресурсов русского языка, реализуемого прежде всего в масс-медийных текстах и устной коммуникации.

В лексикографических источниках [214] к активным процессам в современном русском словообразовании относят следующие:

1) **функциональный динамизм** – проникновение в речь и регулярное использование моделей, которые ранее находились на периферии языка: *чернуха, развлекуха* и т. п.; 2) **активизация определенных словообразовательных моделей**: отсубстантивные и отадъективные имена действия с суф. -изаци(я): *долларизация, монетизация*, используемые для наименования процесса превращения, направленного на определенный предмет; высокая продуктивность наименования лица: *перестроечник, рекламист*; 3) **рост**

именной префиксации: активно используются приставки *после-, пост-, анти-, раз-, де-, контр-*, префиксоиды *квази-, лже-, псевдо-*, приставки *супер-, сверх:* *деполитизация, супердешевый, суперпрофессионал* и т.п., что связано с передачей социально и культурологически значимой информации; 4) **«компози́тный взрыв»:** активное использование сложных слов с элементами интернационального характера: *бизнес-, хит-, шоу-, поп-, рок-, видео-:* *бизнес-центр*; 5) **новый виток «аббревиатурного взрыва»:** *Ингнет, ЧР, РИ;* 6) **расширение круга усечений:** *маргинал, безнал;* 7) **участие гибридных слов в языковой игре:** *трепортаж*. Как средство языковой игры используются: 1) контаминация; 2) деаббревиация; 3) ложная мотивация; 4) субституция [214]. В современном словотворчестве данные процессы реализуются с большей или меньшей степенью активности, расширяя словообразовательные возможности существующих в языке лексем.

К активным процессам в русском языке лингвисты относят «чересступенчатое словообразование», суть которого заключается в образовании причастной формы на *-ствующий* от существительных, без участия в данном процессе глагольной формы. Как считает Е. А. Левашов, пропущенное звено делает эти формы псевдопричастными. Например, полная словообразовательная цепочка: *монах – монашество – монашествовать – монашествующий*; неполная, трехчленная цепочка: *диссидент – диссидентство – X – диссидентствующий*; двухчленная цепочка: *интеллигент – X – X – интеллигентствующий*. Подобные примеры, по замечанию исследователей, могут служить свидетельством развитой словообразовательной системы, поскольку производное слово имеет потенциал появиться раньше непосредственно производящего.

Анализируя активные процессы русского словообразования, лингвисты выделяют такие языковые явления, как рост агглютинативных черт в процессе образования слов; появление продуктивных

словообразовательных типов – производство наименований лиц, абстрактные имена и названия процессов, приставочные образования и сложные слова; специализацию словообразовательных средств; аббревиацию; экспрессивные имена; окказиональные слова и др.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в конце XX – начале XXI в системе русского языка произошли заметные изменения экстра- и внутрилингвистического характера. Процессы, происходящие в языке, обусловлены не только высоким уровнем подвижности лексической системы русского языка, но и социально-политическими преобразованиями: демократизация общества, деидеологизация многих сфер деятельности человека, снятие разного рода запретов и ограничений в политической и социальной жизни, а также готовность общества к новым реформам в языке и социальной жизни.

1.2. Современные аспекты изучения неониминаций

В лингвистике начала XXI века проблемы неологии стали объектом активного многоаспектного изучения: денотативного, словообразовательного (Г. Н. Алиева, С. В. Гудилова, Е. Н. Ермакова, М. Н. Золотарева, А. Г. Токтонов, А. А. Шишкина и др.), семантико-прагматического (И. В. Бугаева, Э. А. Бурова, А. В. Зырянова, Н. В. Исаева, И. В. Нечаева, А. О. Тойтукова, Н. В. Черникова, Е. Н. Шевелёва и др.); коммуникативно-функционального (С. С. Изюмская, Л. Ю. Касьянова, О. Ф. Костикова, В. А. Марьянчик, М. А. Москвина, Ю. Н. Пацула, А. А. Сивова, О. С. Синепупова, А. В. Страмной, Н. А. Фазылова и др.), социолингвистического (Е. П. Брежнева, О. А. Змазнева, С. Ю. Портнова, Н. Ю. Санникова и др.), лексикографического (С. И. Алаторцева, Л. В. Безбородова, А. Е. Салман, М. Ю. Семенова и др.).

Необходимо отметить, что для анализа и описания лексических инноваций в русском языке отсутствует четкий терминологический инструментарий. Многообразие толкований новых лексических единиц влечет за собой неопределенность при выборе материала для исследования. Можно говорить о том, что конкретизация определения термина, единая и согласованная терминологическая база укажет на определенное место анализируемого материала в системе языка. Проблема наличия разнообразных классификаций лексических инноваций в языке объясняется также отсутствием терминологического стандарта, а также многообразием лексических новообразований.

Для исследований второй половины XX-го в. характерно отсутствие терминологического аппарата и размытость в определении границ новых слов, однако неологизмы уже были объектом активного изучения, работы многих лингвистов стали базой при анализе некоторых аспектов изучения новых лексических единиц в языке. Термин «неологизм» вошел в научный понятийный аппарат с появлением в языке новых лексических единиц. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В. Н. Ярцевой Н. З. Котеловой предложена следующая дефиниция понятия «неологизмы» (от греч. νέος — новый и λόγος — слово) «слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованные один раз («окказиональные» слова) в каком-либо тексте или акте речи» [195, с. 314]. Исследователь отмечает: «принадлежность слов к неологизмам является признаком относительным и историчным. По мнению Б. Н. Головина, неологизмы определяются также как слова, возникшие на памяти применяющего их поколения. Н. З. Котелова утверждает, что определения неологизмов по денотативному признаку (как обозначающих новые реалии) или стилистическому (сопровождающихся эффектом новизны) не охватывают всех неологизмов, а определение неологизмов как слов, отсутствующих в словарях, не опирается на присущие неологизмам особенности

[195, с. 314]. Таким образом, автор приходит к выводу, что идентифицировать неологизмы по единой классификации невозможно, так как необходимо учитывать различные параметры новых единиц в языке и особенности их возникновения в речи.

Под термином «неологизм» О. С. Ахманова понимает: «1. Слово или оборот, созданные (возникшие) для обозначения нового (прежде неизвестного) предмета или для выражения нового понятия. 2. Новое слово или выражение, не получившее прав гражданства в общенародном языке и потому воспринимающееся как принадлежащее к особому, нередко сниженному стилю речи» [180, с. 262]. Анализируя понятие «неологизм», лингвист разграничивает термины «неологизм стилевой» и «неологизм стилистический». Под «неологизмом стилевым» автор понимает «слово, включение которого в данный жанр литературного произведения является новшеством; слово, общепринятое в повседневном языке, но не употреблявшееся прежде в художественной литературе» [187, с. 262]. «Неологизм стилистический», называемый у других лингвистов авторским, или потенциальным словом, определяется как «неологизм, созданный данным автором данного литературного произведения и обычно не имеющий широкого распространения» [187, с. 262]. В работах Н. М. Шанского неологизмы определяются как «слова, которые, появившись в языке в качестве определенных значимых единиц, еще не вошли в активный словарный запас языка» [162, с. 134]. А. И. Диброва под «неологизмами» понимает «слова, созданные для обозначения новых предметов, признаков, действий. Языковые неологизмы не имеют авторства, образуются чаще продуктивными способами, регистрируются словарями и находятся в пассивном запасе до широкой актуализации обозначаемого явления. Индивидуально-авторские неологизмы / окказионализмы «имеют авторство, могут образовываться продуктивными / непродуктивными способами, индивидуальны в употреблении и остаются прикрепленными к тексту, их породившему»

[138, с. 15]. Ю. Н. Караулов под «неологизмами» понимает «слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованные один раз (окказионализмы) в каком-либо тексте или акте речи. Принадлежность слов к неологизмам (напр., *приватизация, черный ящик, луноход*) является свойством относительным и историчным» [128, с. 262–263].

Как показывает обзор исследований, причина многозначности и неопределенности термина «неологизм» содержится в семантической разветвленности базового слова «новый», что позволяет говорить о широком спектре подходов к изучению данного языкового явления. В нашей работе мы придерживаемся широкого понимания неониминаций и рассматриваем корпус новообразований с точки зрения структурного моделирования, внутренней валентности, семантики и особенностей функционирования в масс-медийных текстах.

По мнению В. И. Заботкиной, «...неологизм – это результат новых ассоциаций или результат устранения омонимии и т.д., т.е. при создании неологизма зачастую действуют чисто внутриязыковые стимулы» [39, с. 14]. Изучая вопрос о соотношении словообразовательных средств, В. В. Лопатин рассматривает «неологизмы» как новые слова языка, которые довольно скоро перестают восприниматься как новые слова, так как новизна их со временем стирается [79, с. 597]. Е. В. Розен отмечает, что все лексические новшества, новые словарные единицы, фразеологизмы, новые значения и новые варианты словоупотребления целесообразнее обозначать как лексические инновации, в то время как неологизмами можно назвать уже «устоявшиеся» узусные единицы словаря [124, с. 20]. Как отмечает Т.С. Пристайко, «терминологическая неупорядоченность и пестрота, с которой приходится сталкиваться в различных работах, является следствием различного понимания основных категорий неологии, недифференцированностью многих смежных понятий (неологизм, потенциальное слово, окказионализм и др.)...» [118, с. 254].

По классификации, которую предлагает Е.В. Розен, «сами неологизмы можно разделить на *необходимые*, т.е. новые наименования, которые появляются вместе с новыми предметами, новыми идеями и изобретениями; и *избыточные* синонимы, заимствования из других языков, жаргонов и диалектов. Все неологизмы можно отнести либо к лингвистическим – те, которые фиксируются в словарях и входят в сферу широкого употребления, либо к авторским (или окказиональным) – личные изобретения, часто не становятся единицами словаря, хотя наиболее удачные и коммуникативно значимые или необходимые авторские неологизмы перенимаются языковым коллективом и попадают в словарный состав языка» [124, с. 8.].

Рассматривая понятие «нового» в языке, необходимо обратиться к окказионализмам (от лат. *occasio* – «случайность», фр. *occasionel* – «случайный»). Окказиональным словам было посвящено ряд работ (исследования В. В. Лопатина, Р. Ю. Намитоковой, А. Г. Лыкова, Н. И. Фельдмана и др.), однако до сих пор отсутствует единая общепринятая теория окказиональности.

Сравнительно-исторический подход позволяет интерпретировать содержание понятия «новое слово». Реальные языковые процессы и необходимость отражения их в словарях способствовали расширению содержания понятия «новое» в языке. С. И. Алаторцева, исследователь проблем неологии и неографии, отмечает, что «если в начале XVIII в. синонимом «нового слова» было «иностранный язык», то в настоящее время в понятие «новые слова» входят единицы, классифицированные по ряду признаков: а) форме языковой единицы (лексические, семантические, фразеологические); б) степени новизны (абсолютные и относительные неологизмы); в) способу номинации (новообразованные и вошедшие в язык готовые единицы); г) принадлежности речи / языку (окказиональные / узуальные); д) продолжительности существования (факты краткого существования; вошедшие в языковую систему; «историзмы

современности»» [1, с. 23]. С течением времени понятие о «новом слове» изменяется, данная дефиниция расширяет свои границы. Так, в результате ряда экстралингвистических причин (политических, экономических, социальных и др.) язык изменяется, а термин оказывается узким для номинации новых единиц в языке.

А. А. Брагина, анализируя неологизмы в русском языке, обращает внимание на основные пути образования новых слов в русском языке: «1. средствами самого русского языка – создание новых слов из старых морфем, переосмысление старых слов и т.п.; 2. путем заимствования слов (результат международных контактов), которые обычно активно перерабатываются в языковой системе русского языка» [15, с. 3]. При этом в объект внимания лингвиста попадают только те новые слова, которые выполняют номинативную функцию, т.е. прежде всего называют новые реалии в разных сферах действительности.

Анализируя словарные материалы справочного типа, составленные Н. З. Котеловой [208], рассмотрим тот пласт лексики, который относится к новым словам и значениям: новообразования и вхождения. К новообразованиям лингвисты относят: 1) слова, образованные с помощью аффиксов от слов (*вещизм, космизация, оживляж, особинка* и др.); от сочетаний слов (*атомка, персоналка* и др.); 2) сложные слова (*авиалайнер, астроклимат, бароцентр* и др.); 3) сложные слова с дефисным написанием (*база-стоянка, макси-шоу, смотр-конкурс, продавец-консультант* и др.); 4) слова, образованные сложно-суффиксальным способом (*сюсекундный, суховоздушный, междусобойчик* и др.); 5) слова, образованные с помощью буквенного, звукового, фрагментарного сокращения ряда слов или сочетания слов (*НТР, капе, цу, бестер* и др.); 6) слова, образованные усечением слов (*фотокор, гастроэнтеролог* и др.); 7) слова, образованные переходом в другую часть речи (*кандидатская, однокомнатная, орбитальная* и др.). Вторую группу составляют вхождения: 1) слова из диалектов, жаргонов и др. (*белометка,*

марафет, туфта и др.); 2) слова, известные ранее в литературном языке, возрожденные, актуализированные, ставшие более употребительными (*тестовый, технократия* (1933 г.), *тестирование* и др.); 3) заимствования из других языков (*ноу-хау, раггари, свинг, слайд* и др.); 4) калькированные – сделанные по образцу иноязычных – слова, занимающие промежуточное положение между заимствованиями (заимствуется словное значение, внутренняя форма, способ образования) и морфологическими неологизмами (используется русская словообразовательная модель) [208, с. 9–10].

В НСЗ представлены известные ранее слова, получившие новые значения: за счет семантической деривации – разного рода переносов, расширения или сужения значения (*барьер, вахта, забуксовать, зацепить, контекст* и др.); за счет морфологического способа образования (*массовка, подземка, разговорник* и др.); за счет вхождений – внешнего заимствования, транслитерации, перевода (*банк, панель, плюрализм* и др.), внутреннего заимствования [208, с. 11]. Кроме слов, составители НСЗ включают новые сочетания слов: идиоматичные, неразложимые сочетания (*выйти на финишную прямую, с приветом* и др.); устойчивые неидиоматичные сочетания (*вертикальный транспорт, генная инженерия, теория игр* и др.). Значительное количество неологизмов, не обозначая нового в действительной жизни, появляются как результат внутриязыкового развития.

Для русской неологии второй половины XX-го столетия важными являются работы исследователя О. А. Габинской. Анализируя в своих трудах причины современного русского словотворчества, лингвист отмечает, что при обращении к понятиям степени новизны лексической единицы необходимо уточнять и конкретизировать термин. Рассматривая ономаσιологическую концепцию И. С. Торопцева, О. А. Габинская пишет, что «в ней выдвинута мысль об относительности понятия нового знания: новым (неизвестным языку) можно считать только тот смысл, который не

был воплощен ранее в словесной форме» [24, с. 11]. Лингвист разграничивает группы новых слов, главным критерием разделения которых является соотношение нового знания с общим и индивидуальным языком.

Итак, О.А. Габинская выделяет три типа новых слов: 1) слова, новые по значению и для общего, и для индивидуального языка (напр., «лесонарушитель» – подобные слова созданы, сконструированы, а не извлечены из памяти); 2) слова, новые по значению для языкового коллектива, но известные индивидуальному языку (это индивидуально-авторские образования); 3) слова, значения которых известны общему языку, но новы для индивидуального языка [24, с. 11].

По утверждению С. И. Алаторцевой, неологизм есть явление языка, охватывающее все его уровни: фонетический, грамматический, стилистический. Неологизм может выступать не только в качестве категории неологии и неографии (или шире – лексикологии и лексикографии), но как сложное, многозначное языковое и культурное явление [1]. Лингвист отмечает, что «в общетеоретической области русская неология является одной из наиболее продвинутых направлений. Истоки неологии как науки о новациях в языке лежат в русской лексикографии прошлого века. Именно в русской академической лексикографии были заложены основы изучения проблем развития русского языка, теории будущей лексикологии. Вопрос о новых единицах языка тоже впервые был поставлен лексикографами» [1, с. 3].

Рассматривая современные типологии лексических новообразований, Т. В. Попова выделяет близкие по содержанию термины, которые используются при описании новых лексических единиц в современной лингвистике: неологизмы, инновации, новообразования. Отличаются данные термины только по внутренней форме [117, с. 4]. По мнению Т. В. Поповой, существительное «инновации» используют «для обозначения новых явлений на всех уровнях языка», «субстантив

новообразование в силу своей внутренней формы «новое образование» употребляется либо по отношению к любым инновациям – к инновациям разных уровней языка, либо по отношению к словообразовательным неологизмам – одной из групп новых номинативных единиц» [117, с. 4].

Т. В. Попова разграничивает неологизмы по нескольким параметрам. Лингвист отмечает, что по виду языковой единицы неологизмы делятся на неолексемы, неофраземы и неосемемы (слова и фразеологизмы) [117, с. 30]. Интересен тот факт, что некоторые исследователи (например, украинские лингвисты Е. А. Карпиловская, Н. Ф. Клименко, Л. П. Кислюк) используют понятие «неосемантизм». Термин «неосемантизм» еще не установился в лексикологической традиции восточнославянских языков, существует двоякость в определении понятия. В узком смысле данный термин можно трактовать как приобретение нового значения слова. Т. В. Попова к неосемемам относит «новые значения старых слов и фразеологизмов». В качестве примера исследователь приводит существительное *экология*, у которого появилось новое переносное значение ‘чистота, правильность, обусловленные гармоничным соотношением элементов; забота о такой чистоте’: экология духа, экология языка, экология культуры.

По мнению Т. В. Поповой, «лексические новообразования чрезвычайно многообразны. Поэтому возникает проблема их классификации. Типология неологизмов, как и типология обычных слов русского языка, может быть построена с учетом самых разных признаков, свойственных этим единицам: формальных, семантических, парадигматических, синтагматических, социолингвистических и иных» [117, с. 30].

Н. З. Котелова полагает, что при широком понимании термина «неология» как науки о новом ее объектом, кроме охарактеризованных выше по типу неологизмов по виду языковой единицы, могут стать и такие, как: а) новые свойства старых слов, например терминологизация

слова в целом или его отдельного значения; б) новые формы словоизменения слова: у прилагательных появляются формы степеней сравнения или краткие формы, у существительных – формы множественного числа; в) новая сочетаемость слова; г) новые лексико-грамматические функции слов, например использование союзов *и*, *или* в отдельных моделях [66, с. 17–18].

По степени новизны неологизма, определяемой по соотношению с системой языка, Т. В. Попова выделяет новообразования абсолютные и относительные. Лингвист отмечает, что «последние имеют еще и синонимические термины: *функциональные неологизмы* или *актуализированные слова*; адекватным представляется термин «относительные неологизмы», поскольку прилагательное функциональный оставляет неясным, о какой функции идет речь, прилагательное актуализированный передает признак лишь одной группы таких новообразований» [117, с. 32]. Термин «абсолютный неологизм» понимается как слова и фразеологизмы, которых ранее не было в языке.

Следующий параметр для разграничения новых слов у Т. В. Поповой – типы неологизмов по виду обозначаемой реалии (денотата и сигнификата). В данном типе 5 групп: 1) неологизмы, обозначающие новую реалию; 2) старую реалию; 3) актуализированную реалию; 4) уходящую реалию; 5) несуществующую реалию (гипотетически представляемую) реалию [117, с. 34–35]. Завершают классификацию новых лексических единиц в языке Т.В. Поповой типы неологизмов по способу образования, которые делятся на заимствованные словообразовательные и семантические неологизмы. Классификация Т. В. Поповой расширяет параметры анализа неологизмов в русском языке и показывает многообразие аспектов для описания новых единиц.

Анализ научных источников показывает, что большинство лингвистов сходится во мнении, согласно которому необходимо разделить все новообразования на две группы: новации языка и новации речи

(С. И. Алаторцева, В. Г. Гак, Н. С. Зильбер, М. И. Фомина, Н. М. Шанский и др.). В исследованиях последнего десятилетия признак «язык-речь» лег в основу ряда классификаций, раскрывающих природу новых слов. Так, в классификации Е.С. Огородниковой неологизмы разделяются на две группы: языковые и речевые. **Неологизм языковой** обозначает новое понятие, явление или по-новому называет ранее известные факты: а) собственно неологизм («новое слово – новое понятие»); б) семантический неологизм («ранее известное слово – новое понятие»); в) лексический неологизм («новое слово – ранее известное слово»). **Неологизм речевой** – синоним уже существующему слову или выражению: а) называет не существующее в реальной действительности явление: лексический квазинеологизм («новое слово – отсутствие объекта в реальности»); семантический квазинеологизм («ранее известное слово – отсутствие объекта в реальности»); б) является стилистическим приемом: лексический окказионализм («новое понятие – ранее известное понятие»); семантический окказионализм (ранее известное слово – новое понятие) [100, с. 95]. Приведем примеры из работ Е. С. Огородниковой: лексическим окказионализмом может служить слово, придуманное А. и Б. Стругацкими, «*кинографировать*» (Стругацкие), которое теперь заменили словом «снимать»; семантические окказионализмы – слова, употребляемые только в определенном контексте: *человек низменного роста* (низкого роста), *товарищи* (компаньоны, имеющие общий товар) (Успенский); неологизмы, называющие не существующие объекты, созданные воображением писателей, – лексические квазинеологизмы (*ксерион* (препарат, неограниченно продлевающий жизнь и восстанавливающий жизненные силы), *рум* (система, позволяющая совершать перемещения во времени и пространстве) (Лазарчук, Успенский)) и семантические квазинеологизмы (*никель* (денежная единица), «*галоша*» (летательный аппарат будущего) (Стругацкие)) [101, с. 120].

Исследуя особенности неологии как науки, В. Г. Гак определяет ее основные цели и задачи. Так, наиболее важными аспектами при изучении лексических инноваций являются регистрация неологизмов; характеристика причин появления новых слов; исследование особенностей адаптации неологизмов в нормативный словарь; создание специальных лексикографических баз новых слов или фиксация лексических инноваций в уже существующих нормативных словарях русского языка [25; 26].

В начале XXI века интересной, на наш взгляд, является классификация неологизмов, предложенная М. Н. Эпштейном. Исследователь выделяет следующие виды новых слов: футурологизмы, актуализмы, экспрессизмы, однослова, протологизмы. По мнению М. Н. Эпштейна, «одна из важнейших задач неологии – выделение типов новых слов, разработка методов их классификации» [173, с. 540]. Исследователь отмечает, что в настоящее время выделяют три группы слов по лексическому признаку «старое-новое». К «старому» лингвист относит архаизмы и историзмы, к «новому» – неологизмы. Описывая новые типы неологизмов, М.Н. Эпштейн пишет, что в системе категорий, охватывающей слова по признаку устарелости-новизны, недостает несколько параметров:

1. Футурологизмы – (futurologism, буквально – «будесловие») – разновидность неологизмов, которая обозначает еще не существующие, но возможные явления.

2. Актуализм – неологизм, который входит в жизнь одновременно с обозначаемым явлением или вскоре после него.

3. Экспрессизм – новые слова, создаваемые с экспрессивной целью, способные называть явления в особой поэтически-выразительной функции. Целесообразно сослаться на мнение В. П. Григорьева, исследователя поэтического языка и стиля, который использовал термин «экспрессема», чтобы обозначить слова в их особой поэтически-выразительной функции (например, «ветер» у Блока и Пастернака).

4. Однословие (univerbalism, лат. uni, unus, один + verbum, глагол, слово) – самый краткий жанр словесности, искусство одного слова, заключающего в себе новую идею или картину.

5. Протологизм (protologism, от греч. protos, первый, начальный + logos, слово) – новое слово, предложенное его автором для введения в язык, но еще не нашедшее применения у других авторов, не закрепившееся в качестве неологизма [173, с. 540].

Как отмечает автор типологии, рассматриваемая классификация новых слов сама состоит из неологизмов, конкретнее – из протологизмов. Анализируя типологию М. Н. Эпштейна, можно отметить, что термин «протологизм» синонимичен понятию «индивидуально-авторский неологизм», который был ранее введен в понятийный аппарат. Дефиниция термина «экспресси́зм» подобна определению понятия «о́кказионализм», хотя лингвист пишет, что «в современной лексикологии этот разряд авторских неологизмов часто называют неудачно «о́кказионализмами», как будто они образуются «к случаю», «по оказии», тогда как словотворчество и составляет основную цель и причину появления «самоценных» слов – таких, как «творяне» или «будетляне» у Хлебникова» [173, с. 540]. Так, классификация М. Н. Эпштейна интересна тем, что она демонстрирует новый взгляд в параметризации новых слов в языке, кроме того, является дополнением к классической системе описания слов по категориальному признаку «старое-новое».

По мнению И. Б. Голуб, неологизмами называются слова, сохраняющие оттенок свежести, новизны. Лингвист утверждает, что термин «неологизм» сужает и конкретизирует понятие «новое слово»: при выделении новых слов принимают во внимание только время их появления в языке, отнесение же слов к неологизмам подчеркивает их особые стилистические свойства, связанные с восприятием этих слов как необычных наименований [28, с. 243].

В основе классификации неологизмов И. Б. Голуб лежат критерии оценки. В зависимости от способов образования выделяют неологизмы лексические, которые создаются по продуктивным моделям или заимствуются из других языков (*подписант- официальное лицо, подписывающее документ; антиперестроечный, разгосударствление, партсовноменклатура, спецназ, БТР, ОМОН, деморосс, федерал, видеобар*), и семантические, которые возникают в результате присвоения новых значений уже известным словам (*челнок – мелкий торговец импортными товарами, привозящий их из-за рубежа, тусоваться – общаться в дружеской обстановке, крутой (парень, мотив), обвал (национальных валют)* и под.). В зависимости от условий создания неологизмы следует разделить на две группы: «слова, возникновение которых не связывается с именем их создателя, их можно назвать анонимными, и слова, введенные в употребление конкретными авторами, то есть индивидуально-авторские неологизмы» [28, с. 243]. В зависимости от целей создания новых слов, назначения их в речи все неологизмы можно разделить на номинативные и стилистические. В зависимости от того, входят ли неологизмы в язык или являются лишь фактами речи, создаются «на случай», различают неологизмы языковые (общенародные) и окказиональные (от лат. *occasionalis* – случайный).

В исследованиях Д. В. Гугунавы неологизм рассматривается как системно обусловленная узувальная лексическая единица, зафиксированная в толковых словарях современного языка или достаточно репрезентативном массиве текстов, и вместе с тем не утратившая в общеязыковом сознании оттенок новизны. Исследователь предлагает анализировать неологизм на кодифицированность и на ощущение новизны, так как «такая двойная ориентация представляется наиболее перспективной, так как, во-первых, учитывает диалектическое взаимодействие личностного и общественного начал в развитии языка, а во-вторых, – позволяет, наконец, четко отделить неологизм от

окказионализма». Д. В. Гугунава понимает под окказионализмом «слово, не соответствующее условию кодифицированности при ощущении новизны / необычности его формальной и/или содержательной стороны» [32, с. 31].

Главную причину возникновения неологизмов Н. П. Тропина видит «в необходимости ословливать все новые и новые реалии и понятия, появляющиеся в обиходе языкового социума в результате его эволюции» [152, с. 24]. Т. С. Пристайко предлагает типологию, учитывающую следующие основания деления лексико-фразеологических инноваций: а) форму слова, б) способ номинации; в) степень новизны; г) отношение к языку – речи. **По форме слова** выделяются три вида неологизмов: лексические, семантические, фразеологические, или же *неолексемы, неосемемы, неофраземы*. Наиболее разветвленный синонимический ряд сложился для *семантических неологизмов* (слов с новым значением, ср.: *память компьютера, прессинг обстоятельств*): *неосемы, неосемантизмы, семантические инновации, семантические окказионализмы, лексико-семантические неологизмы, семантические новообразования, переосмысления, неологизмы по значению, неологизмы-значения, неологизмы значения* (Н. З. Котелова). Неологизмы перечисленных выше типов различаются **способом номинации**, то есть способом появления в языке. С этой точки зрения они делятся на 1) новообразованные слова, значения, сочетания и 2) вошедшие в литературный язык готовые единицы. При этом второй разряд неологизмов – так называемые *вхождения* – состоит из а) внешних заимствований и б) внутренних заимствований. **По степени новизны** среди всех отмеченных выше новых слов выделяются: 1) *сильные неологизмы* (*собственно неологизмы, абсолютные неологизмы*). Это слова с оригинальной, нестандартной формой и образованием, а также новые иностранные слова (внешние вхождения); и 2) *относительные, или функциональные, неологизмы*, под которыми понимаются известные ранее слова, значения, сочетания,

получившие новую употребительность, актуализацию или новую сферу распространения. Исходя из параметра «отношение к языку – речи», выделяются узуальные и незузуальные (окказиональные) неологизмы. Разграничивая два анализируемых типа, Т. С. Пристайко отмечает: «Неологизм – факт языка, обладающий свойством свободной воспроизводимости, для понимания которого не требуется какой-либо конкретный контекст; окказионализм – факт речи, зарегистрированный на момент его квалификации как единичное употребление и всегда контекстуально обусловленный» [118, с. 256].

Исследователи лексических инноваций (Е. А. Карпиловская, Н. Ф. Клименко, Л. П. Кислюк, А. А. Таран) начала XXI века представляют следующую классификацию, предложенную в коллективной монографии [58]: *новообразование, неозаимствование, неосемантизм, неографизм, неоморфема, неоформант*. Рассмотрим данную классификацию более подробно.

Новообразования рассматриваются как новые слова, образованные в системе языка по собственным словообразовательным образцам [62, с. 2]. Примером новообразований может выступать слово «*пиар*», которое возникло от словосочетания «*паблик рилейшнз*» (англ. public relations «общественные связи, отношения»). Данная единица становится активной основой сложных слов со значением «который касается связей с общественностью, целенаправленно формирует такие отношения», это подтверждают сочетания: *пиар-технологии, пиар-компания, пиар-агентство* [62, с.12].

Неозаимствование – новое слово иноязычного происхождения, адаптированное к системе языка путем транскрибирования или транслитерации [62, с. 12]. Новообразование *мейк-ап, мейкап, мэйк-ап, мэйкап* (make up-6, перев. с англ. «гримировать, загримировать, гримироваться, подкраситься»), аналогом которого в русском языке выступает слово «макияж», появляется в сочетаниях: *мейкап-мания,*

вечерний мейк-ап, профессиональный мейк-ап, сценический мейк-ап, стильный мейк-ап, мейк-ап-фото, ретро-мейкап, take up глаз и др. Как разновидность неозаимствований лингвисты рассматривают гибридные композиты: SIM-карта, SMS-сообщение [62, с. 14–15], SMS-викторина, SMS-игра, SMS-голосование, PIN-код, DVD-проигрыватель и др.

Неоморфема в типологии выделяется как компонент слова, выделенный из состава неолексем, чаще всего, новых заимствований, с делимой основой [62, с. 12]. Ярким примером выступает заимствованный компонент *-мейкер* (maker, перев. с англ. «творец, создатель, изготовитель, производитель»), широкая комбинаторика которого доказывает его продуктивность: *арт-мейкер, бренд-мейкер, зомбимейкер, имидж-мейкер (или имиджмейкер), климат-мейкер, клип-мейкер (или клипмейкер), маркет-мейкер, ньюсмейкер, суши-мейкер, файлмейкер, шоумейкер* и др.

Неоформант – компонент слова, выделенный из состава неолексем, чаще всего, новых заимствований, не только с делимой основой, но и с формальной и семантической мотивацией [62, с. 12]. Компонент слова – форизм из «афоризм» (греч. αφορισμός, «определение») выявляет деривационные способности в контекстных употреблениях, но при этом данные лексические единицы-новообразования не нашли своего отражения в лексикографической практике: *твифоризм, АиФоризм, “АВ”форизмы, деафоризм, гав-форизмы* и др.

Еще одной разновидностью неологизмов лингвисты украинской дериватологической школы считают **неографизмы** («инновации, закрепленные в графической форме слова»). Как один из наиболее активных неографизмов в нашем словнике можно рассматривать «VIP», а именно вариации его написания в контекстных употреблениях: *ВИП, ВиП, вип, VIP’ы, випы, вип(ов)* и др.

Определим термин «**неосемантизм**», который в лексикологической традиции восточнославянских языков интерпретируется неоднозначно. В узком смысле данный термин можно трактовать как приобретение

нового значения слова. К неосемантизмам относят слова «драйв», «сингл», «сервер» [62, с. 19], которые первоначально были зафиксированы в словарях иностранных слов как спортивные термины. В современной прессе и в контекстах поисковых систем данные лексемы используются в других значениях, не связанных со спортом.

В исследованиях Е. В. Сенько под неологизмами понимается «собственно лексическая категория языка, выступающая в качестве одного из видовых понятий по отношению к родовому понятию «инновация», включающему в свой объем новые факты на всех уровнях языка (ср.: синтаксические, морфологические, лексические, фонетические и т.д. инновации)» [134, с. 11].

Н. В. Стратулат выделяет два типа лексических инноваций: деривационные и семантические неологизмы. В работе Н. В. Стратулат под деривационными неологизмами понимают «лексические единицы, которые образовались на основе собственных и заимствованных ресурсов языка с помощью способов словообразования». Семантическими неологизмами лингвист считает те явления лексического развития, в результате которых существующие в языке слова называют новые понятия путем расширения их семантической структуры [145, с. 7].

В исследованиях последних лет изучены разные аспекты появления лексических инноваций в русском языке. Так, Ю. В. Бичай анализируя «модные» слова в современном русском языке, определила частоту и активность их использования, словообразовательную активность, демонстративность и игровой аспект («Модные» слова в современном русском языке (на материалах толковых словарей и речевой практики масс-медиа конца XX – начала XXI вв.)).

А. В. Ходоренко раскрывает проблему наименования пользователей сети Интернет в семантическом и структурном аспектах («Наименование лиц в русскоязычной Интернет-коммуникации: структурный и семантический аспекты»). Работа строится на анализе никонимов, описана

номенклатура базовых моделей никонимов-словосочетаний. Никонимы, на наш взгляд, затрагивают лексический пласт лексики, касающийся лексических инноваций в языке.

В диссертационном исследовании Е. Н. Дорофеевой («Окказиональное слово в современной русскоязычной газетно-журнальной коммуникации (коммуникативно-прагматичный и социокогнитивный аспекты)») проанализирована характеристика русскоязычной газетно-журнальной коммуникации с прагматической точки зрения. Автор рассматривает окказионализмы с точки зрения их коммуникативной эффективности, выявляет характерные тенденции создания и функционирования окказионализмов, определяет основные модели их конструирования в периодике конца XX – начала XXI вв.

Н. П. Тропина раскрывает особенности семантической деривации в современном русском языке («Семантическая деривация в современном русском языке», 2004 г.). В работе рассматривается явление приобретения словами новых значений в нескольких исследовательских парадигмах: семасиологической – как семантическая дериватива, ономасиологической – как вторичная номинация, этнопсихологической – как средство формирования и изменения языковой картины мира русского этноса и как отражение коллективных стереотипов, свойственных данному этносу.

Анализ современных подходов к изучению лексических инноваций приводит к выводу о неоднозначности понятия «нового» в языке, что определяет возникновение конкурирующих терминов. Вариативность терминологических номинаций, определяющих категорию «новое», связана с параметрами разграничения новых слов, особенностью их сочетаемости и лексико-грамматическими функциями. Большая часть классификационных схем лексических инноваций выстраивается на базе словообразовательного и функционально-стилистического аспектов. Словообразовательные неологизмы составляют основной массив неономинаций, поэтому

словообразовательный аспект считается наиболее актуальным при изучении неологизмов.

1.3. Критерии определения лингвистического статуса неологизмов

Анализ практического материала и обобщение теоретических позиций позволяет выделить критерии для систематизации лексических инноваций, связанные со структурой слова, функционально-стилистическими характеристиками неологизма, степенью адаптации в русском языке и индексом частотности употребления в тексте, а также семантико-когнитивными особенностями деривационных процессов (психологические установки «новизны»).

В основе классификаций неологизмов лежат различные критерии их выделения и оценки. Так, в коллективном исследовании лингвисты выделяют основные критерии отбора:

1. В зависимости **от способа появления** различают неологизмы лексические, которые создаются по продуктивным моделям или заимствуются из других языков, и семантические, которые возникают в результате присвоения новых значений уже известным словам.

2. В зависимости **от условий создания** неологизмы разделяют на общезыковые, появившиеся вместе с новым понятием или новой реалией, и индивидуально-авторские, введенные в употребление конкретными авторами.

3. В зависимости **от целей создания** новых слов, их назначения в речи все неологизмы делят на номинативные и стилистические. Первые выполняют в языке номинативную функцию, вторые дают образную характеристику предметам, которые уже имеют названия [125, с. 43].

Исследуя лексические инновации в русском языке, А. О. Тойтукова в диссертационном исследовании [151, с. 23] выделяет следующие критерии отбора неологизмов: а) хронологический, т.к., опираясь на даты

иллюстраций, можно судить о времени употребления того или иного слова в периодических изданиях; б) психологический, т.е. ощущение ореола «новизны». Не последнюю роль в этом играет интуиция исследователя; в) наличие формальных и семантических элементов новизны в структуре и значении слова (новые значения, корни, аффиксы и др.), графика; г) место в лексико-семантической системе современного русского языка (недостаточность/избыточность); д) наличие в толковом словаре специальных орфоэпических и грамматических помет, ссылок на язык-донор; е) функциональный: отсутствие широкого распространения, низкий уровень употребительности.

Одним из распространенных критериев определения неологизмов считается **критерий новизны**. Исследователи различно рассматривают данный критерий. Так, по мнению А. Г. Лыкова, именно качество новизны слова является генетическим стержнем и принципиальной основой понятия неологизма. Однако А. Г. Лыков полагает, что «ощущение новизны, возникающее при восприятии какой-либо языковой единицы, является чрезвычайно субъективным: то, что одному человеку кажется новым, для другого носителя языка является совершенно привычным и потому субъективно известным, «старым» [83, с. 99]. Анализируемый критерий является субъективным и не сужает объема понятия «нового» в языке. Анализируя окказионализмы, Р. Ю. Намитокова также говорит о том, что «психологическая оценка факта новизны слова является субъективной, не поддается абсолютизации» [94, с. 117]. По убеждению исследователей, критерии определения «неологичности» слова утверждаются в языковом коллективе, где восприятие новизны опирается на чувство языка разных его носителей. О.А. Габинская предлагает совмещать «индивидуальный характер ощущения новизны [...] с коллективным признанием этой новизны» [23, с. 19]. А. Г. Лыков обязательным признаком неологизма выделяет «объективное ощущение новизны», поскольку оно существует у всех носителей языка, хотя и

может быть «несколько различным по отношению к некоторым конкретным словам у отдельных людей» [83, с. 100]. Таким образом, ощущение новизны происходит на психолингвистическом уровне, а не на лингвистическом. Необходимо учитывать и то, что ощущение новизны быстро утрачивается вследствие активного употребления слова.

Особое внимание лингвистов уделяется лексикографическому критерию. Согласно этому критерию, новые слова – это слова, не закрепленные в лексикографических источниках. Данный критерий является противоречивым, не каждая новая единица может быть закреплена в словарях. Так, Е. В. Петрухина отмечает, «в современном русском языке увеличивается количество узуальных производных слов, которые не фиксируются словарями. Такие производные представляют словопроизводство в понимании И. А. Мельчука, т.е. «образование новых слов [...] где ‘новые’ понимается как ‘существующие в современном языке, но не подлежащие внесению в словарь’» [88, с. 477–478], так как речь идет о регулярном производстве дериватов в речи по продуктивным моделям» [109, с. 149].

Локальный критерий связан с хронологическим, так как время и пространство – два исторически взаимосвязанных понятия. Данный критерий С. И. Тогоева определяет следующими группами слов: «а) слова, новые по значению и для общего, и для индивидуального языка; подобные слова сконструированы, а не извлечены из памяти, они воспринимаются как новые; б) слова, новые для языкового коллектива, но известные индивидуальному языку: жаргону, аргю, сленгу, просторечию и т.п.; в эту же группу слов входят и индивидуально-авторские образования; в) слова, значения которых известны общему языку, но новые для индивида» [150, с. 46].

Таким образом, для объективной конкретизации нового необходимо учитывать темпорально-локальный критерий, частотность употребления в текстовых реализациях, отсутствие закреплённости в лексикографических

источниках и др. При отборе лексических инноваций происходит наложение одного критерия на другой, что объясняет необходимость использования комплексного подхода в диссертационном исследовании.

1.4. Гибридность как результат динамической деривации

В лингвистических источниках наблюдается неоднозначность в понимании гибридности. В «Словаре лингвистических терминов» под редакцией О. С. Ахмановой «гибридный» означает: «1. Скрещенный, смешанный. 2. Составленный из генетически разнородных элементов. Гибридное слово. То же, что гибрид». Однако «гибридизация» понимается на языковом уровне как «скрещивание языков» [187, с. 98].

Гибридные образования, по мнению Э. Хаугена, определяются как слова, образованные частично из родного, частично – из иностранного материала. Исследуя проблемы внешних и внутренних заимствований, Э. Хауген различает наряду с прямым заимствованием и полной морфологической подстановкой также случаи частичной морфологической подстановки, гибридные образования, которые частично состоят из иноязычных элементов [161, с. 350–352].

Н. Г. Бабенко отмечает тот факт, что «в слове-гибриде скрещены не только материальные оболочки слов, но и их значения. При этом изменяется не только импликационал, но и интенционал мотивирующих слов (прежде всего опорного в смысловом отношении)» [5, с. 27].

В. Л. Леонович рассматривает гибридность на морфемном уровне. Автор говорит о существовании суффиксов, «представляющих собой составное единство наполовину из исконного элемента, наполовину из заимствованного» [79, с. 9]. О. А. Шишикарёва под гибридностью понимает только графически разнородные образования. Известно, что графикация как новый способ словообразования был введен в качестве самостоятельного способа русской деривации В.П.Изотовым, хотя

словообразовательный и художественно-экспрессивный потенциал графики и орфографии отмечался в лингвистической литературе и раньше. Графиксация – это «такой способ образования слов, при котором в качестве словообразовательного оператора выступают графические и орфографические средства (графические выделения, знаки препинания и т.п.)» [49, с. 76].

Среди графиксации (графодеривации) Т. В. Попова выделяет полиграфиксацию – создание новообразований с помощью графических средств разных языков, типографиксацию – создание неолексем с помощью суперсегментного средства (например, выделение курсивом, полужирным, подчеркиванием или другим способом какой-либо части деривата и комбинированную графодеривацию [115, с. 237].

Для такого типа новообразований используем в диссертации термин графодериваты. Графодериваты чаще всего встречаются в заголовках текстов СМИ как элемент языковой игры.

Синтез исконных элементов с заимствованными были частично рассмотрены в работах Н. С. Авиловой, В. В. Акуленко, Е. А. Василевской, В. В. Виноградова, В. П. Григорьева, В. П. Даниленко, Е. А. Земской, В. Г. Костомарова, В. В. Лопатина, Д. С. Лотте, Ф. А. Никитиной, Г. С. Онуфриенко, З. М. Осипенко, Ю. В. Откупщикова, Т. И. Панько, И. Ф. Протченко, К. Л. Ряшенцева, И. С. Улуханова, М. Фэгараша, И. Хермс, Н. М. Шанского и др.

Исследуя гибридные образования в русском языке в составе научно-технических терминов, Г. С. Онуфриенко отмечает, что «в результате диалектического взаимодействия факторов экстра- и интралингвистического плана в современных славянских языках возникают так называемые гибридные образования, по которым понимаем материально неоднородные моно- и поликорневые производные лексические единицы, в структуре которых сочетаются морфемы исконного и иноязычного происхождения» [102, с. 12].

По мнению Г. С. Онуфриенко, «форма гибридности обусловлена структурой, способом грамматического выражения гибридов и зависит от конкретной морфематической принадлежности минимальных значимых частей, их генетической природы (исконный / иноязычный), позиционной закреплённости и специфики линейного соположения» [102, с. 14]. Таким образом, анализируя гибридные неоминации, а также модели их образования в текстах масс-медийного дискурса, необходимо учитывать ряд словообразовательных и грамматических особенностей. Изучая особенности гибридизации, Г. С. Онуфриенко говорит о том, что «способность исконного аффикса присоединяться к заимствованиям характеризует не столько словообразовательные потенции самого аффикса (преимущественно суффикса), сколько степень ассимиляции заимствований, их русификацию / украинизацию» [102, с. 14]. В таком определении прослеживается, на наш взгляд, объединение критериев, необходимых для выделения гибридных неоминаций: словообразовательного, грамматического и коммуникативно-прагматического.

Лингвисты украинской дериватологической школы, анализируя гибридные образования, отмечают, что они возникают вследствие сознательного сочетания разностилевых основ и словообразовательных формантов, а следовательно, создаются новые слова вопреки правилам морфотактики современной деривационной грамматики [62, с. 98].

Рассматривая одну из актуальных проблем современной лексикологии – проблему разграничения слов исконного и иноязычного происхождения, Е. В. Маринова относит слова, вызывающие сложности с точки зрения определения их этимологии, к словам-гибридам, например: *венчурный*, *гламурный*, *креативный*, *сканировать*. Специфика слов-гибридов, по мнению Е. В. Мариновой, заключается в том, что они «воспринимаются говорящими как иноязычные слова... содержат, во-первых, иноязычные корни и, во-вторых, те же самые суффиксы, которые используются при

грамматическом оформлении заимствуемого слова в «момент» его принятия русским языком» [87, с. 63]. Например, с помощью суффикса предметности *-к-* оформились в своё время основы слов, заимствованных из французского, итальянского, чешского и других языков (*сарделька, колготки, барсетка, гашетка* и др.). Е. В. Маринова отмечает, что «проблема разграничения «своего» и «чужого» касается не всех гибридов, а только тех, в составе которых есть полифункциональные морфемы – суффиксы, использующиеся и для грамматического оформления заимствований, и для образования производных» [87, с. 63]. По мнению Л. П. Крысина, в современном русском языке существуют ряд лексем, которые создаются довольно обширными группами, «относительно которых нельзя с достаточной уверенностью говорить как о заимствованных или как об образованных на русской почве» [69, с. 118].

Таким образом, отсутствие единого понимания термина «гибридность», выявление противоречивых интерпретаций и представлений о содержании данного понятия связано, как показывает аналитический обзор научной литературы, с динамичной природой процесса гибридизации. В данном исследовании термин *гибридный* используется по отношению к производному слову, составленному из генетически разнородных элементов, прежде всего, основ и аффиксов. В обозначении сложных единиц, образованных в результате графикации, используется термин *графодериваты*, структура и семантика которых описывается в Разделе 4.

Выводы

В Разделе 1 рассмотрены основные подходы к изучению лексических инноваций, подчеркивается неоднозначность базовых определений, связанных с основными категориями неономинии, обосновывается выбор семантико-деривационного подхода к выявлению гибридных неономиний в лексической системе языка.

В исследованиях последнего десятилетия проблемы неологии стали объектом активного изучения, т.к. активные процессы словопроизводства отражают не только глубокие трансформации в жизни общества, но и изменения прежде всего в деривационном потенциале языка, его глубинных структурах как словообразовательных маркерах, что позволяет рассматривать производное слово как модель представления знаний о мире.

Описание актуальных языковых процессов в русском языке, представленное в Разделе 1, позволило определить значимые характеристики динамики языковой системы: демократизация языка, снижение литературных норм, стремление к эмоциональному началу, ослабление нормативных правил словопроизводства, использование приемов языковой игры, экономия языковых средств. Важными при этом являются процессы детерминологизации и деидеологизации заимствованных ранее номинаций, процессы семантической трансформации адаптированных языком слов и создание на их основе новых словообразовательных производных. Одним из ключевых процессов, связанных с внутренними и внешними законами развития языка, является и процесс семантической деривации, в результате которого создаются новые языковые единицы.

Описание гибридных неономинаций как ярких структурных элементов деривационных процессов характеризуется появлением новых исследовательских методик, которые рассматриваются в разделе. Выделение типов словообразовательных неологизмов на основе классификационных параметров связано с формальными, семантическими и функционально-стилистическими признаками заимствованного слова, а также степенью адаптации в русском языке. Для систематизации материала и объективной конкретизации нового необходимо учитывать темпорально-локальный критерий, частотность употребления в текстовых реализациях, отсутствие закреплённости в лексикографических

компоненты находят свое выражение в комбинировании графического написания.

РАЗДЕЛ 2.

ДЕРИВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ ГИБРИДНЫХ НЕОНОМИНАЦИЙ В МАСС-МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Моделирование в языке является мощным инструментом изучения и описания процесса возникновения новых единиц. По мнению Е. С. Кубряковой, «вся неология должна быть освещена как наука о средствах и способах языковой фиксации и репрезентации нового опыта познания мира современным человеком, как наука, изучающая принципы концептуализации и категоризации мира ON-LINE, *hic et nunc*, здесь и сейчас» [74, с. 15].

Внутренние законы развития языка, как отмечают исследователи, определяют необходимость образования новых слов по тем моделям и словообразовательным типам, которые существуют в языке или возникают вновь в связи с выделением новых основ и использованием новых аффиксальных элементов, развитием и усовершенствованием системы словообразования [40, с. 19]. Н. П. Тропина подчеркивает, что «объединению в типы и модели в морфологической дериватологии способствует повторяемость при образовании разных слов материально-одинаковых элементов-морфем, выступающих словообразовательным формантом» [153, с. 117]. Под словообразовательным типом в морфологическом словообразовании исследователь понимает «формально-семантическую схему построения производных слов, которые мотивируются производящими словами определенной части речи, имеют одинаковый словообразовательный формант и выражают одно и то же словообразовательное значение» [153, с. 116].

На наш взгляд, языковое моделирование становится все более актуальным из-за расширения масс-медийного пространства, увеличения роли Интернет-коммуникации, широкого деривационного потенциала новой заимствованной лексики.

Анализируя процессы создания новых слов в русском языке, лингвисты рассматривают структурные составляющие неолексем. В. З. Санников утверждает, что «нарушение и обыгрывание словообразовательных моделей заключается в несоблюдении правил сочетаемости основ со словообразующими аффиксами, в сочетании того, что по разным причинам признается узуальным словообразованием несочетаемым» [131, с. 151]. Лингвист отмечает тот факт, что экспрессивность усиливается при наличии контраста в структуре нового слова. Такой контраст, по наблюдениям исследователя, возникает между «основами, составляющими сложное слово, или основой и аффиксом (высокая, книжная основа – низкий аффикс; сниженная бытовая основа – высокий, книжный аффикс; исконная основа – заимствованный аффикс, заимствованная основа – исконный аффикс)» [131, с. 151]. Экспрессивность современного словопроизводства является одной из характерных примет современного русского языка. Фонд экспрессивных и оценочных средств, как отмечают лингвисты, активно пополняется под влиянием разговорной, просторечной и жаргонной сферы словоупотребления. В исследованиях подчеркивается, что в масс-медийные тексты с ярко выраженной эмоциональной оценочностью все более активно начинают входить периферийные языковые явления, в том числе и специфические словообразовательные модели [18, с. 149].

Таким образом, комплексное исследование моделей в языке предполагает описание, систематизацию и анализ деривационных моделей образования гибридных неономинаций в масс-медийном дискурсе.

2.1. Деривационные модели с заимствованными основами

Активные процессы словопроизводства, связанные с интенсивным пополнением языка новыми заимствованиями, отражают не только глубокие социально-политические и экономические трансформации в

жизни общества, но и изменения в лексической системе языка, ее деривационном потенциале, прагматических смыслах вербальных единиц. Выделение типов лексико-грамматических неоминаций на основе классификационных параметров связано с формальными, семантическими и функционально-стилистическими признаками заимствованных слов, а также степенью их адаптации в русском языке. В основе образования гибридных неоминаций лежат следующие функционально-деривационные модели: «заимствованная основа + исконный суффикс», «исконный префикс + заимствованная основа», «заимствованная основа + исконное слово». Каждая из словообразовательных моделей имеет варианты структурных компонентов, которые раскрывают полную картину адаптации интернациональных элементов в современном русском языке и демонстрируют процесс образования неоминаций.

Одним из динамичных словообразовательных явлений современного русского языка является процесс адаптации заимствованных единиц путем образования производных с исконными аффиксами. Л. В. Рацибурская пишет о том, что «демократические процессы в языке, явившиеся своеобразным откликом на либерализацию общественных отношений, в сфере окказионального словообразования привели к разного рода расширению синтагматических возможностей аффиксов, к преодолению ограничений в сочетаемости морфем, что нашло отражение в новообразованиях, представленных в текстах СМИ» [122, с. 378]. Данный факт является причиной возникновения большого количества лексических инноваций. Е. В. Петрухина отмечает, что «удельный вес производных слов с незаимствованными корнями среди неологизмов постепенно уменьшается, а число лексических заимствований растет; при этом в мощном потоке заимствований русские словообразовательные категории и типы не разрушаются, не модифицируются и легко перерабатывают заимствованные лексемы, адаптируя их русской словообразовательной системе» [110]. Расширение словообразовательных возможностей как

русских, так и заимствованных основ является основой для активного возникновения лексических инноваций. В исследованиях отмечается, что на разных этапах развития русского языка словообразовательные типы приобретают разную степень активности. Так, ранее продуктивные модели образования новых слов могут становиться менее продуктивными. С другой стороны, непродуктивные ранее модели широко вовлекаются в словообразовательный процесс, становясь основой для возникновения большого количества лексических инноваций.

Одной из способностей русского языка является быстрая адаптация заимствованных единиц, прохождение процесса обрусения путем образования производных с исконными аффиксами. Е. В. Петрухина говорит о том, что от иноязычных основ активно образуются имена существительные с суффиксами *-ник-*, *-чик-* / *-щик-*, *-ец-* / *-овец-*, *-ист-*, *-изм-*, употребление производных характерно для текстов СМИ и Интернета (ср. *оффшорник*, *интернетчик*, *пиаровец*, *спамщик*). Продуктивны модели с суффиксами *-ств(о)* и *-ость*; растет число процессуальных существительных, образованных с помощью суффикса *-ациj(a)* / *-изациj(a)*, минуя глагольную ступень, например, *вестерн* – *вестернизация* ('процесс изменения чего-либо по образу вестерна'; в сфере образования имен прилагательных наибольшую активность проявляют суффиксы *-ск-*, *-ов-/овск-*, *-н-*; активизировалось взаимодействие с заимствованными основами и глагольных суффиксов, кроме *-ирова-*, также *-ова-*, *-и-* (преимущественно в текстах Интернета и СМИ) [110].

Исследователи подчеркивают, что производные неологизмы образуются и входят в язык не постепенно, а стремительно, «когда в соответствии с потребностями языкового коллектива, в связи с актуализацией того или иного понятия, в речевой обиход обрушивается сразу громоздкое словообразовательное гнездо» [110; 18; 137]. Анализируя появление в русском языке интернациональной лексики, Л. В. Рацибурская

отмечает, что «деривационные процессы в славянских языках в аспекте “амероглобализации” связаны с использованием при создании новообразований иноязычных производящих основ и словообразовательных аффиксов, которые присоединяются как к исконным, так и заимствованным основам; с изменением морфемного статуса ряда иноязычных морфем в языке-реципиенте; с активизацией нетипичных для языка-реципиента словообразовательных способов и моделей» [122, с. 377]. Показательным примером может служить одно из активных заимствованных аббревиатурных образований **пиар** (англ. public relations – ‘связи с общественностью’), прошедшее в русском языке путь адаптации PR – ПР – пиар, раскрывает высокую степень комбинаторики в производных: *пиаровец, пиаровый, пиарный, пиарить, пиариться, пиаровский, попиарить* и др. Анализируемая единица создает словообразовательное гнездо не только с простыми, но и со сложными производными: *пиар-компания, пиар-служба, пиар-структура, пиар-пространство, пиар-решение, пиар-технологии, пиар-ход, пиар-хитрости, пиар-мебель, пиар-менеджер* и др.

Модель образования гибридных неонимаций «заимствованная основа + исконный аффикс» демонстрирует процесс адаптации заимствованных основ в русском языке путем добавления исконных аффиксов. Анализируемая модель имеет варианты сочетаемости структурных компонентов неолексем: «исконный префикс + заимствованная основа», «заимствованная основа + исконный суффикс».

Изучая современное состояние проблемы «своё vs. чужое» в отечественной лексикологии, Е. В. Маринова отмечает, что «многие слова, относящиеся к иноязычной лексике русского языка, не отличаются ни внешними признаками, ни словоизменительными и / или словообразовательными особенностями от слов исконных. Они удобопроизносимы, благозвучны, имеют производные, склоняются (в случае с существительными) и по лексическому значению – «свои» (т. е.

не ассоциируются с реалиями «чужой» культуры), например: *магазин, проба, суп, морс, паркет, лампа* и т. п. Те иноязычные слова, которые в процессе заимствования оформляются русскими словообразовательными морфемами (-к(а), -ик, -н-, -ов-, -ск-, -ирова(ть) / -изирова(ть)), обычно легко соотносятся с исконными производными словами той же структуры, к примеру, «иноязычный корень + исконный суффикс» [87, с. 59–60]. Заимствованные основы с помощью исконных аффиксов активно вовлекаются в словопроизводственные процессы русского языка, что является отражением не только деривационного потенциала языка, но и определенных культурно-языковых тенденций. О. Г. Щитова справедливо утверждает, что иноязычные неологизмы, входя в систему русского языка, испытывают на себе влияние его словообразовательного уровня, и их деривационная активность служит показателем продуктивности конкретных словообразовательных моделей и типов. Словообразовательная ассимиляция новейшей ксенолексики, являясь в целом факультативным признаком освоения, весьма убедительно свидетельствует об определенной степени её освоенности в языке-реципиенте. О степени освоенности ксенолексики можно судить, комплексно используя следующие словообразовательные критерии: морфолого-словообразовательное оформление иноязычных неологизмов; степень членимости слов; включенность их в систему структурно однотипных образований; деривационную активность [172, с. 18].

2.1.1. Модель «заимствованная основа + исконный суффикс».

Одной из активных деривационных моделей с заимствованными основами является модель «заимствованная основа + исконный суффикс». В современной лингвистике статус данной группы слов является дискуссионным. Ряд исследователей называет подобные лексические инновации «словами-гибридами». Л. П. Крысин предлагает разграничивать среди данных лексем заимствования и исконные образования. Так,

прилагательные *атомарный, догматический, прагматический, ученый* определяет как заимствования, поскольку звуковые комплексы *-ар-, -ат-* в составе суффиксов данных прилагательных обычно встречаются именно в заимствованных образованиях [72 с. 198], но в состав данных лексем входят и исконные адъективные аффиксы *-н-, -ическ-*. Глаголы *дезориентировать, дискриминировать, стерилизовать, фальсифицировать* также заимствованы, а не получены словообразовательным путем, поскольку, во-первых, не имеют точных соответствий в другом языке, а во-вторых, в них невозможно выделить «в чистом виде» производящие основы (ср. глаголы *бетонировать, асфальтировать, инвентаризировать*, где производящие основы могут быть выделены). В то же время, по убеждению лингвиста, об этих глаголах как о заимствованиях также следует говорить с большой осторожностью [68, с. 118].

В лингвистических исследованиях допускается неоднозначность в определении данной группы слов. В работе выделены те лексемы, которые были образованы в русском языке по деривационной модели «заимствованная основа + исконный аффикс». Одна из разновидностей данной модели – «заимствованная основа + исконный суффикс» – участвует в образовании ряда производных с суффиксами:

а) имен существительных со значением:

- ‘лицо’: **-щик-** / **-чик-, -ец-, -ник-**;
- ‘предмет’: **-ниц-**;
- ‘абстрактность’: **-ниј-(э), -ость, -ств-**;

б) глаголов: **-и(ть), -а(ть), -ну(ть) / -ану(ть)**.

в) имен прилагательных со значением ‘имеющий отношение к тому, что названо производящим словом’: **-н-, -ск-, -ов- / -ев-**.

Рассмотрим более подробно неоминации различной частеречной принадлежности, образованные при помощи исконных суффиксов.

Имена существительные со значением 'лица'

По мнению исследователей, в конце XX века антропоцентрическая парадигма является одним из ведущих принципов в различных областях научных знаний. Одно из важных теоретических положений антропоцентризма, заключается в том, что в лингвистике человек занимает центральное положение в языковой картине мира и ключевой фигурой языковых преобразований в современном русском языке. Введение понятий антропоцентризма в лингвистику связано с работами А. Вежбицкой и В. Н. Телия. В рамках антропоцентрической парадигмы выполнен ряд диссертационных лингвистических исследований, неоминации со значением лица выступают в качестве частного объекта изучения в работах Э. Х. Гаглоевой, О. П. Ермаковой, Л. Ю. Касьяновой, Е. В. Мариновой, М. А. Москвиной, И. А. Нефляшевой, Л. И. Плотниковой, Е. В. Сенько, С. И. Тогоевой, М. Н. Черкасовой, Н. В. Черниковой и др.

Анализируя активные словообразовательные процессы, Е. А. Земская отмечает, что именно человек является «героем современного словообразования». Данный факт является причиной высокой доли имен нарицательных среди других лексических инноваций. Исследователь приходит к выводу, что в русском языке наиболее активны «разряды наименований, порождаемые по требованию социальной действительности (чаще всего используются суффиксы **-ник-** и **-щик-**): 1) сторонник чего-либо или кого-либо: *рыночник, государственник*; 2) принадлежность коллективу или сообществу людей, объединяемых по какому-либо признаку: *платник / бесплатник, льготник*; 3) наименования по профессии: *компьютерщик, радиийщик*» [44, с. 103]. Результаты проведенного анализа позволяют сделать вывод о том, что в образовании имен существительных со значением лица часто производящей основой выступает и глагол, и сочетание имени существительного с именем прилагательным. Так, *креативщик* – ‘тот, кто креативит’ и ‘креативный

работник', данная лексема имеет двойную мотивацию. Новообразования характеризуются тем, что не во всех случаях можно проследить мотивационные связи, это объясняется неполной адаптацией неолексем в современном русском языке. В связи с этим в примерах производящая база определена с помощью текстовых реализаций неолексем. При помощи суффикса с мутационным значением **-щик-** / **-чик-**, описанного в лексикографической практике как 'словообразовательная единица, образующая имена существительные, которые являются названиями лиц мужского пола, характеризующихся отношением к тому, что названо мотивирующим словом и определяет их деятельность, характер, ремесло, занятие' [190, с. 1170], образованы имена существительные: 1) *гугл**щик*** ← *гуглить* (англ. Google – 'поисковая система'); *инстаграм**щик*** ← *инстаграмить* (англ. Instagram, 'популярная социальная сеть для размещения фотографий'); *мейкап**щик*** ← *мейкапить*; *мейнстрим**щик*** ← *мейнстримить* (англ. mainstream – 'основное течение'); *сетап**щик*** ← *сетапить*; *скайп**щик*** ← *скайпить* (англ. Skype – 'бесплатное программное обеспечение с закрытым кодом, обеспечивающее текстовую, голосовую связь и видеосвязь через Интернет между компьютерами'); *спам**щик*** ← *спамить* (англ. spam – 'рассылка коммерческой и иной рекламы или иных видов сообщений лицам, не выразившим желания их получать'); *стартап**щик*** ← *стартапить*; *стендап**щик*** ← *стендапить*; *ютуб**щик*** ← *ютубить* (англ. YouTube – 'интернет-сервис, предоставляющий услуги видеохостинга'); 2) *андеграунд**щик*** / *андерграунд**щик*** ← *представитель андеграунда*; *компьютер**щик*** ← *компьютерный работник*; *контакт**чик*** ← *участник контакта* (ВКонтакте (англ. vkontakte) – 'социальная сеть'); *майдан**щик*** ← *участник майдана*; *медий**щик*** ← *медийный работник*; *оффшор**щик*** ← *оффшорный работник* (англ. offshore – 'вне берега'); *пиар**щик*** ← *пиарный работник*; *твиттер**щик*** ← *участник Твиттера* (англ. Twitter – 'сервис для публичного обмена короткими сообщениями'); *фейсбу**щик*** ← *Фейсбук* и др.

Как справедливо отмечает В. В. Лопатин, «сущность мутационных словообразовательных значений состоит в характеристике предмета или признака по его отношению к другому предмету или признаку, например, «предметно-характеризующее» значение в существительных типа хитрец (мотивирующее прилагательное обозначает непроцессуальный признак данного предмета); «агентивное» значение в существительных типа читатель (мотивирующий глагол обозначает процессуальный признак, активным носителем которого является данный предмет) [80, с. 54].

Изучая образование производного *мейкапщик*, необходимо обратить внимание на недавно пришедшее в русский язык неозаимствование *мейк-ап, мейкап, мэйк-ап, мэйкап* (make up-1 – ‘грим; косметика; аксессуары’) [192, с. 123], аналогом которого в русском языке выступает слово «макияж». Лексическая единица «make up» проходит процесс адаптации путем транслитерации: make up – мейк ап (мэйк ап) – мейк-ап (мэйк-ап) – мейкап (мэйкап), которая сопровождается превращением слова «up» (англ. up, ‘вверх, выше’) в структурный элемент слова. Немногочисленны случаи самостоятельного употребления единицы «мейк» (*летний мейк, стильный мейк*). Компонент *-ап* отмечен также в следующих словах: *стендап* (от англ. stand up, ‘вставать; комедийное представление разговорного жанра; вербальный репортерский прием’); *сетап* (от англ. setup – ‘настройка’); *стартап* (от англ. start-up – ‘запускать’) — «компания с короткой историей операционной деятельности»; *пушап* (от англ. push up – ‘увеличивать; повышать’). Единица «make up», состоящая из глагола «make» и наречия «up», в русском языке приобретает свойства имени существительного: появляется числовая парадигма (*модный мейкап* (ед. ч.) – *модные мейкапы* (мн. ч.)); начинает склоняться (*чудеса мейкапа* (в Р. п.); *руководство по мейкапу* (в Д. п.); *сотрудничество с мейкапом* (в Тв. п.); *ошибки в мейкапе* (в П.п.)); флексии являются показателем II склонения; употребляется в мужском роде (*стильный мейкап, модный мейкап*),

проявляет широкие синтагматические свойства: легко сочетается с именами прилагательными.

Производные, образованные по исследуемой модели, активны в контекстных употреблениях: *В создании книги, в частности, участвовали **стартапщик** Антон Носик и бывший главный редактор Галина Тимченко* (Лента.ру, 22.08.2014); *Лукашенко «имеет базовую подготовку замполита», а также он «отличный **пиарщик**»* (Новый регион 2, 09.03.2011); *Павел – блоггер и **пиарщик** интернет-издания «Репортер» известный лишь в родном Запорожье* (Свобода слова, 20.04.2013); *Роман «**Креативщик**» обладает двумя редко сочетающимися качествами: он быстро прочитывается, но несомненно забывается* (Либрусек, <http://lib.rus.ec/b/201069>); *Я по первому образованию **компьютерщик**, так вот, разные программы базируются на одних и тех же блоках* (Новый регион 2, 14.02.2011). *Я не уверен, что угрозы писал именно Александр Куринный, – говорит **пиарщик** Михаил*. (КП, 18.01.2013); *Виртуальная школа графического дизайна Бориса Поташикина. Я расскажу и покажу вам, как самостоятельно выучиться на **креативщика...*** (<http://creativshik.com>. Дата проверки – 19.07.2014). *Инновация медийщик номинирует работника СМИ: Известный **медийщик** Антон Хреков провел тренинг для журналистов «Информбюро»* (<http://31channel.yvision.kz/post/401642>. Дата проверки – 19.07.2014). *Опытный **медийщик**-криминалист Евгений Лауэр советует журналистам, как обезопасить себя от провокаций и похищений*. (uide.znaki.fm/novosti/2304079/03.02.2014. Дата проверки – 19.07.2014). *Еще один **медийщик** займется люстрацией власти* (uide.znaki.fm/novosti/2304079 18.03. 2014. Дата проверки – 19.07.2014). *Новообразование **комедийщики** номинирует участников развлекательных шоу: Дорогой автомобиль начинающий **комедийщик** купил чуть ли не с первого гонорара* (Досуг, 25.04.2008); *Специального образования*

комедийщик не получал, а свой талант объясняет генами (Проспект, 19.03.2009).

Интересное значение вносит в контекст новообразование *алкогольщик* – ‘тот, кто зарабатывает на производстве и сбыте спиртных напитков’ – *Алкогольщикам не дадут выйти за рамки* (заголовок, Коммерсант-Украина, №123, 21.06.2008). В контекстных употреблениях по подобной модели образования создана лексема *наркоманщик*, но семантика неономинативна синонимична единице *наркоман*. В речевом обиходе появляется однокоренное образование – *алкоголица* – подобная по значению лексеме *алкоголичка*, но в новообразовании использован иной суффикс женскости **-иц(а)**. Разговорная единица *бутылочница* привносит новую семантику ‘бедный человек, занимающийся сбором и сдачей пустых бутылок’, образована от *бутылочник*.

Исконный суффикс **-ец-** – ‘словообразовательная единица, образующая имена существительные, которые являются названиями лиц, характеризующихся отношением к организации, учреждению, партии или иной политической группировке, газете, журналу, спортивному обществу и т. п., названным мотивирующим именем существительным’ [190, с. 126], участвует в создании, например, лексем: *майдановец* ← *майдан*; *пиаровец* ← *пиар*; *твиттеровец* ← *твиттер* и др. Пр.: *Мы вышли из машины, а в ответ открылось окно (машины политика), и в меня выстрелили из травматического, судя по всему, пистолета, – сообщил майдановец Александр* (КП, 18.05.2014); *Видимо ОВД провал с Ансолом ничему не научил. В 2007 трое из его пиаровцев в Израиле были арестованы* (РУСПРЕС (<http://www.rospress.com>), 16.09.2009); *Интернетовцы не без труда одолели юристов: два мяча были забиты во втором тайме и под занавес встречи* (Воронежская неделя, № 12 (2101), 20.03.2013); *Перемещающийся в сопровождении десятка машин на бронированном «мерседесе» главный юрист и твиттеровец страны скорее всего был бы мало кому известным...* (Новая газета, 15.02.2012).

Заимствованное аббревиатурное образование **пиар** (англ. public relations – ‘связи с общественностью’), прошедшее в русском языке путь адаптации PR – ПР – пиар, участвует в образовании единиц различной категориальной отнесенности. Как отмечает Л. А. Баранова, «в ряду дериватов от *пиар* следует особо отметить экспрессивные окказиональные формы, образованные путем сращения бинома (пиарас < пиар-ас) либо путем телескопического словообразования (пиарвокатор < пиар + провокатор, пиарлы < пиар + перлы, пиаршество < пиар + пиршество) и приобретающие эмоциональную окраску вследствие соотнесения полученного деривата и присутствующего в языковом сознании фонового слова, имеющего отрицательно-оценочную коннотацию...» [9, с. 22.]. Данный компонент проходит следующий путь адаптации к русскому языку: аббревиатура > корень.

Менее активны в текстовых реализациях новообразования с суффиксом **-ик-** со значением ‘лицо по какому-л. свойству или признаку, которое связано с отношением к предмету, занятию, кругу деятельности’ [190, с. 189], например: *айтишник* ← *айтишный*; *креативник* ← *креативный*; *оффшорник* ← *оффшорный*; *твиттерник* ← *твиттерный* и др. Пр.: Украинские **оффшорники** бегут в Гондурас (<http://www.rupor.info>. Дата проверки – 19.07.2014). Лексема **креативник** в русском языке адаптировалась в Интернет-пространстве (форумы, чаты, социальные сети и др.), при этом новообразование более активно в украиноязычных СМИ: *Наши креативники наконец добились успехов...* (<http://gazeta-p.ru>. Дата проверки – 19.07.2014); *Адміністрація президента створює резерв креативників...* (<http://vkurse.ua>, 30.05.2012); *Джерела повідомляють, що цією «мобілізацією» керує Петро Гоч та Сергій Сторожук – головні «креативники» і мобілізатори влади* (<http://realno.te.ua>. Дата проверки – 11.12.2013).

В современном русском языке активны суффиксы женскости **-щиц(а)**, **-чиц(а)**, **-ниц(а)**, **-к(а)** с модификационным значением, которые являются

коррелятами по гендерному признаку: *аномальщица* ← *аномальщик* (специалист по аномальным явлениям в природе); *френдка* ← *френд*; *контактчица* ← *контактчик*; *интернетчица* ← *интернетчик*; *компьютерщица* ← *компьютерщик*; *твиттерница* ← *твиттерник*; *фейсбукишница* ← *фейсбукишник* (-ш- выступает в роли интерфикса); *айтишница* ← *айтишник*; *пиарница* ← *пиарник*. Рассмотрим примеры контекстных употреблений анализируемых лексем: *Танюшка* – заядлая *контакчица*; *Здесь более отчетливо изображена та тумба, которая заинтересовала почтенную френдку*. Заметим также, что трактир называется «Золотой бережок» (<http://lemuel55.livejournal.com/2468394.html>. Дата проверки – 20.08.2014); *Личная жизнь Райана Гослинга рассекречена. Светловолосая незнакомка, с которой он встречал День всех влюбленных – 29-летняя Хилари Роулэнд, известная интернетчица в Америке* (TV.net.ua, 17.02.2010); «*Но до сих пор гадаю для себя время от времени... Сбывается практически в 98% случаев*», — рассказывает *компьютерщица* (Сегодня.ua, 13.01.2010) и др.

Интересным для анализа является новообразование *барсеточница* ← *барсеточник* (мошенник, ворующий сумки и ценные вещи (чаще барсетки) из салона автомобиля, обычно предварительно отвлекая внимание водителя). Пр.: *В центре Одессы работала высокотехнологичная барсеточница...* (Комментарии, 07.11.2012).

Новообразования со значением женскости в РГ-80 отмечены как существительные с модификационными значениями. Так, слова с суффиксом **-ш(а)** «мотивируются только существительными со значением лица и выражают: а) модификационное значение лица женского пола; б) значение «жена лица» [127, с. 202]. Лингвисты отмечают, что некоторые слова могут употребляться «с неодобрительной или иронической экспрессией» [127, с. 202]. Так, например, *твиттерша*, *баннерша* *бейсерша* (спортсменка, занимающаяся экстремальным видом спорта бейсджампингом), *блоггерша*, *бобилдерша* (спортсменка,

занимающаяся бодибилдингом), *бордерша* (спортсменка, занимающаяся скейтбордингом, сноубордингом), *гуглша*, *спонсорша* и др. Пр.: *Шведская блоггерша* Козетт Мунк смогла сделать этот элегантный аксессуар популярным в молодежной среде (Шарм, 01.09.2014). Отчего “поиск спонсорш” стал актуален сегодня? Ведь были же 90-е, экономическая ситуация была и покруче, а такого наплыва альфонсов, вроде бы, не было... (КП, 29.10.2010). Как отмечает Е.А. Земская, «особенность языка нашего времени состоит в том, что подавляющее большинство имен лиц женского пола – это профессиональные наименования. Наименования жен по мужу, выражаемые ранее словами с суф. -ш(а), редки и нетипичны» [44, с. 149].

Появление имен существительных с суффиксами женскости Л. П. Кислюк связывает с экстралингвистическими факторами. Лингвист отмечает, что увеличение числа новообразований и неозаимствований, обозначающих женский пол, свидетельствует и о росте социальной, профессиональной и творческой активности женщин, изменении их роли в обществе. Данное явление требует образование соответствующих наименований их должностей, званий, профессий в синтетических языках флективного типа путем создания аффиксальных новообразований на обозначение женского пола [60, с. 104].

Так, создает конкурирующие ряды наименований заимствованная единица *Интернет* (от англ. inter – ‘между’ и net – ‘сеть, паутина’) [192, с. 220], имеющая толкование, «глобальная система соединенных компьютерных сетей, связывающая между собой как пользователей компьютерных сетей, так и пользователей индивидуальных компьютеров, позволяющая пользователям обмениваться разнообразной информацией, предоставляющая доступ к информационным ресурсам» [193, с. 323]. В текстовых реализациях появляются такие неоминации, как *интернетовец*, *интернетчик*, *интернетщик*, *интернетник* и др. При этом интересным является факт параллельного существования двух взаимозаменяемых лексем – *интернетчик* и *интернетщик*. Несмотря на

то, что лексема *Интернет* достаточно давно вошла в речевой оборот, можно говорить о неполной адаптации ее производных. Лексема *оффшор* (от англ. *offshore* – ‘вне берега’), имеющая значение ‘термин, применяемый для обозначения мировых финансовых центров, компаний и некоторых видов финансовых операций’ [191, с. 598], является основой для образования синонимичных лексем со значением лица: *оффшорник* ← *оффшор*; *оффшорщик* ← *оффшор*.

Имена существительные со значением ‘предмета’

При образовании существительных со значением предмета наиболее продуктивным является исконный суффикс **-ница** со значением ‘сосуд, вместилище для того, что названо мотивирующим именем существительным’ [83, с. 278], участвующий в образовании производных: *барбекюшница* ← *барбекю* (англ. *barbecue*, фр. *barbecue*, сокр. *BBQ* – ‘способ приготовления продуктов питания (чаще всего мяса, сосисок) на жаре тлеющих углей (изначально), горящего газа или электронагревателя, а также название самого блюда’); *бутербродница* ← *бутерброд*; *вафельница* ← *вафли*; *йогуртница* ← *йогурт*; *конфетница* ← *конфеты*; *нектарница* ← *нектар*; *салфетница* ← *салфетки*; *сендвичница* ← *сендвич*; *фондюшница* ← *фондю* (от. фр. *fondue* – ‘расплавленный’, ‘семейство швейцарских блюд, приготавливаемых на открытом огне в специальной жаропрочной посуде, называемой какелон (фр. *caquelon*)’); *фритюрница* ← *фритюр* (фри (франц. *frit* – ‘жареный’) означает ‘изжаренный в большом количестве жира до образования румяной корочки’); *фруктовница* ← *фрукты*; *шоколадница* ← *шоколад* и др.

Имена существительные со значением ‘абстрактности’

Активность в образовании абстрактных имен вызвана экстралингвистическими факторами (развитием техники, компьютеризацией, эпохой Интернета и др.).

При помощи суффикса **-ниј(э)**, выделяющегося в именах существительных среднего рода, которые обозначают отвлеченный

процессуальный признак, созданы лексемы: *брендирование* ← *брендировать*; *демпингование* ← *демпинговать*; *инсталлирование* ← *инсталлировать*; *колорирование* ← *колорировать*; *мелирование* ← *мелировать* и др. Пр.: Она проходила под девизом всеобщей модернизации, воплощением которой в нашей стране должно стать **брендирование** на европейском уровне... (РБК Daily, 13.04.2011); Координационный совет Минагрополитики по биржевому рынку лишил Украинскую аграрную биржу права торговли за **демпингование** цен на сельскохозяйственную продукцию... (УНИАН, 26.07.2011).

В образовании производных от заимствованных основ участвует субстантивный суффикс **-ость**, образующий имена существительные со значением отвлеченного признака или состояния [190, с. 568], например: *ангажированность* ← *ангажированный*; *гламурность* ← *гламурный*; *ликвидность* ← *ликвидный*; *мультимедийность* ← *мультимедийный*; *кликабельность* ← *кликабельный*; *коллажность* ← *коллажный*; *креативность* ← *креативный*; *демпинговость* ← *демпинговый* и др. Лексемы *коллажность*, *демпинговость* активны в Интернет-пространстве, однако *кликабельность*, *креативность* характерны для текстов русскоязычных СМИ: «**Кликабельность**» баннерной рекламы упала не только в США, это общая тенденция, характерная и для России (РБК Daily, 13.10.2009); На набережной состоится «Фестиваль бумажных самолетиков», участники которого будут соревноваться на дальность и длительность полетов, оригинальность и **креативность** моделей (Новый регион 2, 12.04.2011).

При помощи суффикса **-ств-** со значением ‘деятельность или действие, характеризующиеся признаком, названным мотивирующим словом’ [190, с. 790] образованы лексемы: *спичрайтерство* (англ. speech-writer, букв. – ‘пишущий речи’, составитель речей, выступлений для государственных деятелей, политиков и т. п.), *мейкерство*, *рерайтерство*, *копирайтерство*, *блоггерство*, *диджейство* и др. Данные лексемы

адаптировались на уровне рекламных текстов, форумов, чатов, социальных сетей и др., например: *Маркет-мейкерство* на рынке облигаций: ОФЗ и не только (на сайте банка: <http://www.derzhava.ru/ofz.html>. Дата проверки – 13.08.2014); В тот же период *спичрайтерство* считалось частью идеологического труда (<http://speechwriters.ru/imidzh-spichraytera/spichrayterstvo-v-rossii/>. Дата проверки – 13.08.2014); Именно *блоггерство*, точнее, моя политическая позиция, высказываемая в блоге, разрушила все мои планы в области книгоиздания и сотрудничества с телевидением (Голос Америки, 11. 08.2014); *Рерайтерство* – это написание статей на определенные темы. Я даю Вам тему, Вы пишете статью, Я Вам ее оплачиваю (<http://wmking.ru/t16107.html?mode=linearplus>. Дата проверки – 13.08.2014); Этот вид бизнеса тесно переплетен с журналистикой, а иногда и является ею. *Копирайтерство* (от английского *copy write*) – дословно переводится как «написание копии» (<http://vsocorp.com/2009/03/30/business-idea-copywriting>. Дата проверки: 13.08.2014).

Суффиксы глаголов

При помощи суффикса **-и(ть)** со значением ‘совершать действие, свойственное тому, что названо мотивирующим именем существительным’ [190, с. 169] образованы глаголы: *апгрейдить* ← *апгрейд* + *-и(ть)* (англ. upgrade – ‘улучшение, обновление’ < up – ‘вверх, выше’ + to grade – ‘подвергаться изменениям’); *брендить* ← *бренд* + *-и(ть)* (англ. brand ‘клеймо’); *глючить* ← *глюк* + *-и(ть)*; *интернетить* ← *интернет* + *-и(ть)*; *коллажить* ← *коллаж* + *-и(ть)*; *креативить* ← *креатив* + *-и(ть)*; *мейкапить* ← *мейкап* + *-и(ть)*; *мейнстримить* ← *мейнстрим* + *-и(ть)*; *мониторить* ← *монитор* + *-и(ть)*; *оффшорить* ← *оффшор* + *-и(ть)*; *пиарить* ← *пиар* + *-и(ть)*; *спамить* ← *спам* + *-и(ть)*; *фолловерить* ← *фолловер* + *-и(ть)* (англ. follower – ‘сторонник’); *френдить* ← *френд* + *-и(ть)* и др. Пр.: Отправлять сообщения надо на короткий, и *спамить* тут тоже смысла не имеет, но один раз выразить

свое мнение стоит (Комсомольская правда, 04.02.2011); *Пиарить* на выборах «единороссы» намерены прежде всего свои партийные проекты (Известия, 12.01.2011); *Красивым и молодым быть необязательно, главное – креативить!* (Комсомольская правда, 18.01.2011); *Это нормально, что городская администрация начинает мониторить блогосферу* (Комсомольская правда, 26.04.2011) и др.

В последнее десятилетие увеличивается количество заимствованных основ с исконным суффиксом **-ну(ть) / -ану(ть)**, образующим глаголы совершенного вида: *твитнуть* ← *Твиттер*; *лайкнуть* ← *лайк*; *кликнуть* ← *клик*; *миксануть* ← *микс* (-а- является формативом, т.е. выступает в роли основообразующего суффикса, не имеющего никакого значения) и др.

Суффиксы имен прилагательных

Продуктивными являются адъективные суффиксы **-н-, -ск-, -ев-/ов-** со значением 'имеющий отношение к тому, что названо производящим словом' [190]. Большинство единиц, образованных при помощи данных суффиксов, находится в конкуренции в текстовых реализациях. Так, конкурирующими являются производные от лексики *пиар* – *пиарный* / *пиаровый* / *пиарский* (-н-, -ов-, -ск-); от единицы – *интернет* – *интернетовый* / *интернетский* / *интернетный* (-ов- / -ск- / -н-); от слова *мейкап* – *мейкапный* / *мейкаповый* (-н- / -ов-) и др. Так, суффикс **-н-**, выделяющийся в именах прилагательных, участвует в образовании лексем по деривационной модели «заимствованная основа + исконный суффикс»: *мейкапный* ← *мейкап*, *пиарный* ← *пиар*, *креативный* ← *креатив*, *коллажный* ← *коллаж*, *оффшорный* ← *оффшор*, *медийный* ← *медиа*; *гламурный* ← *гламур*, *дайджестный* ← *дайджест*, *майнстримный* ← *майнстрим*, *мультимедийный* ← *мудьтимедиа*, *френдный* ← *френд* и др. Анализируемые лексемы в контекстных употреблениях находят следующую реализацию: *Грамотный пиарный ход не кажется мне преступлением, но и поступком честного человека – тоже* (Известия,

2006.04.13); *Скрытая и открытая оппозиция, задействовав весь финансово-политический потенциал и **пиарный** опыт, добилась желаемого* (Комсомольская правда, 02.10.2009); *Эстетическую концепцию бренда разработал **креативный**, амбициозный и ужасно модный дизайнер* (РБК Daily, 22.04.2011); *Само движение он рассматривает как «**медийный проект**», однако не осуждает* (Новый регион 2, 11.01.2011) и др.

Суффикс **-ск-** активен в образовании имен прилагательных от заимствованных основ: *инсайдерский* ← *инсайдер*; *интернетовский* ← *интернетовый*; *интернетский* ← *интернет*; *майдановский* ← *майдановый*; *майнстримовский* ← *майнстримовый*; *мейкаповский* ← *мейкаповый*; *оффшорский* ← *оффшор*; *пиаровский* ← *пиаровый*; *пиарский* ← *пиар*; *рейверский* ← *рейвер*; *скайпский* ← *скайп*; *спичрайтерский* ← *спичрайтер*, *чатский* ← *чат* и др. Пр.: *Возможно, все это лишь **пиаровский** акт* (Новый регион 2, 01.12.2011); *Письмо про национальный план по борьбе с преступностью – это не **пиаровский** ход, это последнее, что нам остается* (Комсомольская правда, 12.19.2010) и др. *Лидер фракции «Батькивщина» оглашает с трибуны заученные речи, и не может даже на полслова отойти от **спичрайтерских** текстов* (Багнет, 18.06.2013); *Новые покуда соберут, то рак на горе свистнет, а на территории останется «**оффшорская** аристократия» с раком!* (Коммунисты столицы, 26.03.2013) ; *Украинские националисты без **майдановского** грима...* (КП, 3.04.2014); ***Майдановского** стрелка могут посадить пожизненно...* (Взгляд, 03.04.2014) и др.

Суффикс **-ов-** / **-ев-**, выделяющийся в именах прилагательных, употребляется в следующих единицах: *брендовый* ← *бренд*; *вебовый* ← *веб*; *демпинговый* ← *демпинг*; *имиджевый* ← *имидж*; *имэйловый* ← *имейл* (от англ. e-mail); *инжиринговый* ← *инжиринг*; *интернетовый* ← *Интернет*; *клиринговый* ← *клиринг*; *лифтинговый* ← *лифтинг*; *майдановый* ← *майдан*; *онлайновый* ← *онлайн*; *офлайновый* ← *офлайн*; *пиаровый* ← *пиар*; *прессинговый* ← *прессинг*; *спамовый* ← *спам*;

френд ← *френд* и др. Рассмотрим примеры контекстных употреблений новообразованных лексем, которые демонстрируют процесс адаптации производных от иноязычных основ с исконными аффиксами в текстах масс-медийного дискурса: *Напомним, **брендовый** вид топлива ЕКТО в прошлом году также запустил ЛУКОЙЛ* (РБК Daily, 09.14. 2010); *Керамика, пластмассовые сувениры, ножи, штампованные картины, бусы, люстры ... Но главный **брендовый** товар – хрусталь.* (Комсомольская правда, 05.17.2011); Заглавие статьи: ***Демпинговый** ожог* (Газета.Ru, 06.03.2012); *Житель Варшавы решил продать свой дом на улице **Интернетовой**, потому что интернет-провайдеры отказываются провести на нее интернет...* (Сегодня.ua, 27.11.2009); *Содержать **имиджевый** проект в кризис компания посчитала нецелесообразным* (РБК Daily, 26.04.2011); *Французский **лифтинговый** массаж лица – это уникальная массажная техника повышения тонуса не только кожи, но и мышц лица* (<http://edit.ua>) и др.

По замечанию Л. Е. Бессоновой, словообразовательный аспект позволяет раскрыть признаки и свойства денотативно связанных единиц, их связи и отношения, аксиологическую нагрузку [12, с. 50]. Одной из культурнозначимых единиц последнего десятилетия является лексема «**майдан**» (перс. Meydân ‘поле, площадь’), которая демонстрирует интересную сочетаемость иноязычной основы с исконными суффиксами. В лексикографических источниках данная единица фиксируется в следующих значениях: «1. В южных областях России — базарная площадь; 2. Укр. полит. массовое выступление народа против власти» [216, с. 347]. Последние политические события, произошедшие в Украине, повлекли за собой появление нового пласта лексики [132]. Актуальными стали производные от лексемы *майдан*: *майданистик, майдановец, майдановцы, майдановый, майдановский, майдановить* и др. Расширились синтагматические связи анализируемой единицы: *Украинские националисты без **майдановского** грима...* (КП, 3.04.2014); *Майдановского*

стрелка могут посадить пожизненно... (Взгляд, 03.04.2014); *Майдановый "закон" для Крыма ...* (<http://vaspono.livejournal.com/1548103.html>. Дата проверки – 27.02.2014); *Все больше и больше россиян начали симпатизировать Майдану, была проведена масштабная пропагандистская кампания по предотвращению и профилактике в России «майдановых» настроений* (<http://vlasti.net/news/186224>. Дата проверки – 04.02.2014) и др.

Как показал анализ практического материала, неоминации адъективного типа легко образуют словосочетания с семантическим компонентом «инновация», отражающие общую лингвокультурную ситуацию, и проявляют, таким образом, широкие валентностные возможности: **брендовый** (интернет, магазин, ремень, трикотаж, сток, костюм, смартфон, товар, вид; (-ая) вещь, одежда, сумка, обувь, косметика; (-ое) платье, белье, пальто и др.); **инжиниринговый** (центр, холдинг, инкубатор, департамент; (-ая) компания, фирма, группа и др.); **клиринговый** (центр, дом, код, банк; (-ая) операция, компания, услуга, система, деятельность, палата; (-ое) соглашение, агентство, обслуживание, оборудование, обеспечение и др.); **лифтинговый** (массаж, крем, гель, уход, макияж; (-ая) маска, система, сыворотка, компания, расческа; (-ое) масло, устройство, обертывание и др.); **лизинговый** (калькулятор, брокер, договор, метод, конфискат, дом, фонд, брокер, кредит, платеж; (-ая) компания, деятельность, операция; (-ое) имущество и др.); **прессинговый** (узел, центр, сегмент; (-ая) модель, политика, компания и др.); **имиджевый** (телефон, сайт, ноутбук, ролик, проект, текст, буклет; (-ая) реклама, продукция, фотосессия, статья, политика, программа, (-ое) видео, агентство, кино, интервью, мероприятие, фото, продвижение и др.).

Рассматривая культурные доминанты в деривационных процессах, Н. А. Самыличева отмечает, что «словообразовательные неологизмы в медийных текстах отражают актуальные социальные реалии [...] объектом социальной оценки становятся актуальные события и знаковые фигуры

экономики и политической жизни страны, представители шоу-бизнеса и поп-культуры» [130, с. 121]. Автор приходит к выводу, что «ярко выраженная экспрессия и оценочность, как правило, негативная, связанная с определенными словообразовательными средствами, основами и (или) их сочетаемостью» [130, с. 123]. Так, в текстовых реализациях встречается разговорно-жаргонный суффикс **-ак-**, отмеченный лексикографически как ‘словообразовательная единица, образующая разговорно-просторечные синонимы мотивирующих имен существительных’ [190, с. 87]: *жестяк* ← *жесть*, *крутяк* ← *крутой*; отвлеченный суффикс **-щин(а)** с оттенком неодобрения: *януковщина* ← *Янукович*; *губернаторщина* ← *губернатор*; *медведевщина* ← *Медведев*; *обамавщина* ← *Обама* (единица *обамавщина* образована от *Обама* + (-в-) + -щин, где -в- выступает в роли интерфикса) и др. В данных примерах чаще всего актуализируется микромодель «**заимствованное / исконное имя собственное + суффикс -щин(а)**». Так, стилистическое несоответствие основ и суффиксов ведет к образованию производных с оценочным и экспрессивным оттенком.

При помощи демунитивного суффикса **-ик- / -чик-**, который образует имена существительные мужского рода со значениям ‘уменьшительности, обычно сопровождающейся экспрессией ласкательности в уменьшительно-ласкательном значении’, созданы единицы: *френдик* ← *френд*; *мюслики* ← *мюсли* (маленькая упаковка мюслей); *морсики* ← *морсы*, *еврик* ← *евро*, *айфончик* ← *айфон* и др. С помощью суффикса **-ищ-**, образующего имена существительные мужского, женского и среднего рода с увеличительным значением, созданы лексемы: *интернетище* ← *интернет*, *контактище* ← *контакт* и др.

Анализируя активные исконные аффиксы в их сочетании с заимствованными основами, следует обратиться к валентности слова. Исследуя проблемы словообразовательного моделирования, М. Д. Степанова разграничивает валентность слова на «внешнюю» и «внутреннюю». Под внутренней валентностью исследователь понимает

«словообразовательную валентность» или «внутренний синтаксис слова» [141, с. 2]. Внутренняя валентность рассматривается как закономерность сцепления в слове его составляющих. Она складывается из закономерностей комбинаторики фонетических, морфологических и семантических компонентов. Исследуя теорию внутренней валентности морфем в ретроспективе и перспективе, А. С. Бузело отмечает, что «при создании нового слова сначала проявляются семантические закономерности сочетаемости морфем: значения языковых элементов, входящих в производное, формируют нужную номинацию. Если на семантическом уровне согласование оказывается невозможным, тогда, соответственно, и нет необходимости в формальном приспособлении морфем» [16, с. 15]. Таким образом, исследователь подчеркивает, что компоненты слова должны быть совместимыми прежде всего по своей смысловой нагрузке.

Однако в текстовых реализациях не всегда встречаются новообразования, компоненты которых могут быть совместимыми. Так, В. И. Шаховский считает, что любая единица языка (в потенциале) может характеризоваться как эмотивно валентная [162, с. 98]. Лингвист выдвигает предположение о том, что при высоком уровне восприятия мира субъектом повышается степень эмоциональной окрашенности слов в языковом сознании субъекта. При этом «степень эмоциональной нагруженности слова в сознании носителя языка может оказаться столь высокой, что вступает в противоречие с системным значением знака, которое перестает адекватно выражать сформировавшийся в сознании смысл» [164, с. 45]. Такой подход подтверждает тезис о необходимости определения эмотивно-коннотативного значения при изучении смысловой структуры неолексем. А. С. Бузело считает, что «эмотивность языковых единиц словообразовательного уровня актуализируется, во-первых, в неожиданных, непредсказуемых (окказиональных) сочетаниях, составной частью которых может стать, в принципе, любая морфема

(антигамбитчик, убалтыватель, бензобезумие); во-вторых, в тех случаях, когда непосредственно составляющие сами по себе являются нейтральными, но, соединяясь в единое целое в соответствии с правилами словообразования, рожают единицу, характеризующуюся образностью, возникающей за счет метафорического переосмысления значения (*лоботряс, пустозвонить, бумаготворчество*); в-третьих, в синтагмах, где один из валентностных партнеров – эмотив» [16, с. 17–18].

Таким образом, одним из наиболее активных словообразовательных явлений современного русского языка является процесс адаптации заимствованных основ путем образования производных с исконными суффиксами, содержащими эмотивные семы.

2.1.2. Модель «исконный префикс + заимствованная основа».

Префиксация как одна из разновидностей способа образования новых слов в современном русском языке в количественном отношении несколько уступает суффиксации, хотя в системе словообразования в последнее десятилетие именная префиксация стала занимать заметное место, что связано с определенными внутриязыковыми и экстралингвистическими факторами. Данное явление активнее проявляется в новых словах с заимствованными префиксами. Исследователи отмечают, что «в современном русском языке можно говорить о конкуренции конфиксальных и префиксальных моделей, например, *про + пиар + и(ть)* и *про + пиарить*, на определенном витке языковой динамики. В том случае, когда глагол оказывается востребованным системой, входит в активный словарный состав, он сразу включается в круг базовых глаголов внутриглагольного префиксального словопроизводства: *распиарить, отпиарить* и др.» [35, с. 513]. По подобной модели в современном русском языке активно образуются лексические инновации.

Интересным языковым фактом, отмеченным в текстах СМИ, является лексема *спамить*, деривационная модель которой представлена

следующим образом: «заимствованная основа + исконный суффикс» – *спамить* ← *спам*. В качестве производящего для глагола *спамить* выступает исходное слово *спам*, при наложении на исходное слово выделяется остаток – суффикс *-и-*. При наложении основ наблюдается чередование *м* // *м'*. Таким образом, неoderиват *заспамить* образован в результате сложения деривационной модели «заимствованная основа + исконный аффикс» и добавления исконного префикса, т.е. действует модель «исконный префикс + (заимствованная основа + исконный аффикс)». В словообразовательной паре *заспамить* ← *спамить* в качестве производящего выступает глагол *спамить*, при наложении которого на исходное слово выделяется остаток – префикс *за-*.

Префиксация занимает ведущее место в словообразовательной системе глагола на всем протяжении развития русского языка. Активной является деривационная модель «**исконный префикс + (заимствованная основа + суффикс -и(ть))**». Так, при помощи префикса *за-* со значением ‘довести до результативного завершения действие, названное мотивирующим словом’ [190, с. 287] созданы лексемы: *забани́ть* ← *бани́ть*; *забрендить* ← *брендить*; *заколлагить* ← *коллагить*; *закреативить* ← *креативить*; *заинтернетить* ← *интернетить*; *замейнстримить* ← *мейнстримить*; *заоффшорить* ← *оффшорить*; *запатчить* ← *патчить*; *заплашентить* ← *плашентить*; *запостить* ← *постить*; *зафрендить* ← *френдить* и др. Пр.: Если вас **забанили** на форуме – это означает, что вам не разрешают просматривать или писать на форуме; Если вас **забанили** в СЕ – это значит, что ваш сайт невозможно найти в поисковых системах. (<http://MoneyMaster.ru>faq/bun.php>. Дата проверки – 04.07.2014); Как видим, тут русский язык богаче: у нас есть «подружиться», хотя в контексте социальных сетей чаще употребляется «**зафрендить**» (otvet.mail.ru>question/34707243. Дата проверки – 04.08.2014); Куда еще можно **запостить** данное объявление? Если вторым постом сразу было

запощено исправленное сообщение, содержащее картинку или рабочую ссылку сообщение удаляться не будет. (<http://teenslang.su?id/5274>. Дата проверки – 04.08.2014). У кого-нибудь есть мысли, как можно *запатчить* *httpd* таким образом, чтобы при вызове *top*, в списке процессов *apach* появлялся не просто как *httpd*, а вместе с вызванным урлом? (otvet.mail.ru?question/95983304. Дата проверки – 04.08.2014); Последний «*Запланировать* вардена» с Сибирским Леммингом. (youtube.com/watch?v=7rt9OWr4Gpw. Дата проверки – 04.08.2014); Так как исполнители уже заездили свои стили до состояния «полированных шаров», им нужны новые идеи, вот они и ударяются в попытку *замейнстримить*...(neo-ak-darkman.livejournal.com/24233.html. Дата проверки – 04.08.2014).

Исследуя актуальные вопросы системного словообразования, Е. В. Петрухина отмечает тот факт, что «в глагольной системе при образовании глаголов со значением приобретения какого-либо признака выражается прежде всего результат, сам же процесс приобретения или становления признака может быть выражен на следующем деривационном шаге либо узуальной суффиксацией, либо, как правило, окказиональной, депрефиксацией» [109, с. 144–145]. Так, при помощи префикса **про-** со значением ‘довести до результативного завершения действие, названное мотивирующим словом’ [190, с. 670] образованы глаголы, например: *пробрендить* ← *брендить*; *проспамить* ← *спамить*; *пропиарить* ← *пиарить* и др.; Пр.: Сейчас они хотят «*пробрендить*» эти направления, чтобы разделить бизнесы в восприятии клиентов, предполагает Горохова. Заголовок: *Проспамить* фейсбук. Платный *wi-fi* как способ *пропиарить* отель (Реклама Марриотт Гранд Отеля).

При помощи префикса **на-** со значением ‘довести до результативного завершения действие, названное мотивирующим словом’ [190, с. 347] созданы глаголы: *напиарить* ← *пиарить*; *наколлагить* ← *коллагить*; *накреативить* ← *креативить*; *наинтернетить* ← *интернетить* и др. Пр.:

*Саркози не встретится с Тимошенко, дабы не **напиарить** на свою голову (Новости Украины, 17.07.2009); Тут надо бы **накреативить** на тему «Будущее за гражданским браком. Слово ЗАГС станет архаизмом» (<http://valerijapride.livejournal.com/164767.html>. Дата проверки – 04.09.2014).*

Префикс **от-** со значением ‘отказаться или заставить отказаться от чего-л. – иногда аннулировав результат предшествовавшего действия – посредством действия, названного мотивирующим словом’ [190, с. 580] продуктивен при образовании таких глаголов, как: **отпиарить** ← *пиарить*; **отынтернетить** (**отинтернетить**) ← *интернетить*; **отфрендить** ← *френдить* и др. Префикс **раз-/рас-** со значением ‘аннулировать результат предшествующего действия, отказаться или заставить отказаться от чего-л.’ участвует в образовании глаголов: **разбанить** ← *банить*; **расфрендить** ← *френдить*; Пр.: В этом видео я покажу, как **разбанить** себя на сервере. (youtube.com/watch?v=ZDbLoOtbhkw. Дата проверки – 14.07.2014).

При помощи префикса **по-** со значением ‘в течение некоторого времени совершить действие, названное мотивирующим словом’ [190, с. 468] образованы такие лексемы, как: **поспамить** ← *спамить*; **поскайпить** ← *скайпить*; **попиарить** ← *пиарить*; **поинтернетить** ← *интернетить*; **пооффишорить** ← *оффишорить*; **погуглить** ← *гуглить* и др.

Префикс **пере-** со значением ‘означающий действие с излишней интенсивностью, с превышением нормы’ [190, с. 456] активен в таких производных, как: **перебрендить** ← *брендить*; **перегуглить** ← *гуглить*; **переколлажить** ← *коллажить*; **перескайпить** ← *скайпить*; **переспамить** ← *спамить*; **переинтернетить** ← *интернетить* и др. Пр.: Заголовок: Как **переспамить** Петросяна... (<http://www.politonline.ru/comments/12546.html>. Дата проверки – 04.08.2014); У меня специализация – постеры к фильмам люблю **переделывать**, **перекреативовать**, на день рождения дарить (<http://bogdanclub.info/>. Дата проверки – 04.08.2014) и др.

При помощи префикса **о-** со значением 'достичь результата или довести до результативного завершения действие, названное мотивирующим словом' [190, с. 568] образованы единицы, например: *осетить* ← *сетить*; *офрендить* ← *френдить*; *опланишетить* ← *планишетить* и др. Пр.: Можно *осетить*: роман, журнал, бумажные издания, книгу, бизнес, полемику, дискуссию, агентство, проблему, выборы... ([hp://grani.ru/Internet/m.2570.html](http://grani.ru/Internet/m.2570.html). Дата проверки – 04.08.2014); Теперь решили «*опланишетить*» и исполкомовцев (kr.ua/Соцопрос/091213/428163. Дата проверки – 04.08.2014).

По деривационной модели «**исконный префикс за- + (заимствованная основа + -ировать)**» созданы лексемы: *закреатировать* ← *креатировать*; *забрендировать* ← *брендировать* и др. Пр.: Должны *закреатировать*... (<http://www.autolada.ru/viewtopic.php?p=8335156>. Дата проверки – 14.09.2014); Дворец спорта планируют *забрендировать* под Евробаскет-2015. (<http://sport.bigmir.net>. Дата проверки – 04.09.2014).

Модель образования «**исконный префикс за- + (заимствованная основа + -а(ть))**» реализовалась в лексеме *забашлять* ← *башлять* (башли – 'наличные деньги'). Пр.: Понятное дело, фирмы любят регулярных клиентов, кто им регулярно *забашляет*. А кто просто ходит и смотрит, и смотрит – тех не любят (<http://www.slovoborg.ru/definition>. Дата проверки – 04.09.2014).

Общая активизация префиксального способа образования имен подчеркивается в работах А. А. Шишкиной. Исследователь отмечает, что «префиксы, участвующие в образовании имен, отличаются разнообразием семантики, неоднородностью происхождения и словообразовательных связей, различной продуктивностью. Новообразования, созданные путем присоединения именной префиксации, не только номинируют различные стороны, актуальные явления современной общественной жизни, но и являются ярким средством их оценки...» [168, с. 255].

В масс-медийных текстах новообразованные единицы активно функционируют в форме причастий: *забаненный* (бан, англ. ban, /bæn/ ‘запрещать, объявлять вне закона’), *разбаненный*, *забрендированный*, *закреатированный*, *пропиаренный* и др. Пр.: *Разговор пойдет о забаненных сайтах и их воскрешении* (eo-zona.ru>baza-zabanennyx...sajtov-2013-04-19.html); *Наконец! Я разбаненный на этом сайте, админ, спасибо.* (forum.prineside.com).

Постфикс **-ся** – ‘слово- и формообразовательная единица, образующая непереходные глаголы как несовершенного, так и совершенного вида’ [190, с. 860] – участвует в образовании лексем по деривационной модели «(исконный префикс + (заимствованная основа + *-и(ть)*)) + постфикс **-ся**»: *забрендиться* ← *забрендить*; *зафрендиться* ← *зафрендить*; *поскайпиться* ← *поскайпить*; *опланишеться* ← *опланишетить* и др. В РГ-80 отмечается, что «непереходные префиксально-суффиксально-постфиксальные глаголы мотивируются существительными, прилагательными, глаголами» [127, с. 390]. Активна модель (заимствованная основа + *-и(ть)*) + постфикс **-ся**: *брендиться* ← *брендить*; *пиариться* ← *пиарить*; *френдиться* ← *френдить*; *коллажиться* ← *коллажить* и др.

С помощью префикса **про-**, образующего имена прилагательные со значением ‘признака, который характеризуется поддержкой или защитой качества, названного мотивирующим словом’ [190, с. 678], по деривационной модели «исконный префикс **про-** + (заимствованная основа + исконный суффикс)» созданы единицы: *промайдановский* ← *майдановский*; *пронатовский* ← *натовский*; *проооновский* ← *ооновский* (существуют графические варианты: *проОооновский*, *проООНовский*) и др. Текстовые реализации новых единиц с данным префиксом являются подтверждением расширения семантики, в настоящее время префикс используется и с прилагательными, произведенными от антропонимов: *пропутинский* ← *путинский* (Пр.: Заголовок: *Пропутинский* рэп

украинских сепаратистов (InoPressa, 24.06.2014)); **прообамовский** ← **обамовский** (В американском медийном пространстве взорвалась бомба: верный **прообамовский** журнал *Newsweek* 19 августа опубликовал статью гарвардского профессора истории Нила Фергюсона «Обама должен уйти» (Еврейский мир, 04.09.2012)); **пропорошенковский** ← **порошенковский** (Пока в ВР нет ни одной политсилы, заинтересованной в перезагрузке парламента, включая **пропорошенковский** УДАР (Фокус, 04.06.2014) и др.

В Интернет-пространстве продуктивен префиксоид **полу-**, который входит в деривационную модель: «**исконный префиксоид полу- + (заимствованная основа + искомный суффикс)**», например: **полумайдановский** ← **майдановский**; **полунатовский** ← **натовский** и др. При помощи префиксоида также созданы новообразования с именами собственными: **полупутинский** ← **путинский**; **полумедведевский** ← **медведевский**; **полузюгановский** ← **зюгановский** и др.

Необходимо отметить, что модель «**исконный префикс + заимствованная основа**» менее активна при образовании новых единиц с искомными префиксами. Анализируемая деривационная модель раскрывает процесс адаптации заимствованных основ путем добавления искомного префикса.

Ранее проанализированная единица *Интернет* раскрывает деривационный потенциал в сочетании с искомной приставкой **пере-**: **переинтернет** ← *Интернет* (префикс **пере-** со значением «чрезмерно много»), по такой же модели образована лексема, используемая в Интернет-пространстве, **перекофе** ← *кофе* (слишком много кофе).

Как показал анализ, образование неолексем при помощи искомных префиксов в сочетании с заимствованными основами в количественном отношении уступает суффиксальному словообразованию.

2.1.3. Модель «заимствованная основа + искомное слово». Изучая современные словообразовательные процессы, Т. В. Возгранная отмечает,

что «сложносокращенные слова с иноязычным компонентом представляют собой группу лексических единиц, особая выразительность которых обусловлена спецификой способа словообразования, а также своеобразием элементов, входящих в состав подобного рода слов, что создает ощущение новизны, свежести и очевидной выразительности и позволяет определять их как особого рода новообразования» [22, с. 30–31]. Как показал анализ практического материала, сложносокращенные слова с иноязычным компонентом в современном русском языке образуются весьма активно.

Одной из разновидностей данной модели является модель с соединительной гласной *-о-*: **«модель «заимствованная основа + соединительная гласная -о- + исконное слово»**. Так, заимствованная лексема *лизинг* (англ. *leasing* < *to lease* – ‘арендовать, сдавать внаём’) [193, с. 310] участвует в образовании композитов с исконными вторыми компонентами: *лизингодатель* ← *лизинг* + *-о-* + *датель* (происходит от праслав. **dātī*; **dājātī*; **dāvātī*); *лизингополучатель* ← *лизинг* + *-о-* + *получатель* (префиксное производное от праслав. **lučiti* (*se*)). По анализируемой модели создана лексема *зомбоящик* ← *зомб(и)* + *-о-* + *ящик* (зомби – англ. *zombie*, ящик – др.-русск. *аскъ*, *скъ* ‘корзина’, русск. *ящик*, укр. *ящик.*, из русск. происходит польск. *jaszczyk*, *jaszcz* ‘коробка для сливочного масла, ящик для снаряжения’ [224, с. 573] с яркой эмотивной коннотацией.

В результате чистого сложения по деривационной модели образования **«заимствованная основа + исконное слово»** образованы единицы: *спамкнига* ← *спам* + *книга* (где *спам* < англ. *spam* – ‘метафорический перенос значения, связанного с товарным знаком для мясных консервов’ [193, с. 546], позже – с ‘рассылкой коммерческой и иной рекламы или иных видов сообщений лицам, не выражавшим желания их получать’; *книга* праслав. **kъniga*) [222, с. 263]). Спамкнига – это корпус автоматизированной рассылки рекламных сообщений, созданный с целью их сохранения.

Заемствованная основа *флеш*, произошедшая от англ. flash – ‘вспышка’, участвует в образовании композитов по исследуемой деривационной модели. В медиатекстах наблюдается варирование написаний данной лексемы: *флеш* / *флэш*. Описывая двойственные варианты написания заимствованных слов, И. В. Нечаева отмечает, что «в условиях интенсивного языкового взаимодействия, наблюдаемого в настоящее время, и большого притока заимствований (в первую очередь – англицизмов) в русский язык нерешенность вопроса о критериях кодификации в подобных трудных случаях приводит к распространению орфографических вариантов» [95, с. 86–87]. Так, «являясь отражением иноязычного прототипа и существуя в лексической системе русского языка, иноязычное слово одновременно испытывает влияние двух языков, что отражается, в частности, на его письменном облике» [95, с. 92]. Компонент *флеш*- с исконным вторым компонентом участвует в образовании таких композитов, как, например, *флеш-накопитель* ← *флеш* + *накопитель* (праслав. *korā) [221, с. 318]; *флеш-игра* ← *флеш* + *игра* (ст.-слав. игра) [221, с. 116]. *Флеш-память* ← *флеш* + *память* (праслав. *ramęť). *Флеш-память* – разновидность полупроводниковой технологии электрически перепрограммируемой памяти. *Флеш-печать* ← *флеш* + *печать* (праслав. *rečat-) [223, с. 255] и др. *Flash-игра* – компьютерная игра, разработанная на языке ActionScript. Получила префикс Flash благодаря одноименному названию самой распространенной среды разработки приложений, использующей ActionScript. Наиболее известны в виде браузерных игр.

От заимствованного компонента *веб*- образованы такие композиты, как: *веб-выборы* ← *веб* + *выборы* (от гл. выбирать (выбрать), из вы- + брать, далее от праслав. *bъrati) [221, с. 159]; *веб-занятия* ← *веб* + *занятия* (из за- + -нять (взять), далее от праслав. *jъmъ : jęti) [221, с. 311]; *веб-обозреватель* ← *веб* + *обозреватель* (зреть – др.-русск. зрьѣти, зрю, ст.-слав. зрьѣти, зрьж) [222, с. 105]; *веб-приложение* ← *веб* + *приложение*

(от гл. приложить (прилагать) далее от праслав. *ložiti) [223, с. 365]; *веб-разработка* ← *веб* + *разработка* (работа – от праслав. *orbota) [223, с. 427]; *веб-разработчик* ← *веб* + *разработчик*; *веб-служба* ← *веб*+*служба* (от гл. служить, из праслав., от кот. в числе прочего произошли: др.-русс., ст.-слав. слоужити) [223, с. 676]; *веб-кольцо* ← *веб* + *кольцо* (от церк.-слав. кольцо, производное от *коло; родств. колесо) [222, с. 299]; *веб-устройство* ← *веб* + *устройство* (строить от праслав. *trъje) [223, с. 170] и др.

Компонент *арт-*, активный при образовании композитов по деривационной модели «заимствованная основа + заимствованная основа», менее продуктивен при образовании сложных слов с исконным вторым компонентом. Например, *арт-данные* ← *арт* + *данные* (от праслав. *dātī; *dājātī; *dāvātī) [221, с. 485]; *арт-жизнь* ← *арт* + *жизнь* (от др.-русс., ст.-слав. жизнь) [222, с. 54]; *арт-место* ← *арт* + *место* (от праслав. *město) [222, с. 607]; *арт-работа* ← *арт* + *работа* (от праслав. *orbota) [223, с. 427]; *арт-событие* ← *арт* + *событие* (от ст.-слав. събытися, далее от праслав. *byti) [223, с. 704]; *арт-современность* ← *арт* + *современность* (от прил. современный, далее из со- + время, далее от праслав. vermě) [221, с. 361]; *арт-сообщество* ← *арт* + *сообщество* (от ст.-слав. обьштѣство (др.-греч. κοινότης). заимств. из церк.-слав., производн. от прил. общий) [223, с. 110].

Основа *евро-* менее активна при образовании сложных слов с исконным вторым компонентом, например, *еврозаём* ← *евро* + *заём* (от гл. занять, из за- + -нять, далее из праслав. *jъmq) [222, с. 78].

Проявляет словообразовательную активность заимствованный компонент *кибер-* (греч. kybernetice – ‘искусство управления’; англ. cybernetic). Так, в Интернет-коммуникации появляются такие композиты, как, например, *кибер-город* ← *кибер* + *город* (полногласное образование от старославянского градъ, которое, в свою очередь, восходит к общеславянскому gordъ) [221, с. 443]; *кибер-нож* ← *кибер* + *нож* (от

праслав. *požь) [223, с. 80]; *киберпреступление* ← *кибер* + *преступление* (от глагола преступать, из пре- и ступать, далее от праслав. *stopati) [223, с. 788]; *киберпреступность* ← *кибер* + *преступность* и др.

Медиа- (англ. mass media – «средства массовой информации»): *медиа-война* ← *медиа* + *война* (от прасл.) [221, с. 335]; *медиапокупка* ← *медиа* + *покупка* (купить – происходит от праслав., от кот. в числе прочего произошли: ст.-слав. коуплѣхъ, коупити) [222, с. 420]; *медиасеть* ← *медиа* + *сеть* (происходит от праслав. *sěть) [223, с. 614]; *медиаобщество* ← *медиа* + *общество* (от ст.-слав. обьштѣство (др.-греч. κοινότης). заимств. из церк.-слав., производн. от прил. общий) [223, с. 110]; *медиа-художник* ← *медиа* + *художник* (происходит от др.-русс. худо҃гъ «сведущий», художество, ст.-слав. хждо҃жьникъ) [224, с. 282]; *медиа-среда* ← *медиа* + *среда* (от праслав. *sьrѣdь) [223, с. 740]. Неоморфема **медиа-** становится корнем – медийный, мультимедийность, мультимедийный) и др. Отметим, что в результате неполной адаптации анализируемого аффикса наблюдаются два способа его написания: через дефис (*медиа-война*) и слитно (*медиапокупка*).

Анализ практического материала показал, что гибридные неоминации сложного типа с заимствованными основами образуются по деривационным моделям «заимствованная основа + исконное слово» и «заимствованная основа + соединительная гласная -о- + исконное слово». В текстовых реализациях композиты, созданные по модели образования «заимствованная основа + исконное слово», проявляют вариативность в написании.

2.2. Деривационные модели с заимствованными аффиксами

Исследуя процессы заимствования суффиксов, Г. Пауль отмечает, что «слова заимствуются всегда целиком, отдельные словообразующие суффиксы и окончания никогда не заимствуются; однако при

заимствовании большого класса слов, содержащих один и тот же суффикс, эти слова, точно так же как и слова родного языка с одинаковым суффиксом, могут образовать группу, которая со временем может стать продуктивной» [105, с. 469]. В процессе заимствования суффиксов В. С. Баасанжав выделяет три этапа: «первый этап — этап накопления слов с этим иноязычным суффиксом, хотя слова и будут восприниматься как непроемные, немотивированные, морфологически неразложимые; второй этап — этап выделения суффикса на русской почве в связи с наличием родственных слов, заимствованных позднее или уже имевшихся в языке до заимствования данного слова; третий этап — освоение суффикса, связанное с образованием новых слов от русских основ на русской почве с помощью этого иноязычного, но теперь уже заимствованного суффикса» [6, с. 130]. Ю. А. Бельчиков отмечает, что «словообразовательный аффикс сам по себе не может быть вычленен из заимствованных слов, если в нем не вычленена образующая основа, не только формально, но и семантически. Для активизации чуждого аффикса необходимо, чтобы на новую почву заимствующего языка были перенесены не изолированные слова, а производные вместе с производящими, что составляет основу для проявления словообразовательной модели» [11, с. 238]. Таким образом, деривационные модели с заимствованными аффиксами в русском словообразовании проявляют высокую активность при создании гибридных неоминаций.

2.2.1. Модель «заимствованный префикс + исконное слово».

Анализируя сочетание препозитивного компонента с исконными и заимствованными основами, А. А. Шишкина отмечает, что «нарушения стилистических ограничений на сочетаемость морфем главным образом связаны с разным происхождением или разной стилистической окраской префикса и корневой морфемы (или слова в целом). Это случаи, когда заимствованный префикс присоединяется к исконному производящему

слову или, наоборот, исконный префикс присоединяется к заимствованному слову. Производящие слова, имеющие в своем составе заимствованные корни, но созданные на русской почве, по моделям русской словообразовательной системы, рассматриваются как слова с заимствованными основами, что может приводить к стилистическим нарушениям при присоединении исконного префикса и, напротив, не приводить к стилистическим нарушениям при присоединении префикса заимствованного» [16, с. 69]. Д. В. Гугунава говорит «о диффузном, переходном характере иноязычных препозитивных морфем, их семантико-функционального и морфемного статуса, что в немалой степени обусловлено особенностями их функционирования в современной речи» [32, с. 30]. Функционируя в масс-медийных текстах иноязычные препозитивные морфемы демонстрируют широкий деривационно-семантический потенциал и участвуют в образовании слов различной частеречной принадлежности.

Наиболее активным является препозитивный компонент *супер-* (< лат. *super* – ‘сверху, над’), обозначающий 1) «главный»; 2) «высшего качества»; 3) «расположенный сверху, над чем-л.» [193, с. 563] и участвующий в образовании имен существительных и прилагательных. Так, например, *суперцена* ← *супер-* + *цена* (праслав. *сѣна*) [224, с. 298]; *суперкнига* ← *супер-* + *книга* (праслав. **къпига*) [222, с. 263]; *суперхозяйка* ← *супер-* + *хозяйка* (др.-русс. *хозя* – ‘господин’) [224, с. 254]; *суперустойчивый* ← *супер-* + *устойчивый* (образовано из *у-* + *стоять*, далее от праслав. **stojati*) [223, с. 769] и др. Подобный по семантике является препозитивный компонент *ультра-* (< лат. *ultra* – ‘далее, более, сверх’) [193, с. 603], который чаще всего участвует в образовании таких неологизмов, как *ультранасилие* ← *ультра-* + *насилие* (сила от праслав., др.-русс., ст.-слав. *сила*) [223, с. 621]; *ультраранний* ← *ультра-* + *ранний* (от нар. *рано*, далее из праслав.) [223, с. 442]; *ультраосновой* ← *ультра-* + *основой* (праслав.) [223, с. 162]; *ультраочищающий* ← *ультра-* + *очищающий*

(праслав. *čistъ*) [224, с. 366]; *ультрачувствительный* ← *ультра-* + *чувствительный* (праслав.) [224, с. 377] и др. Синонимичный префикс *гипер-* (< греч. *hyper* – ‘над, сверх’) [193, с. 603] указывает на высокую степень качества денотата: *гипержадность* ← *гипер-* + *жадность* (прил. жадный, из праслав., от кот. произошли: др.-русск. жаднь, ст.-слав. жаднь) [222, с. 33]; *гиперяркий* ← *гипер-* + *яркий* (праслав. **jaгъ*) [224, с. 562]; *гиперзвук* ← *гипер-* + *звук* (праслав., от кот. произошли: русск.-церк.-слав. звоукъ) [222, с. 88]; *гиперзвуковой* ← *гипер-* + *звуковой*; *гиперзахватчик* ← *гипер-* + *захватчик* (праслав. **xvatati*) [224, с. 230] и др. Однако модель образования «заимствованный префикс + исконное слово» малопродуктивна при образовании гибридных неоминаций.

Компонент *анти-* менее активен при образовании неоминаций с исконным вторым компонентом. Так, по деривационной модели «заимствованный префикс *анти-* + исконное слово» созданы такие единицы, как *антизапoteватель* ← *анти-* + *запoteватель*, где *пот* произошел от праслав. *rokto* [223, с. 342]; *антиопредeлитель* ← *анти-* + *опредeлитель*, где корень слова произошел от сущ. предел, из делить [221, с. 496].

Префиксоид *контр-* раскрывает деривационный потенциал в сочетании с исконными основами, например, *контрход* ← *контр-* + *ход* (праслав., от кот. произошел ст.-слав. ходъ) [224, с. 252]; *контрзависимый* ← *контр-* + *зависимый* (прил. зависимый и гл. зависеть, далее из за- + висеть; предположительно, заимств. через укр.) [221, с. 319].

Таким образом, для описания процессов стабилизации новой лексики в современном лексиконе необходимо выявление семантико-функционального потенциала лексических инноваций, который определяется парадигматическими, синтагматическими и эпидигматическими связями как с новыми номинациями, так и имеющимися в системе языка.

Выводы

Деривационный потенциал лексических инноваций характеризуется высокой степенью комбинаторики структурных элементов, участвующих при появлении гибридных неономинаций в текстах масс-медийного дискурса. При комплексном анализе текстов масс-медийного дискурса, представленном в Разделе 2, выявляются особенности внутренней и внешней валентности лексических инноваций, построенных по моделям разного типа.

В исследовании выделены следующие функционально-деривационные модели образования гибридных неономинаций: 1) деривационные модели с заимствованными основами: модель «заимствованная основа + исконный суффикс»; модель «исконный префикс + заимствованная основа»; модель «заимствованная основа + исконное слово»; 2) деривационная модель с заимствованными аффиксами: модель «заимствованный префикс + исконное слово». Каждая из выделенных моделей имеет варианты структурных компонентов и образует значительное количество неолексем.

Анализ практического материала позволил сделать вывод, что наиболее продуктивной является деривационная модель «заимствованная основа + исконный суффикс», которая участвует в образовании производных путем присоединения исконного суффикса к заимствованной основе. Активными являются суффиксы, участвующие в образовании следующих частей речи: а) имен существительных со значением ‘лицо’: *-щик-* / *-чик-*, *-ец-*, *-ник-*; ‘предмет’: *-ниц-*; ‘абстрактность’: *-ниј-(э)*, *-ость*, *-ств-*; б) глаголов: *-и(ть)*, *-а(ть)*, *-ну(ть)* / *-ану(ть)*; в) имен прилагательных со значением ‘имеющий отношение к тому, что названо производящим словом’: *-н-*, *-ск-*, *-ов-* / *-ев-*. Наиболее активно образуются гибридные неономинации со значением ‘лицо’. При образовании имен существительных со значением ‘лицо’ производящей основой выступает как глагол, так и сочетание имени существительного с именем прилагательным. Новообразования подобного типа характеризуются

наличием конструкций, при которых отсутствует возможность проследить мотивационные связи. Данное явление объясняется неполной адаптацией неолексем в современном русском языке.

Появление гибридных неономинаций сопровождается образованием имен существительных с модификационными значениями, к которым в диссертационном исследовании относятся неолексемы с суффиксами женскости и уменьшительно-ласкательными суффиксами. При образовании номинаций со значением 'лицо женского пола' не всегда можно проследить мотивационную связь с лексемами, характеризующими лиц мужского пола (например, номинации *твиттерша*, *баннерша*, *гуглша* и др.)

При исследовании аффиксальных компонентов, входящих в структуру лексических инноваций, важными являются не только постпозитивные, но и препозитивные компоненты. Анализ лингвистических источников демонстрирует отсутствие единого мнения относительно морфемного статуса препозитивных морфем: в зависимости от позиции исследователя они рассматриваются как префиксы, как компоненты сложных слов, как префиксоиды и т.д. Некоторые из проанализированных препозитивных морфем в письменной коммуникации отличаются вариативностью написания (слитно или через дефис), что подтверждает неполную адаптацию неозаимствований (*евродепутат* / *евро-депутат*, *вебсеминар* / *веб-семинар*, *кинотерапия* / *кино-терапия* и др.). Анализ практического материала показал, что на семантико-грамматическом уровне проявляется тяготение препозитивного компонента к корню. В диссертационном исследовании препозитивные компоненты анализируемого типа определяются как префиксы, а гибридные неономинации рассматриваются как образования по деривационной модели «заимствованный префикс + исконное слово».

Многообразие сложных новообразований в СМИ демонстрирует серьезное влияние общих конденсационных процессов на лексико-

грамматический фонд русского языка. Изучение особенностей образования сложных слов является одним из актуальных вопросов в современных лингвистических работах. В диссертационной работе отмечается активное образование лексических инноваций посредством сложения основ, междусловного и внутрисловного наложения. Продуктивными при образовании композитов с заимствованными основами являются компоненты, связанные с Интернет-коммуникацией: *веб-, вики-, интернет-, медиа-, онлайн-* и др.

РАЗДЕЛ 3.

ДЕРИВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ НЕГИБРИДНЫХ НЕОНОМИНАЦИЙ В МАСС-МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

3.1. Модель «заимствованная основа + заимствованный суффикс»

Процесс образования гибридных и негибридных неониминаций в русском языке является одним из наиболее активных языковых процессов. Свое отражение явление гибридности находит прежде всего в текстах масс-медийного дискурса. Модели образования негибридных конструкций, как показал анализ, отличаются богатым семантическим потенциалом и внутренними валентностными связями, что определяет данные модели как продуктивный словообразовательный класс лексической системы русского языка.

Рассматривая процесс усвоения иноязычных элементов в русском языке, О. П. Сологуб отмечает, что «обилие заимствованных слов неизбежно приводит к тому, что количество перерастает в качество: в таких рядах слов начинают выделяться определенные структурные элементы и параллельно с этим формироваться более или менее конкретное значение выделяемых отрезков. Таким образом, происходит становление иноязычных структурных элементов как самостоятельных морфем в русском языке, иными словами, осуществляется процесс морфемизации» [140, с. 130]. Данный тезис подтверждается анализом современных масс-медийных текстов.

Способность слов к изменениям Л. А. Кудрявцева связывает с природой языковой культуры. Исследователь подчеркивает необходимость рассмотрения динамизма в аспекте структурных изменений языковой системы, обуславливающих источники и механизм языковой изменчивости и языкового развития. Комплексное видение лексического состава языка

должно быть дополнено правилами и моделями, по которым образуются его единицы. Таким образом, «именно динамическая модель позволяет показать систему языка как целостное единство устойчивого и подвижного, стабильного и изменяющегося» [194, с. 4].

Заимствованный суффикс **-ирова-(ть)** (от нем. *-ieren*, глагольный суффикс) со значением ‘действия, которое соотносится с тем, что названо мотивирующим словом’, участвует в образовании ряда производных по деривационной модели – **«заимствованная основа + суффикс -ирова(ть)»**. Так, в качестве производящего для глагола *брендировать*, который актуализировался в контекстных употреблениях в значении ‘1. Давать фирменное название, создавать фирменный дизайн, имидж; 2. Демонстрировать различными способами бренд, рекламировать бренд на разных площадках, в различном контенте’ [191, с. 35], выступает имя существительное *бренд*. Производное *брендировать* произошло от *бренд*, при наложении основ наблюдается чередование д // д’. Пр.: *По мнению аналитика Deutsche Bank Натальи Смирновой, в случае покупки X5 может удачно брендировать магазины «Остров» в «Перекресток»...* (РБК Daily, 13.08.2010); *Как брендировать Украину?* (Эксперт, 04.10.2010) и др.

Глагол *креатировать* образован от субстантива *креатив* в результате усечения *-ив* и добавления суффикса *-ирова-(ть)* – *креатировать* ← *креатив*. Данный глагол употребляется со значением ‘создавать что-то новое’.

Иноязычный суффикс **-абельн(ый)** (от англ. *-able* – ‘способный, пригодный к’) со значением ‘словообразовательная единица (обычно свойственная словам профессиональной речи), образующая имена прилагательные со значением способности вызвать то или пригодности для того, что названо мотивирующим словом’ [190, с. 135] участвует в образовании производных по деривационной модели – **«заимствованная основа + суффикс -абельн(ый)»**. Лексема *клик* образует имя прилагательное *кликабельный* со значением ‘способный быть щелкнутым

мышкой'. Так, словообразовательная модель: *кликабельный* ← *клик*. В Интернет-пространстве есть случай окказиональных синонимов: *щелкабельный*, *щелкабельно*. Суффикс **-абельн(ый)** встречается в лексемах, транслитерированных из другого языка: *презентабельный* (франц. *présentable*, разг., устар. 'выглядящий хорошо'); *рентабельный* (заимств. во второй половине XIX в. из нем. яз., где *Rente* < ст.-франц. *rente*, восходящего к ср. -лат. *rendita*, суф. производному от лат. *Reddere* 'возвращать, ('экон. оправдывающий расходы, целесообразный с хозяйственной точки зрения; прибыльный, доходный'); *комфортабельный* (от франц. *confort* 'помощь; комфорт', далее из лат. *confortare* 'укреплять' 'книжн. отличающийся комфортом, обеспечивающий комфорт; удобный, уютный') и др. Иноязычный суффикс также начал появляться в рядах производных слов, образованных от исконных глагольных основ: *читабельный* ← *читать*; *смотрибельный* ← *смотреть*; *решабельный* ← *решать*, *щелкабельный* ← *щелкать* и др.

Суффикс **-изм-** (лат. *-isma* из др.-греч. *-ισμα* или *-ισμός*), образующий имена существительные мужского рода, которые представляют названия качеств, склонностей, действий или состояний, связанных с тем, что названо мотивирующим именем существительным, редко – глаголом, участвует в создании производных по деривационной модели – «**заимствованная основа + суффикс -изм-**». Так, *брендализм* ← *бренд* (-ал- выступает в роли интерфикса). При помощи суффикса образованы существительные мужского рода со значением названия элемента языка, характеризующегося мотивирующим прилагательным: *глобализм* ← *глобальный*, *уникализм* ← *уникальный*, *вульгаризм* ← *вульгарный* и др.

Анализируя процесс ИНГ-изации как один из способов создания современных неологизмов, Л. П. Попко отмечает тот факт, что в современном русском языке появляется большое количество псевдоинговых слов, которые созданы в стилистических целях: *айтишинг*, *амПутинг*, *АнтиЖириг*, *аршининг*, *базаринг*, *балаболинг*, *балдеинг*,

басманинг, головозадинг, дремлинг, думинг, засекретинг, засекречинг, излишинг, изыскинг, имитинг, иронинг, Ленинг, логопоэйинг, любинг, любоначалинг, многоглаголинг, намеринг, обеспечинг, оболванинг, оболживинг, обрыдлинг, объегоринг, отпадинг, подсыпинг, поливинг, приколинг, пудринг, путчинг, раздербанинг, раздолба(й)инг, распутинг, скептинг, смех-и-горетворинг, спонсоринг, Сталинг, столпотворинг, стрессинг, тащинг, умапалатинг, чистописинг, шоуинг, штопинг, ЭлДэПэЭринг, элитинг, ЭфЭсБэшинг, ЮрМихинг, Якобсонинг и др. [114, с. 240-241]. Фактором, оказывающим содействие развитию способности некоторых таких слов к членению в русском языке, служит заимствование соотносительных пар слов: *скайсерфинг* – *скайсерфер*, *кикбоксинг* – *кикбоксер*, *бодибилдинг* – *бодибилдер*. В русском языке отсутствует производящая база для анализируемых слов, в связи с этим говорить о наличии словообразовательной структуры слова не приходится.

Суффикс **-ист-** со значением «лица по сфере деятельности» активен при образовании новообразований по деривационной модели «**заимствованная основа + заимствованный суффикс -ист**»: *википедист* ← *википедия* и *википедистка* ← *википедист* (-к-(а), суффикс женского лица) (википедист – ‘участник Википедии – свободной энциклопедии, которую может редактировать каждый’); *гуглист* ← *гугл* (гуглист – ‘пользователь, предпочитающий поисковую систему Google’); *коллажист* ← *коллаж* (‘спец. художник, работающий в технике коллажа’); *мейкапист* ← *мейкап*; *твиттерист* ← *твиттер*; *фейсбукист* ← *Фейсбук* (‘пользователь Фейсбука (англ. Facebook)’); *яндексист* ← *яндекс* и др. Пр.: **Википедисты** проводят ежегодный международный фотоконкурс «*Wiki Loves Monuments*» (Вики любит памятники) с целью собрать снимки исторических зданий и достопримечательностей... (<http://www.061.ua>. Дата проверки – 27.09.2013); Глядя на убогую работу **мейкапистов** и парикмахеров в «Книге мастеров», хочется сделать что-то другое, более

соответствующее потрясающей компьютерной графике и такой же потрясающей идее ... (<http://gazeta-p.ru>. Дата проверки – 16.12.2013); Харьковский губернатор-**твиттерист** Михаил Добкин вновь отличился... (<http://kharkov-online.com>. Дата проверки – 30.12.2013).

Таким образом, широкий спектр новой лексики раскрывает возможности использования словообразовательных ресурсов прежде всего в медиатекстах, которые оперативно реагируют на интенсивную динамику современного общества.

3.2. Модель «заимствованный префикс + заимствованное слово»

В лингвистических исследованиях отсутствует единое мнение относительно морфемного статуса и семантики большей части препозитивных элементов, «это дает основания говорить об их функционально-семантической и субстанциональной диффузности, фиксируемой исследователями с разных позиций» [32, с. 34]. В нашем исследовании данные элементы будут рассматриваться как префиксы.

Модель образования неолексем **«заимствованный префикс + заимствованная основа»** демонстрирует процесс сочетаемости заимствованных элементов в одном слове, напр.: *контрпиар* ← лат. *contra* ‘против’ + англ. *пиар* (PR – public relations, ‘связь с общественностью’). В русском языке лексема употребляется в значении ‘формирование общественного мнения в отношении какого-либо политического или общественного деятеля, бизнес-проекта и т.п. с учетом и в противовес уже созданному негативному общественному мнению в целях повышения рейтинга, получения голосов избирателей, продвижения проекта на рынке и т.п.’ [191, с. 415]. Так, префикс **контр- (контра-)** (от лат. *contra* ‘против’), имеющий значение противоположности, протипонаправленности к тому, что названо производящим словом, образует лексемы по словообразовательной модели

«заимствованный префикс *контр-*(*контра*) + заимствованная основа»: *контрагалс* (контра- + галс, ‘морс. курс судна, противоположный тому, которым идет встречное судно’) [191, с. 414]; *контраргумент* (контр- + аргумент, ‘довод, аргумент, выдвигаемый в споре в опровержение аргумента противной стороны’) [191, с. 415]; *контратип* (контра- + тип, ‘копия с оригинального негатива, используемая в кинопроизводстве гл.обр. для массового изготовления фильмокопий’).

По словообразовательной модели **«заимствованный префикс *контр-*(*контра*-) + заимствованное слово»** образованы лексемы: *контрадикция* (контра- + дикция, ‘противоречивое суждение, высказывание, нарушающее законы формальной логики’) [191, с. 414]; *контрасигнатура* (контра- + сигнатура) – *контрасигнация* (контра- + сигнация, ‘подпись министра на акте, исходящем от главы государства, означающая, что министр принимает на себя юридическую и политическую ответственность за данный акт’); *контркультура* (контр- + культура, ‘общее обозначение разнородных взглядов, течений в искусстве, форм поведения и др. духовных ценностей, противопоставляемых официальным ценностям’).

Одним из наиболее продуктивных способов образования неолексем является присоединение препозитивного компонента анти-заимствованному слову. Префикс **анти-** (греч. *anti...*), имеющий значение противоположности, противодействия, противонаправленности к тому, что названо производящим словом, участвует в образовании единиц по модели **«заимствованный префикс *анти-* + заимствованная основа»:** *антидарвинизм* (анти- + дарвинизм, ‘совокупность различных концепций, отрицающих дарвиновское учение о естественном отборе’) [191, с. 70]; *антимайдан* (анти- + майдан, ‘движение против людей, стоящих на майдане’); *антирейтинг* (анти- + рейтинг); антикомпромисс (анти- + компромисс) и др. По словообразовательной модели **«заимствованный префикс *анти-* + заимствованное слово»** образованы лексемы: *антигены* (анти- + гены, ‘вещества, которые воспринимаются организмами как

чужеродные, воздействуя на лимфоидные клетки, стимулируют иммунную реакцию организма») [191, с. 69]; *антиреклама* (анти- + реклама, 'реклама, направленная на привлечение внимания потребителя к продуктам низкого качества; распространение сведений, компрометирующих кого-то, что-либо') [191, с. 71] и др. Интересна семантика новообразования *антикафе* ← *анти-* + *кафе*, данное слово вошло в обиход в 2010 году, именуя заведение нового типа. Антикафе – это общественное пространство, в котором все бесплатно, кроме времени, и посетители обладают большей степенью свободы, нежели в классических кафе или ресторане. Основной вид деятельности посетителей – приятное времяпрепровождение, развлечение и посещение мероприятий.

По трехкомпонентной деривационной модели **«заимствованный префикс *анти-* + (заимствованная основа + исконный суффикс)»** образованы единицы: *антигламурный* (анти- + гламурный); *антидемпинговый* (анти- + демпинговый); *антиспамерский* (анти- + спамерский); *антиспамовый* (анти- + спамовый). Образования такого типа свидетельствуют о высокой степени адаптации неониминаций к лексической системе.

Субмодель **«заимствованный префикс *анти-* + имя собственное»** участвует в образовании неолексем типа:

1) политические деятели: *антиПутин* (анти- + Путин); *антиЯнукович* (анти- + Янукович); *антиМедведев* (анти- + Медведев); *антиКлинтон* (анти- + Клинтон);

2) писатели, поэты: *антиКарнеги* (анти- + Карнеги); *антиЛукьяненко* (анти- + Лукьяненко);

3) деятели шоу-бизнеса (актеры, певцы и др.): *антиУргант* (анти- + Ургант); *антиСобчак* (анти- + Собчак); *анти-Мадонна* (анти- + Мадонна) и др.

Неолексемы с препозитивным компонентом *анти-* можно отнести к нестандартным словообразовательным структурам. По мнению

А. А. Шишикиной, «префиксальные новообразования нестандартной словообразовательной структуры, созданные с отклонениями от стандартной схемы словообразовательного типа, очень активны в текстах современных СМИ, используются для выражения авторской оценки и для создания экспрессии, а также в качестве средства «языковой игры»; преобладание существительных среди именных образований нестандартной структуры обусловлено расширением сфер номинации в языке современных СМИ» [167, с. 71]. Данные образования графически могут выражаться различно: написание через дефис / слитно, написание второй части слова с прописной буквы или со строчной, написание слова в кавычках и без них. Е.А. Земская полагает, что активный выбор имен собственных в качестве базовых основ словообразования обусловлен усилением личностного начала, что является характерной чертой языка, приметой времени [44, с. 130]. Анализируемые достаточно активные в медиатекстах новообразования в контекстных употреблениях выражают различные коннотативные оттенки – негатив, агрессию, презрение, враждебность и др. Пр.: *В Омске 12 августа прошел митинг противников телеведущей Ксении Собчак... Мероприятие было организовано генеральным секретарем Всероссийского движения «Антисобчак» Михаилом Шушариным.* (<http://newsland.com>. Дата проверки – 12.09.2014); «Сотрудничество с **анти-НАТО**» (заголовок, Газета. ru. , 11.06 2011) и др.

В текстах масс-медийного дискурса продуктивным является и заимствованный префикс **де-** (лат. **de...**), называющий действие, противоположное, обратное тому, что названо производящим слово и участвующий в образовании ряда неолексем по модели **«заимствованный префикс де- + заимствованное слово»**: *деафоризм* (де- + афоризм, ‘отсутствие афоризма’) и др. Так, по словообразовательной модели **«заимствованный префикс де- + заимствованное слово»** образованы лексемы: *декомпозиция* (де- + композиция, ‘в информатике – разбиение объекта обработки (задачи, программы, данных, системы) на структурные

единицы') [191, с. 244]; *декриминализация* (де- + криминализация, 'освобождение от криминальных элементов, их уничтожение') [191, с. 245]; *дереализация* (де- + реализация, 'психическое расстройство, выражающееся в виде переживания отчуждения от реального мира, представляющегося призрачным, нереальным, безжизненным') [191, с. 251].

Ультра- (от лат. *ultra* – 'далее, более, сверх') – первая составная часть сложных слов, обозначающая: крайний, находящийся за пределами [191, с. 880]. Пр.: *ультрамодный* (ультра- + модный, 'очень модный'); *ультранационализм* (ультра- + национализм, 'крайний национализм, шовинизм'); *ультрапатриотизм* (ультра- + патриотизм, 'идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим, подчиняющая общечеловеческие интересы и ценности национальным интересам') [191, с. 880].

Один из продуктивных префиксов **псевдо-** (гр. *pseudos* – 'ложь') рассматривается нами как первая составная часть сложных слов, обозначающих: 'ложный, мнимый (соответствует русскому «лже»)': *псевдоискусство*, *псевдонародный*, *псевдопатриотизм* [191, с. 690]. Анализируя особенности словотворчества в современной литературной критике, Д. В. Гугунава отмечает, что «морфемы **псевдо...** и **квази...** участвуют в образовании окказиональных слов как от абстрактных, так и от конкретных номинаций» [32, с. 30]. Лингвист утверждает, что «при этом сфера их употребления расширяется: традиционно они использовались для образования естественнонаучных и медицинских терминов (*псевдогибрид*, *псевдоастма*, *псевдоэллипс*, *псевдогаллюцинация*, *квазизвезда*, *квазиимпульс*, *квазичастицы*, *квазиполус* и др. упоминаются в общезыковых толковых словарях), в гуманитарных же дисциплинах практически не встречались (*псевдологोगрамма*, *квазиалфавит* и *квазиморф* упоминаются только в узкоспециализированных работах), либо (как правило, в публицистике)

создавали экспрессивные нетерминологические номинации (*псевдоискусство, псевдонаучный*)» [32, с. 30].

Важно отметить, что морфемы претерпевают изменения в функционально-семантическом плане. По замечанию Е. А. Земской, «высокая частотность употребления **псевдо...** и **квази...** может свидетельствовать об их префиксальном характере, то есть о преобладании в них словообразовательного значения над лексическим как следствия возросшей продуктивности» [32, с. 31]. С другой стороны, по убеждению исследователя, в результате активизации словообразовательного значения некоторые префиксы (*анти-, не-, сверх-, супер-* и др.) эволюционируют в направлении частиц, свободно примыкающих к словам различных частей речи [44, с. 90].

Таким образом, анализ лингвистических источников демонстрирует отсутствие единого мнения относительно морфемного статуса препозитивных морфем, их рассматривают и как префиксы, и как компоненты сложных слов, и как префиксоиды и др. Некоторые из препозитивных морфем отделяются дефисом на письме, данное явление подтверждает тяготение префикса к корню. Представленное многообразие слов-инноваций с заимствованными компонентами в препозиции позволяет выявить степень регулярности и продуктивности выделенных моделей.

3.3. Модель «заимствованная основа + заимствованное слово»

Изучение особенностей образования сложных слов является одним из актуальных вопросов в современных работах. Наибольший интерес у исследователей вызывает анализ лексических единиц с заимствованным компонентом, что обусловлено особой характеристикой внутренней структуры подобных неолексем. Лингвисты отмечают, что сложные неологизмы характеризуются семантической насыщенностью, поскольку

образованы по закону экономии языковых средств. Появление неологизмов исследователи связывают с современными тенденциями в изменении языка. Л. Ю. Касьянова характеризует процесс появления сложных слов, связывая данное явление с интралингвистическими факторами: «многие слова с такого рода компонентами обозначают понятия, в целом известные и ранее, однако передававшиеся описательно; лексические единицы с иноязычными компонентами в большинстве своем служат иллюстрациями использования в процессах неологизации русского языка интернационального лексического фонда» [59, с. 89]. По замечанию Е. В. Петрухиной, «в современной русистике и славистике остается дискуссионным вопрос о статусе единиц номинации типа *арт-проект*, *демпинг-стратегия*, *бизнес-система*, *кофе-пауза* [110]. Данный факт связывается с тем, что, с одной стороны, подобные единицы рассматриваются как словосочетания с аналитическими прилагательными, с другой, – трактуются как сложные слова.

Описывая процесс семантизации компонента, который вышел из состава заимствованного слова, Е. В. Красильникова отмечает, что «активная роль заимствующего языка в отношении плана содержания будущей морфемы проявляется уже в отборе и усвоении слов определенного семантического круга. Однако затем должна произойти отчетливая парадигматизация ряда на некоторой семантической основе. На группу одноструктурных слов как бы накладывается сетка определенной семантической парадигмы. В сознании говорящих возникает ассоциативный ряд. Так как общие семантические элементы начинают связываться с повторяющимся формальным элементом, усиливается членимость этих слов» [67, с. 108]. В. И. Теркулов рассматривает композит как единицу, которая входит в разряд структурных разновидностей номинатемы со словесной доминантой, то есть является семантически тождественной единицей, отождествляющейся на уровне слова. Сложное слово относится к структурной разновидности номинатемы с доминантой-

словом, квалифицирующей как «слово, распространенное зависимой полнозначной лексемой, выполняющей функцию семного конкретизатора» [147, с. 133], а само слово является атрибутивным словосочетанием (согласно теории В. И. Теркулова). Так, первая основа композита является семным конкретизатором потенциальной семы «разновидность» второго компонента: в сложном слове *европарламент* конкретизатор *евро*. В. И. Теркулов использует номинатему «для обозначения абстрактной (структурной) языковой единицы, представляющей собой модель номинации, независимо от того, в каких субстантных единицах эта модель реализуется» [148, с. 50].

В исследовании выделены следующие функционально-derivационные модели образования негибридных композитов: «усеченная заимствованная основа + заимствованная основа»; «заимствованная основа + заимствованная основа»; «заимствованная основа + соединительная гласная -о- + заимствованная основа»; «заимствованная основа + (заимствованная основа + исконный суффикс)». Заимствованные основы, как правило, проходят быструю адаптацию в современном русском языке, при этом иноязычные компоненты сложений, по убеждению исследователей, имеют свободную сочетаемость и соединяются с большим количеством слов.

В современном русском языке особое место занимают инновации-композиты с усеченным первым компонентом: *авиа-*, *авто-*, *агит-*, *био-*, *евро-* и др. Усеченные слова активно распространяются в русском употреблении по двум причинам: во-первых, они испытывают влияние западных языков, во-вторых, на них действует закон о стремлении к экономии средств выражения. А. В. Петров утверждает, что «утрачивают продуктивность основы *эко-* (от *экономический*), *соц-* (от *социалистический*), *геолого-*, *геол-* и *гео-* (от *геологический*) и др.» [108, с. 410]. Изучая продуктивность заимствованных основ в составе сложных слов, А. В. Петров отмечает, что «динамические процессы

свидетельствуют не только о возрастании продуктивности или утрате былой активности тех или иных заимствованных основ, вытеснении одних основ другими, но и о формировании фонда новых основ, прежде всего абброоснов» [108, с. 411]. Лингвист приходит к выводу, что наблюдаемые при образовании сложных слов процессы подтверждают идею об усилении агглютинативных тенденций в русском словообразовании.

Данный тезис подтверждается практическим материалом. Анализ текстов масс-медийного дискурса позволил выявить инновации-композицы, образованные по деривационной модели **«усеченная заимствованная основа + заимствованная основа»**.

В медиатекстах при образовании композицы активно используется усеченный компонент **евро-** (< англ, нем. Euro... < European – ‘европейский’, первая составная часть сложных слов, имеющая значение ‘европейский; соответствующий стандартам, принятым в странах Европы’) [193, с. 191], раскрывающий деривационный потенциал в группах слов различной тематической соотнесенности:

1. Политические отношения:

- **‘лицо’:** *евродепутат* ← евро + депутат; *евролоббист* ← евро + лоббист; *евроистеблишмент* ← евро + истеблишмент;
- **‘представительство, орган, институт’:** *евролобби* ← евро + лобби; *европарламент* ← евро + парламент
- **‘виды политических действий’:** *евромайдан* ← евро + майдан; *евромитинг* ← евро + митинг; *евроинтеграция* ← евро + интеграция; *евроскандал* ← евро + скандал и др.

2. **Экономические отношения и торговля:** *евровалюта* ← евро + валюта; *евромонета* ← евро + монета; *еврооблигация* ← евро + облигация; *евроэкономика* ← евро + экономика; *еврочек* ← евро + чек и др.

3. **Туризм:** *еврорегион* ← евро + регион; *евровояж* ← евро + вояж; *евротур* ← евро + тур; *евротурист* ← евро + турист и др.

4. **Музыка:** *евродиск* ← *евро* + *диск*; *еврохит* ← *евро* + *хит*; *евротанец* ← *евро* + *танец*; *еврошоу* ← *евро* + *шоу*; *евромузыка* ← *евро* + *музыка*; *еврорадио* ← *евро* + *радио* и др.

5. Спорт:

- **‘виды спорта’:** *еврофутбол* ← *евро* + *футбол*; *еврохоккей* ← *евро* + *хоккей*; *евробаскетбол* ← *евро* + *баскетбол*;
- **‘составляющие соревнований’:** *евростарт* ← *евро* + *старт*; *еврофиниш* ← *евро* + *финиш* и др.

6. **Компьютерные технологии:** *евроинтернет* ← *евро* + *интернет*; *еврокомпьютер* ← *евро* + *компьютер*; *евромонитор* ← *евро* + *монитор*; *европлата* ← *евро* + *плата* и др.

7. **Название товаров широкого потребления, технических устройств:** *еврогриль* ← *евро* + *гриль*; *евротехника* ← *евро* + *техника*; *евробокс* ← *евро* + *бокс* (‘коробка, приспособление, устройство по европейским стандартам’); *еврокартон* ← *евро* + *картон* и др.

8. **Образование и наука:** *европрограмма* ← *евро* + *программа*; *евротест* ← *евро* + *тест*; *еврошкола* ← *евро* + *школа*; *еврокурсы* ← *евро* + *курсы*; *еврокласс* ← *евро* + *класс*; *евролицей* ← *евро* + *лицей* и др.

9. Мода:

- **‘виды верхней одежды’:** *европальто* ← *евро* + *пальто*; *еврожилет* ← *евро* + *жилет*;
- **‘составляющие моды’:** *евромодель* ← *евро* + *модель*; *евромода* ← *евро* + *мода*; *евростиль* ← *евро* + *стиль* и др.

10. **Медицинское обслуживание:** *евромедик* ← *евро* + *медик*; *евромассаж* ← *евро* + *массаж*; *европоликлиника* ← *евро* + *поликлиника* и др.

11. **Строительство и дизайн:** *евромебель* ← *евро* + *мебель*; *еврокухня* ← *евро* + *кухня*; *евроблок* ← *евро* + *блок*; *евроквартира* ← *евро* + *квартира*; *евроремонт* ← *евро* + *ремонт*; *евросауна* ← *евро* + *сауна* и др.

12. Транспорт и дорожные объекты:

- **‘виды транспорта’:** *евроавтобус* ← *евро* + *автобус*; *евротрамвай*

← *евро + трамвай*;

- **‘автомобильные составляющие’**: *евромотор* ← *евро + мотор*;
еврошина ← *евро + шина*;

- **‘виды топлива’**: *евробензин* ← *евро + бензин*; *евродизель* ← *евро + дизель*;

- **‘дорожный объект’**: *еврошоссе* ← *евро + шоссе*; *европарковка* ← *евро + парковка* и др.

В диссертационном исследовании мы пришли к выводу, что тематическую группу «Транспорт и дорожные объекты» можно рассматривать как поле, так как данная тематическая группа обладает большим семантическим потенциалом, охватывает объемное денотативное пространство. Как известно, в лингвистических исследованиях термин «поле» применяется для обозначения совокупности языковых единиц, объединенных интегральным признаком. В данном случае семантические группы *‘виды транспорта’*, *‘автомобильные составляющие’*, *‘виды топлива’*, *‘дорожный объект’* объединены общей тематикой – «транспорт и дорожные объекты».

Анализируя образование сложных слов в современном русском языке, Л. Ю. Касьянова отмечает, что «в процессах неологизации активизировались словообразовательные форманты аффиксоидного типа. Имея статус морфем переходного типа, аффиксоиды занимают промежуточное положение между корневыми и аффиксальными морфемами. Они аффиксоподобны, но не тождественны ни аффиксам, ни корням. Эти специфические морфемы представляют собой бывшие части сложных слов, вычленившиеся из состава серийных сложных образований и начавшие функционировать как готовые структуры, свободно присоединяясь к разнообразным основам и словам» [59, с. 90]. Важной для современного словообразования является идея о тесной связи инноваций-композигов с категорией оценки. Е. А. Карпиловская отмечает, что чрезмерная активность приводит к появлению негативно окрашенных

номинаций, об этом свидетельствуют такие окказиональные экспрессивно-оценочные новообразования: евроскандал, евролюб, еврознаменитость и др. [55, с. 135]. По мнению Л. Е. Бессоновой, в последние пять лет происходит взаимодействие языковых единиц, входящих в сферу политической коммуникации, с новым событийно-информативным полем «Евросоюз», при котором производные единицы с коммуникативно значимым компонентом евро- открывают новые смыслы в текстовом пространстве. Данный факт позволяет адресату ориентироваться в прагматических установках автора текста [14, с. 387].

Заимствованная основа **авто-** (греч. αὐτός – ‘сам’) употребляется в следующих лексических значениях: «АВТО...1 – первая составная часть сложных слов, соответствующая по значению: 1) слову автомобильный, 2) слову автомобиль. АВТО...2 – первая составная часть сложных слов, соответствующая по значению слову автоматический. АВТО...3 – первая составная часть сложных слов, соответствующая по значению словам: самоходный, самодвижущийся. АВТО...4 – первая составная часть сложных слов, соответствующая по значению словам: свой, собственный или основе само...» [210, с. 13].

Компонент авто-, детальное описание которого было проведено В.И. Теркуловым, раскрывает деривационный потенциал в композитах как ‘первая составная часть сложных слов, соответствующая по значению слову автомобильный’: *автоателье* ← *авто* + *ателье*; *автованна* ← *авто* + *ванна*; *автоджакузи* ← *авто* + *джакузи*; *автодизайн* ← *авто* + *дизайн*; *автодизайнер* ← *авто* + *дизайнер*; *автолюкс* ← *авто* + *люкс*; *автолайн* ← *авто* + *лайн* (англ. line [lain] – ‘линия, штрих, черта’, ‘компания, занимающаяся перевозками’); *автоленд* ← *авто* + *ленд* (англ. land ‘земля, почва, суша и др.’); *автопиар* ← *авто* + *пиар*; *автосауна* ← *авто* + *сауна*; *автотрейдинг* ← *авто* + *трейдинг* (англ. trader – ‘торговец’, ‘непосредственная работа трейдера: анализ текущей ситуации на рынке и заключение торговых сделок’); *автоклондайк* ← *авто* + *клондайк*

(‘магазин автозапчастей’); *автосуши* ← *авто* + *суши* (‘доставка суши на автомобиле’); *авторамблер* ← *авто* + *рамблер* (англ. *Rambler* – ‘поисковая система’, ‘сервис по поиску новых автомобилей’); *автопицца* ← *авто* + *пицца* (‘доставка пиццы на авто в любую часть города’); *автобазар* ← *авто* + *базар* (‘рынок автомобилей’); *автофорум* ← *авто* + *форум* (‘форум, на котором обсуждаются автомобили’); *автолокатор* ← *авто* + *локатор* (англ. *location* – ‘помещение, размещение; отведение, определение места для чего-л’, ‘спутниковая охранно-поисковая система’); *автохаус* ← *авто* + *хаус* (англ. *house* – ‘дом, жилище; здание, постройка и др.’); *автонюс* ← *авто* + *нюс* (англ. *news* – ‘новости’); *автожурнал* ← *авто* + *журнал*; *автотюн* ← *авто* + *тюн* (англ. *tune* – ‘настройка; подстройка, настраивать(ся); подстраиывать(ся) и др.’) и др.

Менее активен в медиатекстах компонент **авто-** со значениями ‘автомобиль’ (*автокредит* ← *авто* + *кредит*; *автоломбард* ← *авто* + *ломбард*; *автозалог* ← *авто* + *залог*) и ‘автоматический’ (*автокликер* ← *авто* + *кликер* (англ. *click* – ‘клик, щелчок и др.’, ‘компьютерная программа, которая выполняет заданную последовательность кликов’)). Приведем примеры контекстных употреблений: *Последствия пошлин: брать **автокредит** или подождать. Мы решили подсчитать, что выгоднее: взять машину в кредит и переплачивать проценты или подождать, скопив деньги на покупку по новым ценам...* (Комсомольская правда, 22.05.2013); ***Автоломбард:** почем срочная финансовая помощь...* (заголовок, Комсомольская правда, 11.05.2011); ***Автозалог** – автомобиль остается у вас...* (<http://russian-credit.ru/autozalog>. Дата проверки – 20.08.2014); ***Автокликер** для торговли на рынке Форекс, акциях и фьючерсах, это универсальный инструмент трейдера который поможет избежать массы всевозможных ошибок и соответственно убытков* (<http://autoprofit-forex.ru>. Дата проверки – 14.07.2014).

В масс-медийных текстах частотными являются неозаимствования, в состав которых входит усеченный адъектив *авиационный* (авиация –

фр. aviation < лат. avis – ‘птица’) [193, с. 28]. Усечение данного адъектива приводит к появлению компонента, **авиа-**, соответствующего по значению: ‘1) слову авиационный; 2) слову воздушный’ [210, с. 11]. При образовании композитов продуктивным в текстовых реализациях является первое значение – ‘авиационный’: *авиабренд* ← *авиа* + *бренд*; *авиафорум* ← *авиа* + *форум* и др.: *В Украину прилетит новый авиабренд...* (заголовок, Бизнес Вести, 28.11.2013); *Рогозин поедет в Ульяновск на авиафорум и поиски «базы НАТО»* (заголовок, РИА Нивости, 23.08.2012). Исследуя природу композитной аббревиации, В. И. Теркулов отмечает: «для слов аббревиатурного типа могут реализоваться народноэтимологические по своей природе процессы генерирования квазиисходных словосочетаний. Например, слово *авиамодель* было образовано не от сочетания *авиационная модель*, поскольку в реальности функционально эквивалентным сокращенному наименованию является словосочетание *модель летательного аппарата*. Сейчас во многих текстах для обозначения моделей летательных аппаратов стали использовать словосочетание *авиационная модель*, возникшее в результате “развертывания” квазиаббревиатуры *авиамодель*» [149, с. 28].

При образовании композитов активна функционально-деривационная модель «**заимствованная основа + заимствованная основа**». Исследуя словообразовательные тенденции, Т. В. Возбранная отмечает, что «многообразие и разнообразие сложносокращенных новообразований с иноязычным компонентом позволяет выделить большое количество словообразовательных моделей и говорить о структурной неоднородности подобного класса лексических единиц, обусловленной наличием иноязычного компонента, отличающегося графическим представлением, пре/постпозицией и характером сокращения, а также особенностью способа словообразования и словообразовательного форманта» [22, с. 31]. Как показал анализ, наиболее частотными среди первых компонентов сложных слов выступают основы: *арт-*, *веб-*, *медиа-*, *интернет-* и др.

В последнее время возросла словообразовательная активность компонента **арт-** (англ. art – ‘искусство’). Грамматическая адаптация данного компонента характеризуется закрепленностью дефисного написания при образовании композитов (ранее этот факт был отмечен Е. В. Петрухиной). Чаще всего в масс-медийных текстах фиксируем компонент арт- как первую часть сложных слов со значением ‘художественный, относящийся к искусству’. Необходимо отметить, что анализируемый компонент проявляет широкие валентностные возможности при образовании неолексем, занимая место не только в препозиции, но и в постпозиции: *боди-арт, данц-арт, дизайн-арт, модерн-арт, поп-арт, соц-арт, тех-арт, топ-арт, фото-арт* и др. Ю. В. Романюк группирует композиты, образованные от компонента арт-, по присущим им категориальным словообразовательным значениям: лицо (*арт-заказник, арт-менеджер*); опредмеченное действие, деятельность, процесс, состояние и его последствие (*арт-событие, арт-шоу*); место (*арт-галерея, арт-колледж*); результат действия (*арт-объект*) [126, с. 229].

Анализ представленного практического материала позволил нам распределить неозаимствования с препозитивным компонентом **арт-** на следующие тематические группы:

1. ‘лицо’:

- **артисты:** *арт-дуэт* ← *арт* + *дуэт*; *арт-звезда* ← *арт* + *звезда*;
- **лица, профессии которых связаны с искусством:** *арт-критик* ← *арт* + *критик*; *арт-журналист* ← *арт* + *журналист*;
- **руководитель:** *арт-директор* ← *арт* + *директор*; *арт-диктор* ← *арт* + *диктор*; *арт-менеджер* ← *арт* + *менеджер* и др.;

2. ‘место’:

- **учебные заведения:** *арт-колледж* ← *арт* + *колледж*; *арт-лицей* ← *арт* + *лицей*;
- **места развлечения:** *арт-кафе* ← *арт* + *кафе*; *арт-кино* ← *арт* + *кино*; *арт-клуб* ← *арт* + *клуб*;

• **театр-сцена:** *арт-студия* ← *арт* + *студия*; *арт-сцена* ← *арт* + *сцена*; *арт-театр* ← *арт* + *театр*;

• **места сосредоточения искусства:** *арт-галерея* ← *арт* + *галерея*; *арт-рынок* ← *арт* + *рынок*; *арт-столица* ← *арт* + *столица*; *арт-центр* ← *арт* + *центр* и др.;

3. **‘предметы, действия, состояние, связанные с искусством и творческим процессом:** *арт-гламур* ← *арт* + *гламур*; *арт-каталог* ← *арт* + *каталог*; *арт-фильм* ← *арт* + *фильм*; *арт-фотография* ← *арт* + *фотография*; *арт-хит* ← *арт* + *хит*; *арт-инсталляция* ← *арт* + *инсталляция*; *арт-истеблишмент* ← *арт* + *истеблишмент*; *арт-экспозиция* ← *арт* + *экспозиция*; *арт-туризм* ← *арт* + *туризм*; *арт-терапия* ← *арт* + *терапия* и др.;

4. **‘результат деятельности человека, связанного с искусством’:** *арт-карьера* ← *арт* + *карьера*; *арт-бизнес* ← *арт* + *бизнес* и др.

Итак, в исследовании отмечаем расширение тематических групп, связанных с компонентом *арт-*, каждая группа, в свою очередь, имеет микрогруппы. С компонентом *арт-* в русский язык входит пласт лексики, который можно рассматривать как полевую структуру. Данное явление говорит о появлении семантического поля, объединенного интегральными семами ‘художественный’ или ‘относящийся к искусству’. Например, тематическая группа ‘лицо’ имеет такие составляющие, как ‘артисты’, ‘околоартистическая публика’, ‘руководство’.

В текстах СМИ при образовании инноваций-композигов активно используется компонент **-терапия** (греч. Θεραπεία [therapeia] – ‘лечение, оздоровление’). Пр.: 1) трехосновная модель «**заимствованная основа + соединительная гласная -о- + заимствованная основа + соединительная гласная -о- + заимствованная основа -терапия**»: *ароморефлексотерапия* (лицо, исполняющее данное действие – *ароморефлексотерапевт* ← *аром-* + *-о-* + *рефлекс* + *-о-* + *терапевт*); 2) двухосновная модель «**заимствованная основа + соединительная**

гласная -о- + заимствованная основа -терапия»: *анималотерапия* (‘вид терапии, использующий животных и их образы для оказания психотерапевтической помощи’); *дельфинотерапия* (‘метод психотерапии, согласно которому в центре психотерапевтического процесса лежит общение человека и дельфина’); 3) **двухосновная модель «заимствованная основа + заимствованная основа -терапия»:** *арт-терапия* (терапия творчеством), *стоун-терапия* (лечение камнями); *кинотерапия* (‘оздоровление посредством просмотра фильма’); *фауна-терапия* (‘терапия, построенная на принципах единства человека и мира’), *фитнес-терапия* (лечение посредством фитнеса) и др. Приведем примеры: *Арт-терапия не требует особых навыков – в ней используется техника спонтанного рисунка, с ее помощью человек способен осознать свои переживания, научиться доверять себе и давать полную свободу своим действиям* (Корреспондент.net, 2.07.2008); *В кризисном центре для женщин стартуют сеансы кинотерапии...* (1К, 18.10.2012) и др.

В связи с развитием Интернет-коммуникации в современном русском языке появился пласт лексики, характеризующий данное языковое пространство. Лексема **интернет** по праву считается социально значимым словом эпохи, как следствие – высокая продуктивность композитов с данным элементом: *интернет-агентство ← интернет + агентство; интернет-адрес ← интернет + адрес; интернет-аудитория ← интернет + аудитория; интернет-аукцион ← интернет + аукцион; интернет-банкинг ← интернет + банкинг; интернет-библиотека ← интернет + библиотека; интернет-бизнес ← интернет + бизнес; интернет-браузер ← интернет + браузер; интернет-версия ← интернет + версия; интернет-газета ← интернет + газета; интернет-журнал ← интернет + журнал; интернет-карта ← интернет + карта; интернет-класс ← интернет + класс; интернет-сёрфер ← интернет + сёрфер; интернет-сёрфинг ← интернет + сёрфинг* и др. При образовании композитов с заимствованной основой *интернет* зафиксирована единица, созданная по

деривационной модели с соединительной гласной -о- (модель «**заимствованная основа + соединительная гласная -о- + заимствованная основа**»): *интернетомания* ← *интернет* + -о- + *мания*; *интернетометр* ← *интернет* + -о- + *метр*.

Продуктивным стал также компонент **веб-** (<англ. web- сокр. словосочетания World Wide Web Всемирная паутина (об Интернете)) [193, с. 109], который участвует в образовании следующих композитов: *веб-адрес* ← *веб* + *адрес*; *веб-архив* ← *веб* + *архив*; *веб-бригада* ← *веб* + *бригада*; *веб-девелопмент* ← *веб* + *девелопмент*; *веб-документ* ← *веб* + *документ*; *веб-журналистика* ← *веб* + *журналистика*; *веб-интеграция* ← *веб* + *интеграция*; *веб-интерфейс* ← *веб* + *интерфейс* (совокупность средств, при помощи которых пользователь взаимодействует с веб-сайтом или любым другим приложением через браузер); *веб-картография* ← *веб* + *картография*; *веб-мейл* ← *веб* + *мейл*; *веб-наук* ← *веб* + *наук*; *веб-планшет* ← *веб* + *планшет*; *веб-портал* ← *веб* + *портал*; *веб-программирование* ← *веб* + *программирование* (раздел программирования, ориентированный на разработку веб-приложений); *веб-прокси* ← *веб* + *прокси*; *веб-радио* ← *веб* + *радио*; *веб-сайт* ← *веб* + *сайт*; *веб-сервер* ← *веб* + *сервер*; *веб-сервис* ← *веб* + *сервис*; *веб-сериал* ← *веб* + *сериал*; *веб-серфер* ← *веб* + *серфер*; *веб-серфинг* ← *веб* + *серфинг*; *веб-служба* ← *веб* + *служба*; *веб-спам* ← *веб* + *спам*; *веб-страница* ← *веб* + *страница*; *веб-студия* ← *веб* + *студия*; *веб-телевидение* ← *веб* + *телевидение*; *веб-терапия* ← *веб* + *терапия*; *веб-форум* ← *веб* + *форум* (класс веб-приложений для организации общения посетителей веб-сайта); *веб-фреймворк* ← *веб* + *фреймворк*; *веб-хостинг* ← *веб* + *хостинг*; *веб-цвета* ← *веб* + *цвета*; *веб-чат* ← *веб* + *чат*; *веб-шаблон* ← *веб* + *шаблон*; *веб-юзабилити* ← *веб* + *юзабилити* (англ. Usability – дословно ‘возможность использования’, ‘способность быть использованным’, ‘полезность’) и др.

Одной из продуктивных моделей с компонентом **веб-** является производство композитов со значением ‘лица’: *веб-дизайнер* ← *веб* +

дизайнер; веб-мастер ← веб + мастер (встречается также вариант вебмастер); веб-программист ← веб + программист; веб-сёрфер ← веб + сёрфер; веб-специалист ← веб + специалист; веб-дизайнер ← веб + дизайнер.

Компонент **вики-** стал составной частью многообразных новых единиц в Интернет-пространстве в последнее десятилетие. Н. Б. Мечковская, анализируя информационные технологии и их воздействие на языки и общение, раскрывает суть понятия «вики»: «интернет-издательский комплекс программ («движков» контента), которые позволяют из сбивчивых текстов, отрывочных справок, информационного сырья и прочих полуфабрикатов делать логически стройные сайты, связанные страницы блогов или вполне приемлемые энциклопедические статьи» [89, с. 451]. Контаминированные образования с компонентом вики-: *википедия* ← *вики* + *энциклопедия* («Википедия» – ‘свободная энциклопедия, которую может редактировать каждый’); *мамапедия* ← *мама* + *энциклопедия* (именования сайта будущих и молодых мам); *викиальность* ← *вики* + *реальность*. В результате сложения образованы композиты: *викицитатник* ← *вики* + *цитатник*; *викигид* ← *вики* + *гид*; *викисклад* ← *вики* + *склад*; *викиданные* ← *вики* + *данные*; *викивид* ← *вики* + *вид*; *викиновости* ← *вики* + *новости*; *викимедиа* ← *вики* + *медиа* и др.

В исследовании зафиксированы композиты с компонентом **медиа** (при образовании сложных слов используется дефисное или слитное написание): *медиа-баинг* ← *медиа* + *баинг*; *медиа-бизнес* ← *медиа* + *бизнес*; *медиаимперия* ← *медиа* + *империя*; *медиамагнат* ← *медиа* + *магнат*; *медиамаркет* ← *медиа* + *маркет*; *медиа-селлер* ← *медиа* + *селлер*; *медиахолдинг* ← *медиа* + *холдинг*; и др. В текстовых реализациях с компонентом *медиа* образованы более сложные единицы, созданные по функционально-деривационной модели **«заимствованная основа + (заимствованная основа + исконный суффикс -ств(о))**, что свидетельствует о тенденциях стабилизации и высокой степени адаптации

к русскому лексикону»: *медиамагнатство* ← *медиа* + *магнатство*; *медиапартнерство* ← *медиа* + *партнерство*. Пр.: ООО «Медиа Группа Украина» – медиа-холдинг, который объединяет национальный телеканал общего интереса «Украина», телеканал «НЛО TV», тематические каналы «Футбол 1» и «Футбол 2», «Региональную Медиа Группу» (каналы «Донбасс», «34», «Сигма», «Сфера»), сейлз-хаус «**Медиапартнерство**»... (МедиаБизнес, 08.08.2014). Анализируя неолексемы с компонентом **медиа** в современном русском языке, Н. А. Рябцева отмечает: «медиа как часть сложных слов обладает более широкой семантикой, обозначая, во-первых, СМИ (пресса, радио и телевидение, кино и так далее); во-вторых, компьютерные продукты, то есть компьютерные способы передачи информации (видео, аудио, анимация, текст и так далее); в-третьих, вид искусства» [129, с. 121.].

В текстовых реализациях при образовании сложных слов продуктивным может быть и второй компонент композита. Среди таких компонентов сложных слов выступают основы *-дром*, *-визор*, *-мобиль*, *-мания* и др. Так, проанализировав сочетаемость компонента *-мейкер* с заимствованными и исконными основами в современном русском языке, Е. В. Петрухина отмечает, что «словосочетания приобретают характер композитов, а лексема из английского словосочетания по семантике сближается с аффиксами и аффиксоидами со значением деятеля (ср. сушист, шоумен). Появление производных с русскими корнями и элементом – *мейкер* поддерживает его статус как словообразовательного форманта, который занимает промежуточное положение между радикасоидом и суффиксоидом (хотя по функции ближе к суффиксоиду)» [110]. В данном исследовании были зафиксированы инновации-композиты: *вирмейкер* ← *вирус* + *мейкер* (программист, пишущий вирусы); *бренд-мейкер* ← *бренд* + *мейкер*; *имиджмейкер* ← *имидж* + *мейкер*; *клип-мейкер* (*клип.мейкер*) ← *клип* + *мейкер* и др. В перечисленных композитах деятелем выступает человек, но в текстовых реализациях зафиксированы

сложные слова, в которых производителем действия является неодушевленное лицо, например, *климат-мейкер* ← *климат* + *мейкер*, *файл-мейкер*.

С активизацией Интернет-коммуникации продуктивной стала также основа **онлайн** (англ. on-line – ‘на линии’, находящийся в режиме реального времени). Данное явление ведет к появлению пласта лексики с анализируемой основой в результате чистого сложения: *онлайн-аптека* ← *онлайн* + *аптека*; *онлайн-конференция* ← *онлайн* + *конференция*; *онлайн-аукцион* ← *онлайн* + *аукцион*; *онлайн-тестирование* ← *онлайн* + *тестирование*; *онлайн-анкетирование* ← *онлайн* + *анкетирование*; *онлайн-бизнес* ← *онлайн* + *бизнес*; *онлайн-радио* ← *онлайн* + *радио*; *онлайн-станция* ← *онлайн* + *станция*; *онлайн-коммерция* ← *онлайн* + *коммерция* и др. Рассмотрим примеры контекстных употреблений: *Большое внимание ведущий уделил предназначению проекта «Теплицы соц. технологий», который развивает культуру деятельности гражданских программ, ознакомил присутствующих с возможностями, которые предоставляют хранение файлов в Интернете, **онлайн-анкетирование**, регистрация пользователей на мероприятия, создание площадок для онлайн-менеджеров* (Известия, 23.08.2014); *Специалисты регулярно прогнозируют рост объема украинского рынка **онлайн-коммерции**, и это неудивительно, ведь у виртуального шопинга есть масса преимуществ перед обычным* (РКМ, 22.08.2014); *За последние три года аудитория **онлайн-радио** выросла на 50%, и с ростом потребления интернета и мобильного контента этот тренд продолжится, — прогнозирует Сабитова. — Сегодня многие слушают радио в мобильных телефонах, поэтому грань между FM и **онлайн-станциями** стирается* (Известия, 15.08.2014) и др.

Таким образом, лексикализация новообразований связана с расширением деривационного материала, что выявляется в организации самостоятельных синхронных цепочек и гнездах.

3.4. Модель «исконная основа + соединительная гласная -о-/-е- + исконное слово»

Деривационная модель образования негибридных композитов **«исконная основа + соединительная гласная -о- + исконная основа»** наименее активна при образовании сложных слов. Например, по данной модели создана единица *словопийца*, которая состоит из двух компонентов *слово* и *пить*. Однако по форме композит напоминает сходное слово: *словопийца* ← (*кровопийца*). Лексема *слово* происходит от праслав. *slovo, *пить* происходит от праслав. [223, с. 673]. Рассмотрим контекстное употребление: *А словопийца – это тот, кто рыщет по форумам в поисках новых постов?* (<http://wap.gramota.forum24.ru/?1-1-0-00000103-000-10001-0>. Дата проверки – 20.08.2014).

Неолексема *словоние* также образована в результате сложения двух исконных основ по модели образования **«исконная основа + соединительная гласная -о- + исконная основа + исконный суффикс»**: *слово* (происходит от праслав. *slovo) [223, с. 673] и *вонять* (происходит от праслав., от кот. в числе прочего произошли: др.-русск. воняти «пахнуть», церк.-слав. воняти «olere», сербохорв. вòњати «вонять», словенск. vonjáti, чешск. vonět «пахнуть, благоухать», словацк. voňať, польск. Wonieć) [221, с. 349]. Так, *словоние* ← *слов* + *-о-* + *вонять* + *-иј*. Рассмотрим пример контекстного словоупотребления: *Естественно, что за подобное слововоние вы навечно забанены в этом журнале* (<http://naib-chechen.livejournal.com>38167.html>. Дата проверки – 10.07.2014).

Композиты с соединительной гласной -о- создаются по деривационной модели **«исконная основа + соединительная гласная + исконная основа + исконный суффикс»**. Так, например, композит *добросетливый* ← *добр(ый)* + *-о-* + *сеть* + *-лив(ый)*, *добро* происходит от прилагательного *добрый*, далее от праслав. [221, с. 520], *сеть* происходит от праслав. *sěť [223, с. 614]. Пр.: *Для всех пользователей нашей сети Михаил сделал*

много хорошего, он добросетливый человек

(rutracker.org/forum/viewtopic.php. Дата проверки – 10.06.2014). На наш взгляд, в данном контексте новообразование *добросетливый* имеет значение ‘привносящий в сеть добро’.

От онима Белый дом (резиденция президента) образованы производные со значением ‘лица’ – *белодомовец* ← *бел(ый)* + *-о-* + *дом* + *(-ов-)ец* (происходит от праслав. *bělъ [221, с. 149] и от праслав. *domъ [221, с. 526]), адъективное образование со значением ‘принадлежности’ – *белодомовский* ← *бел(ый)* + *-о-* + *дом* + *(-ов-)ск(ий)*. Рассмотрим примеры контекстных словоупотреблений: *Если совсем просто: это одновременно и фабрика по производству законов (вместо депутатов), и защита власти от протестов надзорных органов», – говорит «белодомовец»* (Российское информационное агенство Ura.ru, 25.06.2009); *Наши «белодомовские» собеседники оказались также возмущены решением Михаила Кучина...* (Российское информационное агенство Ura.ru, 25.06.2009); *Как говорит генеральный директор компании, также экс-белодомовец Константин Войцехович, «они материализуются в случае успешности предприятия»* (Время новостей, 04.09.2003).

В текстах СМИ с соединительными гласными *-о-* и *-е-* образованы сложные слова со вторым компонентом *лёт* (ст.-сл. летети) [222, с. 488] – *добролёт* ← *добр(ый)* + *-о-* + *лёт* (происходит от праслав., от кот. произошли: др.-русск., ст.-слав. добръ) [221, с. 520]; *вихрелёт* ← *вихрь* + *-е-* + *лёт* (происходит от праслав. формы, ставшей источником др.-русск. вихрь (XI в.), укр. віхор, болг. вихър, сербохорв. виҳаѐр, словенск. víhər «завиток волос», чешск. vích(e)r «стебли трав, которыми кормят скот», словацк. víchor, víchrica, польск. wicher, в.-луж., н.-луж. wíchor) [221, с. 324]; *звёздолёт* ← *звезда* + *-о-* + *лёт* (от праслав. *gvězda, от кот. произошли: др.-русск. звѣзда, ст.-слав. свѣзда) [222, с. 85] – по деривационной модели «**исконная основа + соединительная гласная -о- / -е- + исконная основа + исконный суффикс (нулевой)**». Пример

контекстных употреблений: *Эффект от мер, направленных против российской авиакомпании «Добролет» в рамках третьего пакета санкций ЕС, превзошел изначальные ожидания: работа перевозчика полностью остановилась* (forbes Украина, 06.08.2014). Лексема *кругожор* ← *круг* + *-о-* + *жор* (ст.-сл. *кругъ* [222, с. 385] и *жрать*, ст.-сл. (по)жрети – ‘проглотить’) [222, с. 62]. Данное образование напоминает лексему *кругозор*. *Хотите расширить свой кругожор, приезжайте в Камбоджу* (ТВ программа «Мир наизнанку», 18.02.2012).

Выводы

Вариативность заимствованных компонентов, расширение их комбинаторных возможностей, наличие деривационного потенциала, особая характеристика внутренней структуры неолексем обуславливает большой интерес исследователей к анализу лексических единиц с заимствованным компонентом. В разделе 3 зафиксированы и описаны лексические инновации, образованные по следующим функционально-деривационным моделям: «заимствованная основа + заимствованный суффикс», «заимствованный префикс + заимствованное слово», «заимствованная основа + заимствованное слово», «исконная основа + соединительная гласная *-о-/-е-* + исконное слово». Зафиксированные модели являются разнообъемными как по количеству новообразований, так и по вариативности частеречной принадлежности образованных слов.

Анализ текстов масс-медийного дискурса позволяет сделать заключение о том, что негибридные неономинии, образованные при помощи сочетания заимствованной основы с заимствованным суффиксом, составляют относительно небольшую группу. Данное явление объясняется тем, что лексические инновации с заимствованными суффиксами попадают в русский язык в результате транслитерации.

Деривационная модель «заимствованный префикс + заимствованное слово» участвует в образовании производных в результате сочетания

заимствованного префикса и слова. Среди препозитивных компонентов продуктивными являются такие, как *контр-* (*контра-*), *анти-*, *де-*, *ультра-*, *супер-* и др. Наиболее активным является префикс *анти-*, который образует окказиональные образования по субмодели «заимствованный префикс *анти-* + имя собственное».

Среди лексических инноваций, в состав которых входят два заимствованных компонента, особое место занимают сложные неологизмы. Сложные неологизмы характеризуются семантической насыщенностью, поскольку образованы по закону экономии языковых средств. В соответствии с этим интересной является систематизация моделей негибридных неониминаций, основанная не только на формальных, но и семантических признаках: в разделе выделяются следующие функционально-derivационные модели образования негибридных композитов: «усеченная заимствованная основа + заимствованная основа»; «заимствованная основа + заимствованная основа»; «заимствованная основа + соединительная гласная -о- + заимствованная основа»; «заимствованная основа + (заимствованная основа + исконный суффикс)». Заимствованные основы, как правило, проходят быструю адаптацию в современном русском языке, при этом иноязычные компоненты сложений имеют свободную сочетаемость и широкие валентностные возможности.

РАЗДЕЛ 4.

ПУТИ АДАПТАЦИИ ГИБРИДНЫХ НЕОНОМИНАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

4.1. Коммуникативно-функциональные механизмы адаптации лексических инноваций

Изучая структуру производного слова и связывая этот процесс с появлением новых единиц, Е. С. Кубрякова определяет неологизмы как «когнитивно-дискурсивные образования, по всем своим параметрам связанные в конечном счете с особенностями дискурса – они не только фиксируют нужную говорящему структуру знания или оценки мира, но и объективируют ее в форме, удобной для использования в данном отрезке дискурса» [75, с. 81]. Новая лексика принимается языком избирательно, с учетом языковых и культурных характеристик общества. Исследователи отмечают, что, являясь удачными с точки зрения требований дискурса, лексические инновации могут не приниматься в языковом сообществе и рассматриваться им как «отклоняющиеся от более привычных системных требований и не удовлетворяющие общим нормам правильнооформленности слова в конкретном языке» Так, по данным Ю. Н. Караулова, из примерно 15 тысяч новых единиц, создаваемых за год, лишь несколько тысяч пополняют затем словарный состав русского языка [75, с. 82].

Бесспорное увеличение объема заимствованной лексики, наблюдаемое в современном русском языке, приводит к совершенствованию адаптационных механизмов, ускоренной адаптации иноязычной лексики. Исследуя особенности вхождения лексических инноваций в русский язык, Л. И. Плотникова выделяет следующие этапы: 1) **этап порождения нового слова**, на котором еще сложно предугадать, войдет ли данное слово в речевой оборот или будет актуально короткий промежуток времени; 2) **этап активизации новообразования**. Исследователь отмечает, что

«удачно сконструированная единица, не нарушившая требований и правил языковой системы, благозвучная, не очень длинная и удобопроизносимая, не противоречащая эстетическим требованиям, получает все большее распространение»; 3) **этап адаптации**, который охватывает фонетический, грамматический и словообразовательный уровни языка; 4) **этап завершившейся узуализации**, на котором слово закрепляется в речевой коммуникации и лексикографических источниках [113, с. 196].

Исследователи отмечают, что закреплению в речевой коммуникации иноязычных структурных элементов способствует ряд факторов, наиболее значимыми из которых являются следующие: 1) наличие «пустой ячейки» для выражения определенного значения (в качестве примера можно привести морфемы *-дром-* со значением «площадка для проведения соревнований или испытаний», *-гейт-* со значением «скандал, связанный с каким-либо государством или лицом» и т.д.); 2) необходимость синонимичного выражения определенных отношений (ср., например, суффиксы со значением отвлеченного действия *-ниј-*, *-н(я)*, *-б (а)* и *-инг-*, приставки со значением противоположности, противодействия *противо-* и *анти-* и т.д.); 3) наличие ряда однокоренных слов как основы для формирования у заимствованного слова словообразовательной структуры; 4) развитие словообразовательной активности иноязычного элемента с участием как иноязычных, так и русских производящих основ; 5) развитие многозначности иноязычных морфем в русском языке как результат их высокой словообразовательной продуктивности [58]. Таким образом, адаптационные процессы проявляются в конкуренции иноязычных словообразовательных элементов с элементами русского языка, в возможности проявлять словообразовательную активность с участием не только заимствованных, но и исконных основ, в необходимости обозначения одного денотата различными языковыми единицами.

Важную роль при образовании неологизмов играют жанрово-стилистические характеристики текста, особенности его кодификации,

функционирование в устной или письменной форме. Не вызывает сомнений тот факт, что наибольшее число лексических инноваций образуется именно в неcodифицированной речи, в которой языковые законы действуют менее строго. Так, одной из сфер активного образования и функционирования неологизмов является сфера Интернет-коммуникации. Е. В. Маринова отмечает, что «анализ словообразовательных процессов, происходящих в неcodифицированной электронной речи, показывает, что производные на базе иноязычных лексем слова образуются не только вопреки структурным ограничениям, действующим в литературном языке, но и вопреки ограничениям семантическим (Пр.: дериваты от экзотизма – *моя гринкартовская история* и варваризм – *бэбик*)» [85, с. 340].

Важным источником появления новых слов в современном русском языке являются компьютерные англицизмы. Особенности адаптации заимствованной компьютерной лексики Н. Б. Мечковская перечислила в следующих характеристиках:

1. Кириллическая транслитерация английского слова в сочетании с огрубляющей словообразовательной адаптацией, т.е. подразумевается не только грамматическая адаптация единицы, но и словообразовательная, которая в большинстве случаев носит экспрессию контраста и смеха. Пр.: *виндовоз, виндуз, виндец* и др.

2. Вольная транслитерация английского термина и её лексико-семантические эффекты, т.е. адаптация единицы не по фонетическим законам русского языка, неточная транслитерация для создания комического эффекта. Пр.: *электронная почта (e-mail) – мыло, Емеля* и др.

3. Смеховая актуализация внутренней формы «фирменных» американских терминов (обозначения, которые не переводятся). Пр.: *междумордие* – интерфейс, *ломануть* – хакнуть и др.

4. Игровое соединение русских и английских основ в сложном слове. Пр.: *виндовуз* – (от Windows) операционная система Windows.

5. Русские сленговые дериваты от английских терминов-аббревиатур. Пр.: *Ася, аська* от ICQ (от I seek you) [89, с. 505–510].

Процесс адаптации неологизмов происходит на различных языковых уровнях: фонетическом, семантическом, грамматическом и словообразовательном. Грамматический и словообразовательный уровни взаимосвязаны, поскольку благодаря деривационным процессам меняется частеречная принадлежность неолексем, появляются иные парадигматические отношения. На фонетическом уровне процесс адаптации новых заимствованных слов происходит путем транслитерации или транскрибирования. Исследователи подчеркивают, что анализ процессов фонетического и графического освоения иноязычных лексем на рубеже XX-XXI вв. приводит к выводу об особенностях фонетической адаптации иноязычных лексем в сравнении с XIX-XX вв.

Освоение новых заимствованных слов происходит на фонетическом уровне с помощью **транскрипции**, где основное внимание обращено на звучание иноязычного слова. Е. В. Маринова говорит о расширении принципов транскрипции, обращая внимание на новые фонетические процессы: «1) возможное отсутствие оглушения звонкого согласного на конце слова как «подражание» английскому произношению, особенно в речи молодых (*наб, имидж, бейдж, группиз*); 2) появление в русском языке слов с не встречавшимися ранее исходами *-ин, -жн* (*промоуин, экин, ресепин, фьюжн* и др.); 3) произношение с побочным ударением новых иноязычных слов, восходящих в языке-источнике к композитам или полиморфным словам (*бойфренд, гешефтмахер, онлайн, нон-стоп, имиджмент* и др.)» [89, с. 30]. Вторым важным способом адаптации иноязычной единицы является **транслитерация**, где основное внимание обращено написание слова в языке-доноре. Лингвисты отмечают, что «транслитерация применяется при передаче определённой структурной части слова при **смешанном способе** (например, при передаче английских сочетаний с «er» или сочетания *-ing*: *промоутер, пирсинг*), а также

используется в передаче иностранных онимов и некоторых аббревиатур (ДОС, ВИП и др.)» [89, с. 30].

Путем транслитерации в русский язык пришел ряд неолексем, образованных с помощью суффикса **-инг** со значением 'деятельности, процесса'. Данным способом появились лексемы *андеррайтинг*, *аутсорсинг*, *баддинг* (англ. – *budding*), *банкинг*, *бенчмаркинг*, *блеймсторминг* («поиск виноватого»), *боди-пейтинг*, *брендинг*, *брифинг*, *даунишфтинг* (англ. – игра на понижение), *демтинг* (от англ. *dumping* – сброс) – продажа товаров по искусственно заниженным ценам, *джипинг*, *заппинг*, *имиджмейкинг*, *инжириг*, *кайтинг*, *кайтсерфинг*, *кардинг*, *кастинг*, *киднепинг* (*киднеппинг*), *клиринг*, *коворкинг* (англ. – *co-working*), *консалтинг*, *коучинг* (англ. – *coaching*), *краудсорсинг*, *кьюбинг* (*Cubing*), *лизинг*, *листинг*, *лифтинг*, *медиа-баинг*, *менторинг*, *паркинг*, *прессинг*, *ребрендинг*, *спаминг*, *спичрайтинг*, *спонсоринг*, *хакинг* и др.

Процесс освоения некоторых иноязычных единиц происходит достаточно активно, что приводит к появлению графических вариантов. Так, например, аббревиатурное образование «VIP», имеющее вариации написания в контекстных употреблениях: *ВИП*, *ВиП*, *vip*, *VIP'ы*, *вины*, *vip(ов)*. В контекстных употреблениях от аббревиатуры «VIP» и его графических вариантов *V.I.P.*, *Vip*, *vip* созданы такие модели: *vip подарки*, *vip-апартаменты*, *VIP-сервис*, *ViP-уровень*, *VIP автосервис*, *VIP-резюме*, *VIP-объявление*, *хостинг VIP*, *Vip-Тур* (туристическая фирма), *ВИП-линия*, *столичные VIP'ы* (*VIP-ы*, *V.I.P.ы*), *Киевские вины* и др. Адаптация аббревиатуры происходит путем транслитерации: *V.I.P.* – *VIP* – *ВИП* – *vip*. Результаты поиска данной единицы в Интернете демонстрируют достаточную активность и взаимозаменяемость графических вариантов в контекстных употреблениях. Варианты написания проявляются на разных языковых уровнях: фонематическом (*ланч* – *ленч*; *пати* – *парти*), (маркетинг – *маркетинг*), орфоэпическом ([к'э]йс – [кэ]йс), орфографическом (*оффшор* – *оффшор* – *офф-шор* – *оф-шор*) и

графическом (*Интернет – интернет – Internet*) [89, с. 30]. В текстах масс-медийного дискурса наблюдаем вариативность графической адаптации производного *отИнтернетить* и *отЫнтернетить*, первая единица создана не по орфографическим правилам русского языка.

Процесс адаптации лексических заимствований проходит не только на фонетическом или грамматическом, но и на семантическом уровне, в разной степени меняя семантику слов. Семантическая деривация является одним из способов образования неоминаций в масс-медийном дискурсе и была рассмотрена в трудах многих лингвистов: Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, В. В. Виноградова, В. Г. Гака, В. А. Звегинцева, Ю. М. Караулова, М. П. Кочергана, Е. С. Кубряковой, Л. А. Кудрявцевой, Л. Н. Мурзина, М. В. Никитина, Г. Пауля, М. М. Покровского, А. А. Потебни, Е. А. Селивановой, А. И. Смирницкого, Ж. П. Соколовской, А. А. Тараненко, В. Н. Телия, Н. П. Тропиной, В. И. Теркулова, В. М. Русановского, С. Ульмана, А. А. Уфимцевой, Д. Н. Шмелева и др.

Исследуя активные процессы в современном русском языке, Н. С. Валгина отмечает, что «семантические преобразования в лексике, наряду с номинацией новых реалий, способствуют расширению и обогащению словарного состава. Приобретение словом нового значения может привести к рождению нового слова, усилив тем самым языковую омонимию. Среди семантических процессов выделяются три основных: расширение значения, сужение значения и переосмысление» [18, с. 83].

В современных исследованиях термин «лексико-семантическая деривация» понимается в двух значениях: «1) образование омонимов в результате распада полисемантических слов, 2) возникновение у слов новых значений, что ведет либо к превращению моносемантического слова в полисем, либо к расширению структуры полисема; реже так называют и результат возникновения новых значений – само явлении полисемии» [152, с. 11]. Анализируя семантическую деривацию, Н. П. Тропина определяет данный процесс как «образование словами новых значений, так

называемые «переносы» и «переходы» значений, ведущие к расширению многозначности» [152, с. 3]. По мнению исследователя, «в номинативном ракурсе все семантические дериваты являются результатом вторичной номинации – в том смысле, что лексема (внешняя оболочка слова) не создается в акте такой номинации заново, а вторично используется имя, которое уже ранее существовало в языке: «старое» имя – новый объект номинации (явление широко известно как асимметрия языкового знака)» [152, с. 26]. Развивая идею Н. П. Тропиной, Н. В. Черникова подчеркивает, что подобные новообразования переосмысливаются, т.е. используются в новой для них функции. Исследователь связывает процесс появления семантической деривации с законом экономии языка, который «вынуждает язык избегать количественного приращения лексических единиц за счет формирования новых значений у уже имеющихся в языке номинативных средств» [161, с. 82]. Среди разнообразных видов семантической деривации (расширение значения, сужение значения, семантический сдвиг и др.), по убеждению лингвиста, наибольшей продуктивностью в современной неологии отличаются метафора и метонимия. Процесс переноса значений, как утверждает Н. В. Черникова, является неоднородным. Так, с одной стороны, возникновение новых значений может быть обусловлено потребностью номинации новых явлений, возникших в объективной действительности, или необходимостью развития синонимических средств языка (номинативно-когнитивная метафора); с другой стороны, он определяется появлением новых значений, обусловленных потребностью эмоционально-экспрессивного обновления лексики (экспрессивная метафора) [161, с. 83].

Изменение семантики заимствованного слова происходит под влиянием социокультурных факторов. Так, в русском языке появились и активно функционируют такие лексемы, как *опция*, *месседж*, *тендер*, *сингл*, *драйв* и др. Пр.: *Это беспрецедентное телевизионное шоу, в котором сочетаются зрелищность, масштабность и **драйв*** (1К, № 430,

29.06-5.07.2012); *В активе Джексона тринадцать премий «Грэмми», столько же раз он поднимался со своими **синглами** на первую строчку американских чартов* (1К, № 240, 5.09-12.09.2008).

Лексемы **месседж** и **опция**, которые вошли в словарный состав как слова, употребляющиеся в сфере мобильной связи, нашли фиксацию и в других значениях. *Месседж* (англ. message – «сообщение; послание; идея, мысль») – текстовое послание, сообщение в группе новостей телеконференции или в электронной почте, а также вообще послание, посыл [3, с. 515]. Ср.: *Эксперты могут подготовить более глубокие материалы и дать более объективные комментарии, а российское руководство — президент, премьер-министр, министр иностранных дел — отправить нужный **месседж** мировому сообществу...* (2000, 22.09.2009); *Главный **месседж**, который будет сделан во время саммита Украина-ЕС, что европейский инструментарий – это самый лучший способ для использования потенциала страны* (Корреспондент.net, 23.01.2013); *Роман россиянина Андрея Волоса посвящен разным периодам советской истории, но его **месседж** явно обращен в современность...* (2000, 20.06.2012).

Опция (англ. option; лат. optio (optionis) – ‘выбор’) – 1) дополнительное средство, указываемое в задании для обрабатывающей программы ЭВМ и предназначенное для изменения основного режима ее работы; 2) возможности, выбор возможностей, предоставляемых при осуществлении чего-либо [191, с. 589]. Ср.: *Одна **опция**, которая в будущем может появиться на **инфоматах**, — пробки на дорогах в режиме онлайн...* (2000, 08.02.2012); *Все эти возможности организации детского праздника предусмотрены, просто каждая подобная «**опция**» требует немалого финансового участия взрослых...* (2000, 04.10.2011); ***Опция** встречи участников семинара – создание видеоролика как **месседжа** политикам разных стран...* (из выступления на симпозиуме YES-2012).

Неолексема **ламинат** (от нем. *laminat* – ‘многослойный пластик’; немецкий *laminat* произошел от латинского слова *lamina* – ‘пластинка’) наиболее широко известна в строительной сфере со значением ‘слоистый пластик на основе ПВХ-смолы, который наносится на поверхность ДСП под давлением, имитирует текстуру природного камня (мрамор, гранит, габбро и т.д.), древесных пород (бук, дуб, груша, орех, красное и черное дерево и др.)’. В последние десятилетия производная *ламинирование* от заимствования *ламинат* приобретает новые значения, в обиход вошли такие словосочетания, как *ламинирование документов*, *ламинирование волос* и др. В рекламных текстах под *ламинированием волос* понимается ‘процедура покрытия волос специальным составом с целью создания защитного слоя на каждой волосинке’; словосочетание *ламинирование полиграфической продукции* подразумевает ‘покрытие полиграфической продукции плёнкой’. Сема, объединяющая все три значения, – ‘покрытие’, неосемантизмы же возникли благодаря периферийным семам. Толковый словарь под редакцией Т. Ф. Ефремовой (2000) глагол *ламинировать* определяет как ‘несов. перех. и неперех. наносить на что-либо прозрачную или цветную плёнку, а также иное покрытие для придания какого-либо вида’.

Имя существительное **педаль** выступает в качестве производящего для глагола *педалировать*: *педалировать* ← *педаль*. Данная лексема со значением ‘перен., разг. выдвигать на передний план, подчёркивать’ встречается в текстах СМИ: *Министр оказался человеком слова и начал **педалировать** тему повышения акцизных ставок еще в начале этого года...* (РБК Daily, 25.04.2011); *Ким Чен Ир не хочет **педалировать** конфликтную ситуацию, при том, что возможности маневра и ответных действий у него очень ограничены* (Комсомольская правда, 23.11.2010) и др.

Анализируя глагольные образования, Н. В. Черникова подчеркивает, что «метафорические значения глагола образуются по одной регулярной модели: метафорический перенос, основанный на сходстве функций»

[161, с. 84]. Так, например, созданы глаголы: *заклинить, загрузить, зависать, заместить* и др.

4.2. Асемантемы в структуре гибридных производных

Процесс образования гибридных и негибридных неономинаций сопровождается появлением асемантем в структуре гибридных производных. Под «асемантемами» в современных лингвистических исследованиях понимается часть слова в виде отдельного звука или звукосочетания, выделяющаяся в его составе и не выражающего никакого значения. К таким элементам относят соединительные гласные и звукосочетания сложных слов, интерфиксы, субморфы. Сущность интерфиксации состоит в том, что между двумя морфами слова появляется звук или комплекс звуков, который не имеет значения и не является морфемой. При образовании гибридных неономинаций были зафиксированы следующие интерфиксы: **-ш-** (*барбекюшница* ← *барбекю*, *фондюшница* ← *фондю*, *IP-шник* ← *IP*); **-в-** (*обамавицина* ← *Обама*); **-ал-** (*брендализм* ← *бренд*); **-ч-** (*форумчанин* ← *форум*, от англ. *forum* – ‘заседание, собрание, форум’).

Заимствованная основа **медиа** активна в образовании ряда производных суффиксальным способом: *медиаальный* ← *медиа* (интерфикс -ль-); *медиаативный* ← *медиа* (интерфикс -тив-); *медийный* ← *медиа* (интерфикс -j-); *медийщик* ← *медиа* (интерфикс -j-) и др. Н. А. Рябцева [129, с. 121.] отмечает, анализируя неолексемы с компонентом *медиа* в современном русском языке: «в русском языке рубежа XX–XXI вв. медиа как лексема имеет значение «средства массовой информации», что отличается от семантики слова в языке-источнике, в английском языке исследуемая лексема распадается на 2 омонима, из которых русским языком был заимствован только второй, и обладает следующими значениями: *media* I [‘mi:diə] n (pl -ae) 1) *фон.* звонкий согласный; 2) *анат.*

средняя оболочка стенки кровеносного сосуда. II ['mi:diə] n 1) *pl* от medium 1; 2) (the media) средства массовой информации mass media. mass media [mæs'mi:də] = media II, 2) [196, с. 703]. Таким образом, активной реализовался лексико-семантический вариант – «средство массовой информации».

Спорным является вопрос статуса словообразовательного элемента -ов- в производном *интернетовец*, который образован либо от имени существительного *интернет*, либо от имени прилагательного *интернетовый*. В данной единице наблюдается омонимия суффикса -ов- и интерфикса -ов-.

Интерфиксация также появляется при образовании графодериватов: 1) первый компонент оформлен латиницей: *PR-овец*, *VIPовский* (интерфикс -ов-); *CDшка*, *IT-шник* (интерфикс -ш-);

2) первый компонент оформлен кириллицей: *ОПТшники*; *пиарошный*; *энтэвэшники* (интерфикс -ш-).

При образовании гибридных образований с аббревиатурным компонентом: *VIPовский*, *ВИПовский*, *Виповский*, *виповский*, наблюдается неустойчивость в оформлении данных новообразований. Вариантность слово- и формообразования, их графического и орфографического оформления является отражением языковой гибридизации, актуальной в разных сферах языка. Также следует отметить, что активные деривационные процессы с использованием иноязычных аббревиатур свидетельствуют об их достаточной освоенности системой русского языка.

Соединительные гласные появляются в сложных словах, состоящих из двух и более основ. В данном исследовании отмечены случаи появления соединительных гласных как в гибридных композитах, так и в негибридных. В лингвистических исследованиях наблюдаем вариативность в номинации звуков, встречающихся на стыке двух и более основ. Так, в РГ-80 под интерфиксами понимаются соединительные

гласные [127, с. 252–253]. Подобной точки зрения придерживается В. В. Лопатин, считая, что семантика соединительных гласных абстрактна и сводится к «идее соединения» составляющих сложную основу простых слов. По наблюдениям исследователя, «соединительное значение является тем специфическим словообразовательным значением, которое характерно для сложных слов и которое в чистых сложениях и сращениях представляет собой единственное словообразовательное значение, а в суффиксально-сложных образованиях сочетается с категориальной семантикой суффикса» [80, с. 397].

Анализируя модели образования гибридных неонимаций в масс-медийном дискурсе, можно выделить следующие словообразовательные модели с соединительными гласными:

1) **модель «заимствованная основа (усечённая / полная)»: + соединительная гласная -о- + исконное слово»:** *лизингодатель* ← *лизинг* + -о- + *датель*; *лизингополучатель* ← *лизинг* + -о- + *получатель*; *зомбоящик* ← *зомб(и)* + -о- + *ящик*;

2) **модель «заимствованная основа + соединительная гласная + исконная основа + исконный суффикс»:** *блогоблудие* ← *блог* + *о* + *блудие* (*блуждать*).

Среди негибридных композитов продуктивны следующие деривационные модели с соединительными гласными:

1) **деривационные модели с исконными основами:**

а) **модель «исконная основа + соединительная гласная -о- + исконная основа»:** *словопийца* ← *слов-* + -о- + *пийца*;

б) **модель «исконная основа + соединительная гласная -о- / -е- + исконная основа + исконный суффикс»:** *словоние* ← *слов* + -о- + *воние* (*вонять* + -и); *добросетливый* ← *добр(ый)* + -о- + *сеть* + -лив(-ый); *белодомовец* ← *бел(-ый)* + -о- + *дом* + (-ов-)-ец-; *белодомовский* ← *бел(-ый)* + -о- + *дом* + (-ов-)-ск(-ий); *добролёт* ← *добр(-ый)* + -о- + *лёт*;

вихрелёт ← *вихрь* + *-е-* + *лёт*; *кругожор* ← *круг* + *-о-* + *жор*; *осетенеть* ← *осатанеть* + *-е-* + *сеть*; *словосеть* ← *слов* + *-о-* + *сеть*;

2) деривационные модели с заимствованными основами:

а) модель «заимствованная основа + соединительная гласная -о- + заимствованная основа (усечённая / полная)»: *зомбовизор* ← *зомб(и)* + *-о-* + *телевизор*; *зомбоскоп* ← *зомб(и)* + *-о-* + *кинескоп*; *виртоман* ← *виртуальный (мир)* + *-о-* + *-ман*;

б) модель «заимствованная основа + соединительная гласная -о- + заимствованное слово»: *анималотерапия* ← *анимал* + *-о-* + *терапия*; *дельфинотерапия* ← *дельфин* + *-о-* + *терапия*;

в) модель «заимствованная основа + соединительная гласная -о- + заимствованная основа + соединительная гласная -о- + заимствованное слово»: *ароморефлексотерапевт* ← *аром-* + *-о-* + *рефлекс* + *-о-* + *терапевт*;

г) модель «имя собственное + соединительная гласная -о- + заимствованная основа»: *Бушефрения* ← *Буш* + *-е-* + *шизофрения*.

Заимствованное слово «твиттер» (англ. Twitter – ‘болтать’) стало популярным с появлением онлайн-сервиса для ведения микроблогов «Твиттера». В связи с этим создается пласт лексики, используемый в данном тематическом поле Интернет-пространства. В число новообразований входит алломорф «твит- (тви-)», который участвует в образовании ряда неолексем по моделям: 1) «заимствованная основа + заимствованная основа (усеченная / полная)»: *твинекдот* ← *твиттер* + *анекдот*; *твитоголик* ← *твиттер* + *трудоголик*; *твифоризм* ← *твиттер* + *афоризм*; *твит-аккаунт* ← *твиттер* + *аккаунт* (от англ. account – «счет»); *твитрейтинг* ← *твиттер* + *рейтинг* и др.; 2) «заимствованная основа + соединительная гласная -о- + заимствованная основа (усечённая / полная)»: *твитофренд* ← *твиттер* + *-о-* + *френд* (англ. friend – «друг»); *твитопост* ← *твиттер* + *-о-* + *пост*; *твитотренд* ← *твиттер* + *-о-* + *тренд*; *твитоблог* ← *твиттер* +

о- + *блог* и др.; 3) «**заимствованная основа + соединительная гласная -о-** + **исконное слово**»: *твитодень* ← *твиттер* + *-о-* + *день*; *твитоновость* ← *твиттер* + *-о-* + *новость*; *твитоприложение* ← *твиттер* + *-о-* + *приложение* и др.

Для анализируемого неформанта характерно образование новых единиц с дефисным написанием (*твит-аккаунт*); с помощью соединительной гласной *-о-* (*твитоблог*, *твитоновость*) и без неё (*твитрейтинг*), при этом появление соединительной гласной является признаком адаптации к русскому языку; благодаря усечению единицы Твиттер до *тви-* и прикрепления к неделимому компоненту другого слова (*твифоризм*, *твинекдот*).

Таким образом, асемантемы не только участвуют в процессе образования гибридных и негибридных неониминаций, но и играют важную роль при адаптации их производных в текстах масс-медийного дискурса. В диссертационном исследовании нами обнаружены соединительные гласные *-о-*, *-е-*, встречающиеся на стыке двух и более основ при образовании сложных слов; интерфиксы, находящиеся между корнем и суффиксом или аббревиатурным образованием и суффиксом. По результатам анализа контекстной выборки, можно сделать вывод о высокой активности употребления соединительных гласных в негибридных сложных словах, образованных либо из исконных компонентов, либо из заимствованных.

4.3. Конкурирование суффиксальных производных

Процессы интернационализации и глобализации современного общества приводят к тому, что на рубеже XX-XXI веков в русском языке происходит рост продуктивности иноязычных аффиксов, ранее заимствованных из других языков. В последние десятилетия наблюдается активное пополнение русского языка иноязычными единицами,

включающими анализируемые в диссертации словообразовательные компоненты. Как справедливо отмечает Е. А. Карпиловская, на конкурирование словообразовательных ресурсов и, как следствие, конкурирование самих номинаций оказывает влияние динамика системы языка, которая связана с изменением вкусов общества, оценок определенных языковых явлений, социальных и языковых стереотипов и влиянием данных изменений на действующие языковые нормы. Исследователь подчеркивает, что анализ конкурентных обозначений отражает взаимодействие системы языка и языковой практики как реакцию на социальный заказ дает возможность оценить способность каждой конкретной номинации обеспечивать новые когнитивные и коммуникативные потребности носителей языка [54, с. 245–258]. Важная особенность конкурентных отношений заключается в том, что они, по утверждению Г. П. Нешименко, регулируются действием правила избыточности, в соответствии с которым «из состава репертуара формантов категории вытесняются аффиксы, структурные параметры которых совпадают с дистрибуцией более продуктивных аффиксов» [96, с. 32].

В русской языковой системе происходит активное создание гибридных неоминаций с участием заимствованных и исконных компонентов. Одним из последствий адаптации лексических инноваций в русском языке является процесс появления номинаций с конкурирующими аффиксами. Производные, образованные по деривационным моделям образования «заимствованная основа + исконный суффикс» и «заимствованная основа + заимствованный суффикс», составляют конкуренцию в текстовых реализациях.

По мнению ряда украинских лингвистов (Е. А. Карпиловской, Л. П. Кислюк, Н. В. Карпиловской) [62], преобладание одного конкурирующего слова над другим можно объяснить несколькими факторами: 1) слова, образованные по исконным / заимствованным

словообразовательным моделям; 2) слово из общеупотребительной лексики / специализированной, с терминологической семантикой; 3) слово с нейтральным или книжным потенциалом; 4) проявление экономии языковых средств / детализация понятия, проявление тенденций к прозрачности. Исследуя конкуренцию номинаций в украинском литературном языке, А. А. Таран различает простые и сложные группы конкуренции. В простых группах варианты написания различаются по форме. Так, исследователь отмечает, что основы слов могут составлять инициальные или звуковые аббревиатуры (*СБУшники: эсбэушники*); аббревиатуры, которые оформлены с помощью только больших или только строчных или их комбинаций (*УНСовцы / унсовцы, ОМОНовцы / омоновцы, УБОПовцы / убоповцы, КУНовцы / куновцы*); записанные латиницей вкрапления и адаптированные – транслитерированные или транскрибированные кириллицей – заимствования (*PIN-код / пин-код, CD-ROM / сидиром, DJ / диджей / диджей*). Сложные группы, по замечанию исследователя, проявляют различные признаки варьирования графической формы номинаций: *НУНСовцы / нунсовцы / НУ-НСовцы, БЮТовцы / бютовцы / БЮТ-овцы / бютовцы / бютовцы* [146, с. 12].

Таким образом, группы конкуренции, выделенные лингвистом, демонстрируют вариативность в адаптации заимствованных аббревиатурных основ, различные способы приспособление неозаимствований.

Наличие очагов конкурентности, по убеждению исследователей, является кратковременным явлением и характеризуется как «...состояние неустойчивого, т.е. подвижного равновесия, завершающееся либо вытеснением из употребления, либо переосмыслением одного из конкурентов. Вариантным решением этой ситуации является вытеснение конкурента на периферию системы» [96, с. 14]. Как показал анализ гибридных неоминаций в текстах русскоязычного масс-медийного дискурса, синонимические суффиксы появляются прежде всего в именах

существительных, именах прилагательных и глаголах. Отметим, что наиболее частотными являются суффиксы со значением «лица»:

а) **-щик / -ер**: *спамищик / спамер, стартапщик / стартапер, сетаник / сетанер*;

б) **-щик (-чик) / -ец**: *пиарщик / пиаровец, интернетчик / интернетовец*;

в) **-щик / -ник**: *креативщик / креативник, оффшорщик / оффшорник*;

г) **-щик / -ер / -ист**: *стендапщик / стендапер / стендапист, мейкапщик / мейкапер / мейкапист* и др.

При анализе статистических данных с числом словоупотреблений каждой из вышеперечисленных единиц наблюдаем значительное преобладание контекстов с заимствованным суффиксом **-ер**.

Адъективные суффиксы **-н-(ый), -ов- / -ев-(ый), -ск-(ий)** со значением «имеющий отношение к тому, что названо корнем» также являются конкурирующими при образовании новых слов, например, *пиарный / пиаровый / пиарский; интернетовый / интернетский; мейкапный / мейкаповый* и др.

Анализируемое явление свидетельствует о появлении конкурирования между номинациями, которое, с одной стороны, характеризуется лингвистами как «борьба» между номинациями (в таких случаях номинация не соответствует языковым нормам и потребностям коммуникации и исчезает), с другой стороны, определяется как «мирное сосуществование» лексем, при котором каждая из конкурентных номинаций находит свою «нишу» в системе языка и в тексте [146, с. 15]. Подтверждением данного тезиса могут служить единицы, параллельно существующие в текстах масс-медийного дискурса: *бордер – бордист* (спортсмен, занимающийся скейтбордингом, сноубордингом); *бордерша – бордистка; брейкер / брэйкер – брейкист* (исполнитель брейка); *креатор – креативщик – креативник* (сотрудник рекламного агентства, разрабатывающий креативные идеи); *новостийщик – новостник* (ведущий

новостных программ); *сериальщик* – *сериальник* (любитель сериалов), *сетевик* – *сетянин* (пользователь компьютерной сети) и др.

4.4. Контаминированные образования в масс-медийных текстах

Постоянное обновление языковой системы, стремление языка интегрировать в единой структуре различные идеи, предметы и понятия определяют динамику развития контаминированных образований. Объектом внимания как отечественных, так и зарубежных лингвистов до сих пор остаются такие взаимосвязанные и все еще не решенные проблемы, как роль креативного потенциала языковых единиц, соотношение индивидуального и социального в построении картины мира, формирование механизмов интеграции контаминированных образований в систему языка. Так, характеризуя контаминированные структуры, Г. Пауль отмечал, что процесс контаминации «носит сначала лишь индивидуальный и мимолетный характер. Но [...] благодаря повторяемости явлений и столкновению особенностей отдельных людей индивидуальное постепенно может стать узуальным» [105, с. 91].

Несмотря на широкое распространение контаминированных образований в узусе, ряд лингвистов подчеркивает их ненормативный характер и специфику использования в языке и речи. Н.Ю. Шведова полагает, что контаминированные соединения всегда имеют характер отступления от нормы; роль их в общем процессе развития новых моделей сочетаемости несущественна; они не принимают участия в формировании новых синтаксических рядов [166, с. 55]. В исследованиях В.А. Ицковича и Б.С. Шварцкопфа отмечается, что «результаты контаминации языковых единиц не выходят за пределы сферы речи и воспринимаются носителями языка как разновидность речевых ошибок. Такого их восприятия не может поколебать даже широкая употребительность и известная устойчивость отдельных результатов контаминации» [52, с. 96].

Вопросы контаминации в словообразовательном аспекте были рассмотрены в работах Т. А. Гридиной, А. Ф. Журавлева, Е. А. Земской, В. П. Изотова, М. С. Малеевой, Р. Ю. Намитоковой, М. В. Панова, Т. В. Поповой, А. А. Шишкиной, С. В. Ильясовой и др. Лингвисты используют различные наименования процесса контаминации: *гибридные слова* (В. М. Костюков), *диффузия* (Н.М. Шанский), *графическое словообразование* (В. П. Изотов), *блендинг* (И. В. Арнольд), *междусловное наложение* (Р. Ю. Намитокова, Н. А. Николина, Н. А. Янко-Триницкая), *вставочное словообразование* (И. М. Берман), *телескопия* (В. М. Лейчик, Л. А. Тарасова), *контаминация* (К. Л. Егорова, Е. А. Земская, М. С. Малеева, Е. Н. Сидоренко), *словослияние* (Ю. К. Волошин) и др.

В современных лингвистических исследованиях наблюдается не только вариативность мнений при назывании процесса контаминации, но и неоднозначность при характеристике контаминированных структур и их роли в развитии языка. Так, в лингвистических терминологических источниках контаминация понимается как «образование нового слова или выражения путем скрещивания, объединения частей двух слов или выражений, связанных между собой какими-либо ассоциациями» [108, с. 205]; «взаимодействие, скрещивание, объединение языковых единиц или их частей на основе их структурной, функциональной или ассоциативной близости, приводящее к их семантическому или формальному изменению, а также к образованию новой языковой единицы» [195, с. 113]. Характеризуя явление контаминации, Ж. Марузо определяет его как действие, оказываемое одним элементом на другой, с которым первый связан или постоянно, или случайно таким образом, что между ними осуществляется скрещение. В исследованиях Е. Н. Сидоренко контаминанты выделяются на основе морфологических критериев и интерпретируются как «лексико-грамматические классы слов [...] с набором не индивидуальных, но уже выделенных в других частях речи дифференциальных признаков, по-особому (иногда – в

трансформированном виде) представленных в данном классе слов [136, с. 174].

Одним из активных процессов образования контаминированных единиц является языковая игра. Исследуя это явление, Т. А. Гридина отмечает, что «основополагающий принцип языковой игры заключается в актуализации психологически релевантных для носителей языка многовалентных ассоциативных связей знаковых единиц и намеренном использовании нестандартного кода их употребления, восприятия и порождения (при «обнаружении» и одновременном переключении, ломке ассоциативных стереотипов с помощью специальных лингвистических приемов)» [31, с. 47]. Таким образом, лингвист видит путь создания новых единиц в языковой игре, т.к. языковая игра определяется как особая форма лингвокреативного мышления в основе которого лежат ассоциативные механизмы.

В исследованиях А. Ф. Журавлева подчеркивается, что «контаминация как разновидность словообразования принадлежит к явно искусственным, если она намеренна, или к «патологическим», если она бессознательна, способам номинации» [36, с. 86]. Лингвист выделяет два структурных типа контаминаций: 1) «агглютинация» сегментов двух слов по формуле $A(=ab) + B(=cd) \rightarrow C(=ac)$, напр., *бестер* (из *бе-луга* + *стер-лядь*) или $A(=ab) + B(=cd) \rightarrow C(=ad)$, напр., *монед* (из *мото-цикл* + *велоси-пед*); 2) междусловное наложение: $A(=ab) + B(=bc) \rightarrow C(=abc)$, напр., *стрекозёл* (из *стрекоза* + *козёл*) [38, с. 86—88]. По мнению А. Ф. Журавлева, одним из активных типов контаминации является процесс, при котором «конец основы одного слова накладывается на омонимическое начало другого слова» [38, с. 87]. Так, например, *тандемагогия* \leftarrow *тандем* + *демагогия*, где лексемы *тандем* (фр. *tandem* < лат. *tandem* – ‘наконец, в конце концов’) [193, с. 571] и *демагогия* (< греч. *demagogia* – ‘управление народом’) [193, с. 155] образуют неологизм в результате сложения двух слов.

Лингвисты приходят к выводу, что неолексемы можно отнести к контаминированным единицам, если они образованы в результате слияния двух единиц. Особенностью неолексем, возникающих в текстах масс-медийного дискурса является их культурная значимость, способность характеризовать актуальные стороны социальной жизни.

Контаминированные образования в масс-медийных текстах образуются по различным деривационным моделям. Так, активными являются контаминированные новообразования, созданные по деривационной модели **«заимствованная основа + соединительная глася -о- + заимствованная основа»**: *зомбовизор* ← *зомб(и)* + *-о-* + *телевизор* (чередование б и б'). Пр.: заглавие статьи: *«Зомбовизор опасен для здоровья нации»* (<http://planeta.moy.su>, 22.06.2012). Лексемы *зомбоскоп* ← *зомб(и)* + *-о-* + *кинескоп*. Ср.: *Вместо «Зомбоскоп» мы часто говорим «Телевизор»*. (<http://parazitarium.ru/ru/-/68794.html>. Дата проверки – 10.08.2014). Новообразование *виртоман* ← *виртуальный (мир)* + *-о-* + *-ман*, образовано от *виртуальный* (ср.-лат. *virtualis* < лат. *virtus* – ‘мужество, сила’) [186, с. 115] и *мания* (др.-греч. *μανία* – ‘страсть, безумие, влечение’) [186, с. 326]. Ср.: *Виртоман в моём мире; Опрос редакторов, колумнистов и серферов F5 (весьма активных пользователей Интернета) и их френдов показал, что с «ничностями», «виртоманами» и «гугликами» они не знакомы* (<http://tormentness.wordpress.com/2010/01/11>. Дата проверки – 10.08.2014).

Анализируя появление заимствованных единиц в современном русском языке, Л. Е. Бессонова отмечает, что употребление иноязычной лексики в речевой культуре общества, несомненный интерес и толерантное отношение к заимствованиям у носителей языка позволяет определить коммуникативно-прагматические механизмы актуализации широкого употребления интернационализмов [12, с. 50]. Так, по деривационной модели **«заимствованная основа + заимствованная основа»** в результате контаминации образовались такие лексемы, как: *цивилизор* ← *цивилизация*

+ телевизор; гипновизор ← гипно(з) + телевизор; шизовизор ← шизофрения + телевизор; инфопауза ← инфо(рмация) + пауза; криминалиссимус ← криминал + генералиссимус; религархия ← религия + олигархия; элоним ← электронное + оним; фломат ← флора + банкомат; шоклог (Shoclog) ← шок + (б)лог. Путем наложения по анализируемой деривационной модели образованы такие лексемы, как: брендализм (Brandalism) ← бренд + вандализм; викиальность (Wikiality – производное от Wikipedia и «Реальность»); волонтуризм (Voluntourism) ← волонтерский + туризм; корпьютер ← корпус (тело) + компьютер и др.

Пр.: **Волонтуризм** стал модным течением (http://saga.ua>44_archives_news_77818.html. Дата проверки – 10.08.2014); Например, отмечается в докладе, **викиальностью** является новый статус Плутона, разжалованного на прошлой неделе из планет в планеты-карлики большинством голосов делегатов XXVI Генеральной ассамблеи Международного астрономического союза (http://lenta.ru>Новости>.../words/_Printed.htm. Дата проверки – 10.08.2014).

При помощи модели «**заимствованная основа + исконная основа**» путем наложения созданы неогериваты: вир ← виртуальный + мир (сокращение от «виртуальный» и одновременно аналог слова «мир», ‘виртуальный мир, обладающий свойствами реального’); публичико ← публичное + личико (лицо).

По деривационной модели «**исконная основа + заимствованная основа**» в результате наложения образованы такие неогериваты, как: вампьютер ← вампир + компьютер, состоящая из лексем вампир и компьютер (англ. computer < computare – ‘считать, вычислять’) [186, с. 269]. Вампьютер – ‘компьютер по отношению к человеку, впавшему в так называемую компьютерную зависимость’. Производная от данной лексемы – вампьютеризация ← вампир + компьютеризация (‘распространение компьютерной зависимости в обществе’). Пр.: *Что необходимо видеопродвинутому сетянину, подсевшему на социальные*

сети и просиживающему у **вампыютера** 26 часов в сутки? (ferra.ru. Дата проверки – 10.07.2014). **Вампьютеризация** поглощает наш мир (<http://inogda2.ru/post/karta-mira-iz-elektronnyx-plat>. Дата проверки – 10.07.2014).

Лексема *трепортер* ← *треп(аться)* + *репортер*, где *трёп* – ‘болтать’ (производная с -ся от *трепать* < *трепать языком*), *репортёр* заимств. во второй половине XIX в. через франц. яз. из англ. яз., где *reporter* – суф. производное от *report* ‘сообщать, рассказывать’ [186, с. 499]. Пр.: *В этой газете слишком много трепортёров* (http://skazanul.ru/taxonomy_vtn/term/234. Дата проверки – 10.07.2014).

Неолексема *сдербанк* ← *содрать (сдирать)* + *банк*, (подобна лексеме *Сбербанк*, *сбор* – др.-русс., ст.-слав. *съборъ* [222, с. 345], *банк* (фр. *banque*, нем. *Bank* < итал. *banco* – ‘лавка менялы’) [193, с. 84]. Пр.: В простонародии *Сбербанк* называется *Сдербанк*. Мало того, что тарифы на все самые высокие, еще и нервы вытрепят все! [<http://www.banki.ru/services/responses/bank/response/3318551>. Дата проверки – 10.07.2014]. Анализируемая единица раскрывает суть контаминации, на которую обратил внимание В. З. Санников: «в середину одного слова вклиниваются элементы другого слова (имеющего, как правило, отрицательную окраску). Получается некий гибрид – не только формальный, но и смысловой: говорящий намекает на смысловое родство этих двух слов – с целью дискредитации описываемого» [131, с.166–167].

Контаминированное образование **силовигархи** имеет следующее происхождение: *силовигархи* ← *силовик* + *олигархи*, *силогархи* ← *силовик* + *олигархи*. Значение данного слова трактуется политологами как ‘олигархи в погонах’. Пр.: заголовок статьи: «**Силовигархи** недовольны декларациями о доходах своих вассалов» (NEWSru.com, 06.09.2013); «**Силовигархи** не присоединяются к международной конвенции, которая бы позволила эффективно защищать экологические права граждан РФ...» (Правда (<http://www.pravda.info>), 25.06.2013) и др.

Популярность социальных сетей, блогов, форумов и чатов повлияла на появление контаминированных образований в Интернет-пространстве. По деривационной модели **«исконная основа + соединительная гласная + исконная основа»** в результате контаминации / наложения образованы лексемы: *осетенеть* ← *осатанеть* + *-e-* + *сеть* (осетенЕлый (ср. осатанелый, остервенелый) – ‘наркотически зависимый от сети’). Пр.: *Как не осетенеть от вопросов?* (emory.edu>INTELNET/dar32.html. Дата проверки – 17.07.2014); *словосеть* ← *слов* + *-o-* + *сеть* (слово от праслав. *slovo [223, с. 560] и *сеть* от праслав. *sěть [223, с. 540]. Пр.: *Долю позитива в российскую лингвистическую картину мира внесла номинация «Словосеть», в которой собраны новые слова про Интернет* (<http://nsk.sibnovosti.ru/articles/93504/print>. Дата проверки – 10.07.2014). Параллельно действует модель образования **«заимствованная основа + соединительная гласная -o- + исконная основа + исконный суффикс»**, по которой создана единица: *блогоблудие* ← *блог* + *-o-* + *блуждать* + *-иј(э)* (д’ // жд). *Мои интересы сейчас направлены на возможность публиковать звуковые подкасты и блогоблудие* (<http://habrahabr.ru/tag/dykzei>. Дата проверки – 22.08.2014).

По мнению Т. В. Поповой, «в последнее десятилетие значительно вырос интерес лингвистики к письменной коммуникации, в которой произошли значительные изменения, в частности — активизация графо-орфографических игр со словом» [115, с. 161]. Как отмечает А. А. Шишкина, анализируя активные процессы современного словопроизводства, «неологический бум последних десятилетий находит яркое отражение в публицистике, в языке СМИ, литературной критике, которые особенно быстро реагируют на изменения в общественной жизни и языке; исследование многочисленных лексических новообразований в современных СМИ представляется весьма перспективным, так как именно масс-медиа активно влияют на формирование общественного сознания и эстетический вкус носителей языка и стремятся к языковой игре и

словотворчеству» [167, с. 302]. В лингвистических исследованиях существуют разные виды графодеривации, основывающиеся на типах графиксатов, способах их создания, семантико-прагматических характеристиках и др. С. В. Ильясова выделяет следующую классификацию таких образований, в которой отмечает языковую игру с графическим выделением и с использованием прописной буквы. Языковая игра с выделением прописных букв может быть представлена следующими разновидностями: а) выделение аббревиатур; б) выделение имен собственных; в) выделение имен нарицательных. При графическом выделении задействованы следующие средства: а) использование дефиса; б) использование исправления; в) использование скобок; г) использование точки [51, с. 130].

В Интернет-коммуникации популярны модели с использованием имен собственных. Так, С. В. Ильясова, анализируя классификации языковой игры, относит такой тип образований к способу «создания нового слова по языковой модели высокой продуктивности и выделения в нем производящей основы» [51, с. 130]. Например, одна из лексем, представленная в картотеке диссертации, *клинчко* ← *Кличко* + *клинч* (англ. *clinch* — ‘запрещённые действия в боксе’), образована по модели «имя собственное + заимствованная основа», активна в текстах украинских и российских СМИ. Пр.: Заглавия статей: ***Клинчко***. *Как Поветкин потерпел первое поражение в карьере...* (<http://www.sports.ru>, 06.10.2013); *Промоутер Поветкина протестует против «биоробота **КлиНчко*** (<http://news.sportbox.ru>. Дата проверки – 24.10.2013); «*Навальный **Клинчко***» – *конец стиля ближнего боя* (http://ruskline.ru/news_rl, 07.10.2013). Среди активных новообразований интересны такие контаминированные образования с графическим выделением, как: *НаЗИДАНИЕ* ← *назидание* + *Зидан* (Зинедин Зидан – французский футболист). Пр.: заглавия статей о спорте: ***НаЗИДАНИЕ*** (<http://izvestia.ru>. Дата проверки – 10.07.2014); *В **НаЗИДАНИЕ** потомкам*

(<http://www.interesno.name>. Дата проверки – 4.08.2014). От оних В. Ф. Чуб (советский и российский государственный деятель. Член Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам) образована единица: очубеть. Пр.: «Все вокруг **очубели** (глагол.) (являются сторонниками В. Чуба)». С позиции семантико-derivационного анализа интересным представляется контаминированное образование *Азиона* ← *Азия* + *Европа*, обозначающее синтез западной и восточной цивилизаций. Пр.: *Европа vs Азиона: qui prodest?* (Украинская правда, 04.03.2013)

Активны образования с именами собственными, которые созданы по модели «**имя собственное + соединительная гласная -о- + заимствованная основа**», например, от Д. Буша: *Бушефрения* ← *Буш* + *-е-* + *шизофрения*. Пр.: *В политологии, по-видимому, скоро появится особый раздел — «бушефрения»* (АиФ, № 52, 17.07.2010). Кондолиза Райс (Государственный секретарь США, 2005-2009): *Скандолиза* ← *Скандал* + *Кондолиза* + *а / о*. ***Скандализа Райс***. Так утверждают американские таблоиды, которые отслеживают каждый шаг самого незаурядного госсекретаря Соединённых Штатов (Новое дело, 20.12.2007).

По мнению С. В. Ильясовой, «контаминированные новообразования, так же, как и инновации других типов, активно образуются в русском языке, но контаминации с графическим выделением как новый тип инноваций появились только в последние годы XX в.» [51, с. 130]. Так, в Интернет-пространстве появился пласт лексики, характеризующий процессы, которые связаны с iPhone (мультимедийный смартфон, разработанный корпорацией Apple). Исследуемая лексика сопровождается образованием конструкций, сочетающих написание латиницей и кириллицей, чаще всего первая часть передается латиницей: *іновости* ← *iPhone* + *новости*; *іпогода* ← *iPhone* + *погода*; *іфотография* ← *iPhone* + *фотография*; *іпоиск* ← *iPhone* + *поиск*; *іработа* ← *iPhone* + *работа* и др.

Частотным является заимствованный компонент **-номика (-омика)** из «экономика» (от др.-греч. οἶκος – ‘дом’ и νόμος – ‘правило, закон’),

который участвует в образовании ряда новообразований с анализируемым неоформантом с субмоделью **«имя собственное + заимствованный компонент»**, подтверждением этого является его широкая комбинаторика: *путиномика* ← *Путин* + *экономика*. Пр.: *Путин понимает стык, где встречаются экономика и политика и который можно назвать «путиномикой»* (<http://www.zavtra.com.ua>. Дата проверки – 17.01.2013). «Путиномика» создана по образцу: *рейганномика* ← *Рейган* + *экономика*, «экономическая политика администрации США в период президентства Р. Рейгана, проводившаяся с 1981 по 1988 г.» (Экономический словарь, 2007); *сталиномика* ← *Сталин* + *экономика*; *клинтономика* ← *Клинтон* + *экономика*; *обанномика* ← *Обама* + *экономика*. Ср.: *Сегодня начинается новая «Битва Титанов», вызванная большим желанием Уолл-стрит свести на нет реформы Додда. Это будет великое сражение между новой «обанномикой» и возвращением рейганномики* (<http://forexclub.moy.su/news>. Дата проверки – 10.06.2014). В украинских СМИ появились менее частотные смоделированные новообразования: *ющенкономика* ← *Ющенко* + *экономика*; *тимономика* ← *Тимошенко* + *экономика*; *янукономика* ← *Янукович* + *экономика*. Ср.: *Тимономика: Юлия Владимировна собрала журналистов, чтобы объявить о победе; точнее, о том, что кризис в экономике потихоньку отступает* («Новая», 17.08.2009); *Янукономика – разработанный политическими сторонниками Виктора Януковича «уникальный» метод управления экономикой ...* (UAINFO, 23.02.2012). Если имя собственное оканчивается на -н, то единица экономика усекается до компонента -омик-(а), при образовании неолексемы происходит наложение морфем.

Неоформант **-мобиль** (от др.-греч. mobilis – «подвижной, лёгкий; преходящий» из «автомобиль») также является продуктивным при образовании ряда новообразований. Рассмотрим некоторые из существующих моделей: *баракомобиль*, *обамамобиль*, *папамобиль*, *путиномобиль* и др., где чаще всего употребляется субмодель **«имя**

собственное + заимствованный компонент». Пр.: *папамобиль* ← *Папа Римский* + *автомобиль* (неофициальное название специально разработанного автомобиля для публичных поездок Папы Римского); *обамаобиль* ← *Обама* + *автомобиль* (автомобиль для Б. Обамы с высоким уровнем безопасности). В контекстных употреблениях наряду с данными новообразованиями функционируют единицы-синонимы – «баракомобиль» и «обамовоз». Лексема *путиномобиль* ← *Путин* + *-о-* + *автомобиль* (средство передвижения В. В. Путина). Ср.: **Путиномобиль: автор проекта вносит уточнения... Разработанный А. Неретиным проект президентского лимузина выполнен в корабельном стиле** (<http://grani.ru>. Дата проверки – 04.07.2013); **«Путиномобиль – машина премьера** (<http://forum.bmwland.ru>. Дата проверки – 17.05.2013). В масс-медийном пространстве появляются мало частотные единицы-новообразования: *янукомобиль* ← *Янукович* + *-о-* + *автомобиль*; *юлямобиль* ← *Юля Тимошенко* + *автомобиль*; *медведемобиль* ← *Медведев* + *-е-* + *автомобиль* и др.

В сочетании с именами нарицательными возможны модели **«заимствованная основа + заимствованный компонент»**: *президентомобиль* ← *президент* + *-о-* + *автомобиль* (автомобили президентов); *студентомобиль* ← *студент* + *-о-* + *автомобиль* (автомобили для студентов); *кемпингомобиль* ← *кемпинг* + *автомобиль*. Деривационная модель **«исконная основа + заимствованный компонент»**: *девушкомобиль* ← *девушка* + *-о-* + *автомобиль* (автомобили для девушек) и др.

Активный в последние десятилетия заимствованный компонент **-гейт**, образованный от выражения «Уотергейтский скандал» (англ. Watergate scandal), который случился в начале 70-х гг. прошлого века и закончился отставкой американского президента Р. Никсона (ранее данный компонент был описан Е. А. Земской). В текстах масс-медийного дискурса социальной и политической направленности анализируемый компонент

употребляется в значении «политический скандал» и выявляет деривационные способности в текстовых реализациях в сочетании с именами собственными. Данный структурный элемент имеет неопределенный статус в современной дериватологии: суффиксоид (Л. В. Рацибурская), суффиксоидная основа (Е. А. Карпиловская, Л. П. Кислюк, Н. Ф. Клименко) и др. Рассмотрим некоторые из существующих неолексем: *обамагейт* ← *Обама* + *-гейт*; *клинтонгейт* ← *Клинтон* + *-гейт*; *янукогейт* ← *Янукович* + *-гейт*; *тимошенкогейт* ← *Тимошенко* + *-гейт*; *рейгангейт* ← *Рейган* + *-гейт*; *сталингейт* ← *Сталин* + *-гейт* и др. Пр.: *Обамагейт* или продолжение *Уотергейта* (<http://rostovtsev.info>. Дата проверки – 10.03.2014).

Таким образом, образование контаминированных единиц происходит по следующим деривационным моделям: «заимствованная основа + соединительная гласная -о- + заимствованная основа», «исконная основа + соединительная гласная + исконная основа», «заимствованная основа + соединительная гласная -о- + исконная основа + исконный суффикс», «имя собственное + соединительная гласная -о- + заимствованная основа», «заимствованная основа + заимствованная основа», «заимствованная основа + исконная основа», «исконная основа + заимствованная основа» и др. Процесс адаптации анализируемых единиц происходит путем употребления соединительных гласных на стыке двух и более основ. При создании контаминированных неономинаций продуктивными становятся субмодели с именами собственными.

4.5. Графодериваты в Интернет-коммуникации

Лексическая система русского языка отличается динамичностью, подвижностью, активностью языковых процессов, связанных с пополнением единицами из других языков. Стремительное развитие экономических, политических и культурных контактов между носителями

различных языков и культур, массовая компьютеризация, интернационализация науки и техники приводят к широкому использованию заимствованной лексики и активизируют процессы словопроизводства на их основе. В условиях интенсивного взаимодействия культур и языков язык-реципиент становится открытым разнообразному влиянию со стороны языка-донора, одним из проявлений такого влияния является возникновение в русском языке гибридных образований. В последнее десятилетие значительно возрос интерес лингвистов к письменной коммуникации, в которой произошли значительные изменения, в частности – активизация графо-орфографических конструкций.

К изучению и описанию новообразований-гибридов обращались В. В. Акуленко, Л. А. Баранова, Е. И. Голованова, Е. А. Земская, Г. А. Иванова, В. П. Изотов, М. С. Малеева, Г. С. Онуфриенко, З. М. Осипенко, Т. В. Попова, О. А. Шишкарёва и др. При исследовании лексических инноваций необходимо отметить модели, которые чаще всего используются при образовании графодериватов: «заимствованная основа + исконный аффикс», «исконная основа + заимствованный аффикс»; для сложных слов – «заимствованная основа + исконная основа», «исконная основа + заимствованная основа», «заимствованная основа + заимствованная основа».

В лингвистических исследованиях под «графодериватами» понимается объединение в одном слове исконных и заимствованных компонентов, в частности, гибридность данного типа проявляется особенно ярко в комбинировании написания латиницей и кириллицей. При исследовании данных образований был выявлен ряд синонимических терминов, обозначающих слова-гибриды в русском языке. Так, Е. И. Голованова использует термины: символ-слова: *e-майл*, *i-номер*; модели-слова: *Clipp er-программы*, *DOS-программы*, *USB-носитель*, *SD-карта*, *SQL-инъекции*; комбинированные типы номинации с символьно-буквенно-цифровыми

обозначениями: *MP4-плееры, 3D-ускоритель, ASCII-файлы*. О. А. Лазарева рассматривает дериваты графического типа как слова с идеофиксами. Общепринятыми терминами в современной неологии являются графиксаты, графоварианты (графические варианты) слова, так как важным в выделении их в особый класс является трансформация графо-орфографической формы слова. Т. В. Попова выделяет гибридные единицы как целый класс неолексем: гибридные слова, слова-кентавры, креолизированные слова и т. п. [115, с. 161]. По мнению лингвистов, «в результате диалектического взаимодействия факторов экстра- и интралингвистического плана в современных славянских языках возникают так называемые гибридные слова, под которыми понимаем материально неоднородные моно- и поликорневые лексические единицы, в структуре которых сочетаются морфемы исконного и иноязычного происхождения» [102, с. 205].

Рост англицизмов в современном русском языке, адаптация заимствованного слова без перевода и графических приспособлений являются основным толчком для образования слов-гибридов: *IBM-совместимый, VIP-апартаменты, VIP-банкинг, VIP-гости, Web-хостинг, PR-компания, PR-мероприятие, beauty-мир, face-контроль, flash-память, take-up-фото* и др. Заимствованные компоненты могут выступать производящей базой для новых дериватов, создавая своеобразные языковые гибриды: *демо-вебинар* (от англ. webinar, сокр. от «Web-based seminar»), *ПР-поддержка* (пиар – транслитерация от англ. PR).

По мнению Э. И. Мячинской, «англоязычное влияние проникает и в морфологию, и в синтаксис: увеличивается количество неизменяемых существительных, и тем самым усиливается модель аналитического (за пределами слова) выражения морфологических категорий в русском языке, ср.: Новая **Playstation** (ж. р.) продается дешево. Безрадостный **Australian Open-07** (м. р.) (Metro, 22.01.2007)» [92]. В последнее десятилетие стали активными гибридные неономинации с первым компонентом с функцией

препозитивного определения в форме имени существительного в именительном падеже: *пиар-стратегия, Интернет-поддержка, Интернет-браузер, Интернет-сообщество* (не «интернетное»), *Вэб-дизайнер, фитнес-клуб* (вместо «клуб фитнеса»), *вип-клиент, ВИП-ложа, хит-парад* (не «парад хитов»), *флеш-накопитель* и др.

В работе рассматриваются графодериваты с аббревиатурным компонентом, состоящие из заимствованных и исконных единиц, при этом заимствованные компоненты находят свое выражение в комбинированном варианте.

Модель «**заимствованная аббревиатура + исконный аффикс**» участвует при образовании гибридных слов и свидетельствует об адаптации анализируемых единиц: *PRщик и PR-щик* (PR, англ. public relations – ‘связи с общественностью’ + исконный суффикс -щик- со значением ‘лица по роду деятельности’); *PR-овец* (PR, англ. public relations – ‘связи с общественностью’ + исконный суффикс -ов/ец- со значением ‘лицо (производитель действия), названное мотивирующим именем существительным’); *IT-шник* (IT, англ. Information Technology – «информационные технологии» + интерфикс -ш- + исконный компонент -ник- ‘название лица’); *ВИРовский* (VIP, англ. Very Important Person – «очень важная персона» + исконный компонент -ов/ск- (интерфикс -ов- в сочетании с суффиксом -ск-) со значением ‘относящийся к организации, выраженной аббревиатурой’); *CD-ROMный* (англ. CD-ROM, Compact Disc Read-Only Memory – «компактный диск с памятью только для чтения» + исконный суффикс -н- со значением ‘относящийся к предмету, названному мотивирующим именем существительным’); *АнтиVIP, VIPарь, VIPик, трЗшник, SMS’ка, QIP’овщик, VIPист, VIPчик, VIPщик, VIPочка, VIPша, VIPание, VIPизм, VIPство, VIPовый, VIPовец, VIPовский, по-VIPовски, VIPить, поVIPить, VIPовать, поVIPовать, DVDшник, CDюк, PRить* и др.

Одной из основных характеристик единиц с заимствованным компонентом является адаптация к системе языка путем добавления

исконных аффиксов: *PRщик, VIPовский, IT-шник* и др. Как отмечают лингвисты, «активность использования определенной номинации с вкраплением приводит порою к замене второй основы такого гибридного композита суффиксом с соответствующим категориальным значением» [62, с. 14]. Пр.: *SMS-сообщение* и *SMS-ка*, *Sim-карта* и *Sim-ка*, *USB-провод* и *USB-ушка* и др.

Модель «**заимствованная аббревиатура + исконное слово**» актуализируется при образовании следующих слов-гибридов: *CD-привод*, *CD-проигрыватель*, *IBM-подобный*, *IBM-совместимый*, *PR-поддержка*, *VIP-гость*, *VIP-зал*, *VIP-звезда*, *VIP-обслуживание*, *WAP-доступ*, *WAP-страница*, *Web-издатель*, *Web-строительство* и др. Перечисленные производные показывают высокую степень сочетаемости исконных основ с аббревиатурами.

Модель «**заимствованная аббревиатура + заимствованное слово**», где первый компонент сохраняет написание латиницей, а второй – кириллицей, употребляется в следующих единицах: *CD-драйв*, *CD-плеер*, *CD-райтер*, *CD-чейнджер* (происходит транслитерация второго компонента гибридного образования), *IT-бизнес*, *IT-компания*, *HR-менеджер*, *PR-бизнес*, *PR-кампания*, *PR-менеджер*, *PR-фирма*, *VIP-банкинг*, *WAP-браузер*, *WAP-портал*, *WAP-сайт*, *Web-сервер*, *Web-сайт*, *WWW-сервис* и др. Анализируемые производные показывают адаптацию одного из компонентов сложного слова и при этом заимствование второй основы или аббревиатуры из английского языка без перевода и транслитерации.

Таким образом, проанализировав активные процессы в области словообразования, можно выделить аббревиацию как один из активных процессов, участвующих в образовании гибридных конструкций в масс-медийном дискурсе. Процесс гибридизации объясняет адаптацию высокой степени заимствованных компонентов в современном русском языке путем

сохранения своей оригинальной формы написания (латиницей) или способом транслитерации.

4.6. Гибридные неоминации как составляющие гнезд

Процесс образования гибридных неоминаций сопровождается созданием ряда производных слов, составляющих гнезда в русском языке. Зафиксированный в научной лингвистической литературе термин «словообразовательное гнездо» был исследован в работах С. С. Белокриницкой, Г. О. Винокура, Е. Л. Гизбурга, А. М. Зализняка, Е. А. Земской, В. В. Лопатина, Е. С. Кубряковой, Л. В. Рацибурской, Т. А. Санаевой, П. А. Соболевой, А. Н. Тихонова, И. С. Улукханова, Н. М. Шанского и др.

Гибридные и негибридные неоминации образуют гнезда разного типа: словообразовательные, корневые и смешанные. Словообразовательное гнездо - совокупность слов с тождественным корнем, упорядоченная в соответствии с отношениями словообразовательной мотивации. Словообразовательные гнезда создают единицы с вершинами, например, *бренд, демпинг, медиа, интернет* и др. Под «корневым гнездом» понимается общность однокоренных слов, состоящая из двух и более СГ, вершинами которых являются слова со связанными корнями.

В РГ-80 под «словообразовательным гнездом» понимается совокупность слов с тождественным корнем, упорядоченная в соответствии с отношениями словообразовательной мотивации. Вершиной (исходным словом) гнезда является немотивированное слово. Гнездо может быть определено и как совокупность словообразовательных цепочек, имеющих одно и то же исходное слово [127, с. 133]. Лингвисты подчеркивают, что «новые производные слова образуются и входят в речевое употребление не постепенно, а стремительно, одномоментно, «когда в соответствии с потребностями языкового коллектива, в связи с

актуализацией того или иного понятия, в речевой обиход обрушивается сразу громоздкое словообразовательное гнездо» [110]. На современном этапе развития языка сложилось несколько классификаций типов гнезд. Так, Е. А. Земская дает такое понятие словообразовательному гнезду: «словообразовательное гнездо – это иерархически организованная, упорядоченная совокупность всех производных базового слова» [45, с. 238]. В основу одной из классификаций положен аспект описания гнезда: лексическое корневое и аффиксальное; словообразовательное корневое и аффиксальное; морфемное корневое и аффиксальное; толково-словообразовательное корневое и аффиксальное.

Лексическим гнездом называется такое гнездо, в основу описания которого кладется семантический аспект, а в центре внимания оказывается лексическое значение, представленное как мотивированное словом (или словами) того же гнезда. Суть лексического гнезда – наличие у группы слов одной общей для них морфемы – корня, а следовательно, и семантического инварианта. Корень формирует ассоциативные отношения внутри гнезда, благодаря которым носители языка воспринимают те или иные слова как родственные. Например, слова *акваланг*, *аквамарин*, *акванавт*, *акварель*, *аквариум*, *акватория*, *акведук* включают повторяющуюся часть с одним и тем же значением «вода», поэтому принадлежат одному и тому же лексическому гнезду. Это не просто слова, объединенные общностью корня, это системно-структурное образование, в котором каждый элемент занимает свое место. Поэтому главной задачей при его описании является установление мотивационных отношений между словами [25, с. 159]. Мотивационные отношения в лексическом гнезде в отличие от словообразовательных устанавливаются лишь на основе общности корня сопоставляемых слов, без учета аффиксального оформления. В лексическом гнезде словообразовательный аспект является фоновым. Как образовано каждое слово, какое слово послужило для него производящим, какова

словообразовательная структура производного – все эти сведения остаются за пределами описания. Но именно по этим параметрам создаётся словообразовательное гнездо.

Словообразовательное гнездо по сравнению с лексическим, мотивационным, представляет собой группу однокоренных слов, упорядоченных отношениями производности, с фиксацией ступеней словообразования и словообразовательной структуры каждого производного. В основу словообразовательного гнезда кладётся раскрытие механизма порождения одного слова на базе другого. В словообразовательном гнезде все отношения между производным и производящим выражены графическими средствами, что указывает на его формализованный характер. В подобных гнездах доминирует деривационный аспект. Семантические же отношения между словами отражения в нем не находят. Исследователи подчеркивают, что «словообразовательное гнездо должно опираться на гнездо лексическое. Но парадокс заключается в том, что описательное словообразование опередило описательную лексикологию. Этим и объясняются трудности, которые испытывал автор словообразовательного словаря, так как ему не на что было опереться» [67, с. 16]. Так, А. Н. Тихонов многие слова одного корня разбил на несколько гнезд, что в частности вызвало критику «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова со стороны исследователей лексики и словообразования [45, с. 2].

По замечанию И. А. Ширшова, «гнезда можно классифицировать по количественному признаку. Тогда в зависимости от того, сколько слов включает то или иное гнездо, выделится три типа. Гнездо будет нулевым, если оно состоит из одного слова». По данным словаря А. Н. Тихонова, таких гнёзд 4% от всего количества слов, зафиксированных в словаре. Такие гнезда можно назвать потенциальными, они включаются в словообразовательную систему языка, если в этом возникнет необходимость. Если гнездо включает в себя только два слова, т.е.

вершину и производное, его следует квалифицировать как слаборазвёрнутое, т.е. гнездо минимального типа. По сравнению с нулевым гнездом оно предстаёт структурой, в которой словопорождающие возможности вершины реализованы, хотя и в минимальной степени. Сильноразвёрнутое гнездо такое, которое включает три и более слова. Структуры подобного типа представляют наибольший интерес, так как в них словопорождающие возможности вершины реализуются в максимальной степени [162, с. 15–16].

Рассмотрим словообразовательное гнездо с вершиной *интернет*:

Интернет

интернет-изация

интернет-ика

интернет-ить

за-интернетить

на-интернетить

от-интернетить

пере-интернетить

по-интернетить

интернет-ище

интернет-ник

интернет-ный

интернет-овец

интернет-овый

интернетов-ский

по-интернетовски

интернетомания

интернетометр

интернет-ский

интернет-чик

интернет-чица

интернет-щик
евроинтернет
интернет-агентство
интернет-адрес
интернет-аудитория
интернет-аукцион
интернет-банкинг
интернет-библиотека
интернет-бизнес
интернет-браузер
интернет-версия
интернет-газета
интернет-журнал
интернет-карта
интернет-класс
интернет-поддержка
интернет-сёрфер
интернет-сообщество

Словообразовательное гнездо с вершиной **Интернет** имеет около 100 дериватов, представляющих собой как простые, так и сложные слова. Среди сложных дериватов преобладают композиты, состоящие из негибридных номинаций, образованных по деривационной модели «заимствованная основа + заимствованное слово» и «заимствованная основа + соединительная гласная -о- + заимствованное слово».

На общекатегориальном уровне словообразовательное гнездо представляет собой парадигмальное языковое образование, демонстрирующее закономерные взаимоотношения между частями речи. В словообразовательном гнезде происходит регуляция, взаимоиндуктирование классов слов. Появление и закрепление в языке нового слова любым способом (в том числе и путем заимствования)

неизбежно вызывает образование слов той же, что и мотивирующая единица, и/или других частей речи. Словообразовательное гнездо соединяет отношения между словами различных частей речи в единый узел системных отношений, построенных на общности корня и оппозиции словообразовательных формантов. Словообразовательное гнездо выступает как гиперпарадигма, включающая в себя весь объем конструктивных составляющих (подпарадигм), в том числе и вершины гнезд. Структурно-семантическое расширение гнезда, представленное на горизонтальной и вертикальной осях, определяет место каждой производной единицы не только в системе гнезда, но и в системе частей речи [155, с. 120].

Анализируемое словообразовательное гнездо является сильноразвитым. Сильноразвитыми можно также считать гнезда с вершинами *арт-*, *веб-*, *медиа*, *пиар*, *спам*, которые образуют гнезда из гибридных и негибридных производных простых и сложных по своей структуре.

Так, в гнезде с вершиной **веб-** продуктивными являются сложные производные:

Веб

веб-адрес

веб-архив

веб-браузер

веб-бригада

веб-девелопмент

веб-дизайн

веб-дизайн-ер

веб-документ

веб-журналистика

веб-занятия

веб-интерфейс

веб-камера

веб-картография

веб-каталог

веб-комикс

веб-конференция

веб-мастер

веб-мейл

веб-планишет

веб-портал

веб-портфолио

веб-программа

веб-программ-ировать

веб-программирова-ниј(э)

веб-программ-ист

веб-прокси

веб-радио

веб-сайт

веб-сервис

веб-сервер

веб-сериал

веб-серфинг

веб-серфер

веб-служба

веб-спам

веб-специалист

веб-страница

веб-телевидение

веб-студия

веб-терапия

веб-форум

веб-фреймворк

веб-хостинг

веб-цвета

веб-чат

веб-шаблон

веб-юзабилити

Гнездо с вершиной *веб-* формирует корневые морфемные и смешанные гнезда, составляющие сложные слова среди гибридных неономинаций: *веб-выборы, веб-занятия, веб-обозреватель, веб-приложение, веб-разработка, веб-устройство* и др. Как показал анализ, более продуктивной анализируемая заимствованная основа представляется в негибридных образованиях: *веб-адрес, веб-архив, веб-журналистика, веб-интерфейс, веб-планишет, веб-прокси, веб-сервис, веб-серфинг, веб-спам, веб-фреймворк, веб-юзабилити* и др. Отметим, что данный компонент всегда занимает препозитивную позицию в слове и, адаптируясь в русском языке, является производящей базой для единиц адъектива – *вебовый* и глагола – *вебить*.

Кроме исследуемого гнезда, корневые морфемные гнезда образуют такие единицы, как, например, *арт-, вики-, -мейкер* и др. Корневые гнезда чаще всего состоят из двух и более подгнезд, во главе которых стоят слова со связанными корнями, не находящиеся между собой в словообразовательных отношениях.

Смешанные гнезда - те, которые имеют производные на второй и следующих ступенях. Например, к смешанному гнезду относятся слова с корнем *веб-*: около 50 лексических единиц составляют корневое гнездо, часть из которых также формирует и словообразовательное гнездо. Так, **на первой ступени** находится *веб-дизайн, веб-программа, веб-сервис, веб-серфинг* и др.; **на второй ступени** – *веб-дизайнер, веб-программировать, веб-программист, веб-сервер, веб-серфер* и др.; **на третьей ступени** – *веб-программирование* и др.:

веб-дизайн

веб-дизайн-ер

веб-программа

веб-программ-ировать

веб-программирова-ниѝ(э)

веб-программ-ист

веб-сервис

веб-сервер

веб-серфинг

веб-серфер

Продуктивность в текстах масс-медийного дискурса проявляет основа *арт-*, занимающая в композитах как препозицию (*арт-бизнес, арт-данные, арт-карьера, арт-менеджер, арт-место, арт-событие*), так и постпозицию (*боди-арт, данц-арт, дизайн-арт, модерн-арт, поп-арт, соц-арт, тех-арт, топ-арт, фото-арт*). Анализируемый компонент активен при образовании негибридных неоминаций. Отметим, что в нашем исследовании зафиксировано более 30 композитов с однородной по происхождению структурой. Необходимо подчеркнуть, что компонент *арт-*, расширяя тематическую группу с интегральной семой ‘относящийся к искусству’, образует полевою структуру. Например, в группе ‘лицо’ появляется вариативность номинаций – ‘артисты’ (*арт-дуэт* ← *арт-* + *дуэт*; *арт-звезда* ← *арт-* + *звезда*), ‘околоартистическая публика’ (*арт-критик* ← *арт-* + *критик*; *арт-журналист* ← *арт-* + *журналист*), ‘руководство’ (*арт-директор* ← *арт-* + *директор*; *арт-менеджер* ← *арт-* + *менеджер*).

Исследуя новые словообразовательные гнезда с вершиной-неологизмом со значением лица, О. В. Григоренко отмечает, что «деривационный потенциал неологизма понимается как его способность выступать в качестве производящей базы для образования новых слов посредством определенных способов словообразования. При этом специфическим случаем реализации деривационного потенциала,

показателем высокой словообразовательной активности является возможность нового слова формировать словообразовательные гнезда [30, с. 146]. Так, в результате деривационных процессов в русском языке появилось словообразовательное гнездо с заимствованной вершиной *бренд* (от англ. brand – ‘клеймо’). Анализируемая заимствованная основа при помощи исконных и заимствованных аффиксов, заимствованных основ и слов образует гибридные / негибридные неоминации в текстах масс-медийного дискурса.

Рассмотрим словообразовательное гнездо с вершиной *бренд*:

Бренд

бренд-(-ал)изм

бренд-ить

пере-брендить

за-брендить

забрендить-ся

про-брендить

брендить-ся

бренд-ировать

за-брендировать

забрендирова-нный

брендировать-ся

брендирова-ние

брендирова-нный

бренд-овый

брендов-ский

по-брендовски

бренд-мейкер

бренд-технолог

авиа-бренд

В данное словообразовательное гнездо включены несколько парадигм. Одна из них с исходным словом *бренд* имеет шесть дериватов: *брендализм, брендить, брендовый, бренд-мейкер, бренд-технолог, авиа-бренд*, среди которых имена существительные, имена прилагательные и глагол, являющиеся простыми и сложными единицами с пре- и постпозицией основы *бренд*; вторая словообразовательная парадигма с исходным словом *брендить* имеет четыре деривата-глагола: *перебрендить, забрендить, пробрендить, брендиться*. Кроме проанализированных, можно выделить и другие парадигмы, участвующие в создании словообразовательных цепей. Заимствованная основа *бренд* участвует в образовании простых производных с помощью исконных / заимствованных аффиксов и сложных слов в результате сложения основ / слов.

По мнению Е. В. Петрухиной, «в словообразовательное гнездо встраиваются как неологизмы, образованные от заимствованных корней по продуктивным русским словообразовательным моделям, так и полные заимствования, производные в английском языке и сохраняющие свою производность на русской почве, а также сложные слова (компози́ты) разного типа» [110]. Так, для гибридных композитов различной частеречной принадлежности характерна неполная адаптация в текстах масс-медийного дискурса, например, *руководитель-стартапщик, политико-пиаровый, губернатор-твиттерист: В последние годы в Украине появляется все больше руководителей-стартапщиков – прогрессивных управленцев с активной позицией...* (Статус, № 23 (90), 15.06.2009); *Весь нынешний газовый спор превращается в удручающий и очень знакомый политико-пиаровый абсурд...* (РИА Новости, 17.01.2009); *Харьковский губернатор-твиттерист Михаил Добкин вновь отличился...* (<http://kharkov-online.com>. Дата проверки – 30.12.2013).

Одним из наименее активных способов образования гибридных производных является конфиксация. Деривационная модель образования

«заимствованная основа + конфикс» демонстрирует процесс адаптации заимствованной лексики в медиатекстах. Анализируя конфикацию, О. И. Дмитриева и А. Д. Левицкая считают, что «она не является исконным способом русского словообразования. Закрепление конфикса как самостоятельного средства словопроизводства относится, по наблюдениям Л. Б. Бубековой, к началу XIV века. С момента формирования и на протяжении всего развития русского языка глагольная конфикация была тесно связана с префиксацией. Диахронический анализ префиксальных и конфиксальных глагольных структур позволяет сопоставить языковые данные, относящиеся к разным историческим периодам, и выявить специфику действия конфиксальных и префиксальных моделей на разных этапах функционирования языка. Основным критерием отнесения приставочного глагола к образованным конфиксальным способом или путем префиксации считается наличие словарной фиксации суффиксального отыменного глагола, способного включаться в процесс внутриглагольной префиксации» [37, с. 513].

Появление наречных конфиксов объясняется гибкостью образования производных. При помощи конфикса **по-...-ому** созданы лексемы по деривационной модели **«по- + заимствованная основа + -ому»**: *по-абошному* ← *абошный* («Або» – Интернет-магазин); *по-пиаровскому* ← *пиаровский*. При помощи конфикса **по-...-и** созданы лексемы по деривационной модели **«по- + заимствованная основа + -и»**: *по-брендовски* ← *брендовский*; *по-интернетовски* ← *интернетовский*; *по-майдановски* ← *майдановский*; *по-пиаровски* ← *пиаровский* и др. Рассмотрим примеры контекстных употреблений: *Танковая демократия по-майдановски* (Взгляд. Деловая газета. 15.04.2014); *Прямая демократия по-майдановски...* (http://rus.ruvr.ru/2014_03_12/Prjamaja-demokratija-po-majdanovski-3241/. Дата проверки – 20.08.2014) и др. *Но больше всего мне нравится жребий «Динамо»... Это группа, которую надо «отыгрывать». Историей. Воспоминаниями. По-пиаровски* (КП, 02.09.2013); *Майдан по-*

интернетовски... (<http://o1.ua/globus/maydan-po-internetovski.html>. Дата проверки – 29.08.2014) и др.

В текстах масс-медийного дискурса встречаются глаголы, образованные при помощи конфикса **о-...-и(ть)**: *окнижить*, *омасштабить*, *онаучить*, *опустынить*, *оребрить*, *оскучнить*, *осреднить* и др. Пр.: *Всех окнижить и ввести потом учет* (<http://pskovchess.ru/forum/viewtopic.php?f=8&t=108>. Дата проверки: 17.07.2014); *Главное – онаучнить процесс* (<https://forum.in.ua/viewtopic.php?p=203359>. Дата проверки: 20.07.2014) и др.

Таким образом, образование гибридных неониминаций по описанным деривационным моделям является результатом процесса создания производных, которые участвуют в появлении словообразовательных цепей. При этом совокупность словообразовательных цепей с одним и тем же исходным словом образует гнездо. Особенностью современного русского языка является интенсивное появление неоднородных по происхождению производных, объединенных в пределах одного словообразовательного гнезда.

Производные гибридных и негибридных неониминаций объединяются в словообразовательные и корневые гнезда. В исследовании различаются два типа гнезда, так как они выделяются на различных уровнях языка: словообразовательные гнезда – на словообразовательном уровне, а корневые – на морфемном. Анализ практического материала показал, что словообразовательные гнезда создают единицы с вершинами, например, *бренд*, *демпинг*, *медиа*, *интернет*, *онлайн*, *пиар*, *спам*, корневые морфемные гнезда образуют *арт-*, *веб-*, *вики-*, *-мейкер*. Корневые морфемные гнезда могут переходить в словообразовательные, в результате чего образуются смешанные гнезда.

Выводы

Процесс адаптации лексических инноваций происходит на нескольких языковых уровнях: фонетическом, грамматическом, семантическом и словообразовательном. На фонетическом уровне адаптация новых заимствованных слов происходит путем транслитерации или транскрибирования. Грамматический и словообразовательный уровни взаимосвязаны: благодаря деривационным процессам меняется частеречная принадлежность неолексем, появляются новые парадигматические отношения.

Адаптация лексических инноваций в русском языке происходит путем образования контаминированных единиц. Комплексный анализ лексических инноваций, проведенный в Разделе 4 диссертационного исследования, позволил выделить наиболее активные для современного русского языка модели. В исследовании определены следующие деривационные модели образования контаминированных единиц: «заимствованная основа + соединительная гласная -о- + заимствованная основа», «исконная основа + соединительная гласная + исконная основа», «заимствованная основа + соединительная гласная -о- + исконная основа + исконный суффикс», «заимствованная основа + заимствованная основа», «заимствованная основа + исконная основа», «исконная основа + заимствованная основа» и др. В составе неолексем активны элементы имен нарицательных, имен собственных, широким семантико-деривационным потенциалом обладают иноязычные основы *вики-*, *-ман*, *-скоп* и др.

Анализ активных процессов в области словообразования, систематизация функционально-деривационных моделей неономинаций позволяет выделить аббревиацию как важный процесс, участвующий в образовании гибридных конструкций в масс-медийном дискурсе. Процесс гибридизации объясняет высокую степень адаптации заимствованных компонентов в современном русском языке путем сохранения своей оригинальной формы написания (латиницей) или способом транслитерации.

В разделе отмечаются и жанрово-стилистические характеристики текстовых фрагментов, особенности их кодификации, функционирование единиц в устной или письменной форме. Наиболее ярко гибридные образования с аббревиатурным компонентом раскрываются в Интернет- и медиапространстве, рекламных и научно-популярных текстах, в которых в меньшей степени соблюдаются законы русского языка и замена языковых кодов приводит к сокращению текста.

В результате проведенного анализа установлено, что появление конкурентных номинаций связано с интенсивным обновлением русского лексикона. В конкурирующие отношения входят как единицы, транслитерированные из других языков, так и единицы, образованные по законам русского словопроизводства. Конкурирование неониминаций наиболее ярко проявляется у имен существительных и имен прилагательных, т.к. слова именно этих частей речи активно участвуют в процессе номинации новых реалий и понятий. В работе особое внимание уделяется выявлению функционального потенциала конкурирующих неониминаций.

Для современных деривационных процессов показательно расширение системы словообразовательных гнезд за счет неониминаций, произведенных от основ социально значимых лексических единиц; интернационализация значительной части морфем; усиление агглютинации; активизация словообразовательных типов сложносокращенных слов; появление графодериватов, контаминированных образований.

Таким образом, гибридные и негибридные неониминации непрерывно обновляют и обогащают фонд выразительных и экспрессивных лексических единиц, востребованных в современных текстах масс-медийного дискурса.

ВЫВОДЫ

В лингвистических исследованиях последнего десятилетия особое внимание уделяется вопросу о соотношения динамической системы языка и трансформаций в обществе, способам выражения в языке экстралингвистической действительности, структуризации знаний о мире, моделированию лексической системы. Одним из объектов семантико-derivационного описания словообразовательных ресурсов стали гибридные неономинии в масс-медийном дискурсе. Развитие медиа-коммуникации приводит к серьезным изменениям лексического состава русского языка, его derivационного потенциала, прагматической нагрузке входящих в него языковых единиц. Активное расширение неологического пространства предполагает использование различных механизмов, необходимых для моделирования новых систем номинаций. Одним из центральных механизмов при образовании неолексем является словообразование.

Изменение русскоязычной словообразовательной системы, становление новых словообразовательных моделей, увеличение или уменьшение их продуктивности и многие другие факторы словообразовательных процессов приводят к активизации процесса заимствования, представляющегося сегодня одним из наиболее значимых языковых процессов. Механизмы построения новых слов включают активное употребление продуктивных derivационных моделей, важными из которых являются новообразования с заимствованными аффиксами, сочетание заимствованной основы и исконного аффикса, композитные структуры.

Наиболее ярко гибридные образования раскрывают свое разнообразие в Интернет- и медиапространстве, в которых в меньшей степени соблюдаются законы русского языка и замена языковых кодов приводит к сокращению текста. Восприимчивость масс-медийных текстов к появлению неологизмов обусловлена рядом факторов: во-первых, в масс-медийных текстах создаются новые слова для называния нового явления, понятия, которые впоследствии

входят в словарный запас языка, во-вторых, появление большого числа новых слов вызвано ориентацией языка СМИ на экспрессивность и выразительность текста, что приводит к формированию новых средств выражения и новых форм образности.

Изложенные теоретические положения и полученные результаты исследования позволили установить следующее:

1. Для современного русского языка характерно резкое увеличение потока иноязычных единиц, демократизация языка, снижение литературных норм, стремление к эмоциональному началу, ослабление нормативных правил образования, использование приемов языковой игры, экономия языковых средств и др. Значимыми являются процессы детерминологизации и деидеологизации заимствованных ранее номинаций, процессы семантической трансформации адаптированных языком слов и создание на их основе новых словообразовательных производных.

2. Анализ узуальных и незузуальных неониминаций показывает, что в языковой системе происходит формирование механизмов построения новых слов, как по моделям узуального, так и по моделям окказионального словообразования. При этом деривационная система русского языка все больше расширяет свой нереализованный потенциал, проявляя при этом креативность, образность, экспрессивность.

3. Совмещение компонентов при образовании неониминаций в современном русском языке приводит к появлению гибридных образований, неоднородных единиц, в структуре которых сочетаются морфемы исконного и иноязычного происхождения. Наиболее продуктивными деривационными моделями гибридных образований являются модели с заимствованными аффиксами, сочетание заимствованной основы и исконного аффикса, а также композитные структуры.

4. В диссертационной работе выделены следующие деривационные модели образования **гибридных неониминаций** в масс-медийном дискурсе:

1) деривационные модели с заимствованными основами: модель

«заимствованная основа + исконный суффикс» (*гуглищик* ← *гуглить*; *пиарищик* ← *пиар*; *креативник* ← *креативный*; *коллажист* ← *коллаж*); модель «исконный префикс + заимствованная основа» (*заоффиорить* ← *оффиорить*; *пропиарить* ← *пиарить*; *поскайпить* ← *скайпить*); модель «заимствованная основа + исконное слово» (*спамкнига* ← *спам* + *книга*; *флеш-накопитель* ← *флеш* + *накопитель*; 2) деривационная модель с заимствованным аффиксом: модель «заимствованный префикс + исконное слово» (*суперустойчивый* ← *супер-* + *устойчивый*; *ультраочищающий* ← *ультра-* + *очищающий*).

Модели образования негибридных конструкций определяются как продуктивный словообразовательный класс лексической системы русского языка, что подтверждается их богатым семантическим потенциалом и внутренними валентностными связями.

В исследовании анализируются деривационные модели образования **негибридных неономинаций**: 1) модель «заимствованная основа + заимствованный суффикс» (*кликабельный* ← *клик*; *коллажист* ← *коллаж*); 2) модель «заимствованный префикс + заимствованное слово» (*антигламурный* ← *анти-* + *гламурный*; *антимайдан* ← *анти-* + *майдан*); 3) модель «заимствованная основа + заимствованное слово» (*автопиар* ← *авто* + *пиар*; *арт-каталог* ← *арт* + *каталог*; *онлайн-аукцион* ← *онлайн* + *аукцион*); 4) модель «исконная основа + соединительная гласная + исконное слово» (*добросетливый* ← *добр-(ый)* + *-о-* + *сеть* + *-лив-(ый)*; *белодомовец* ← *бел-(ый)* + *-о-* + *дом-(ов)-ец*).

5. Активными в медиатекстах представляются модели с аббревиатурами: «заимствованная аббревиатура + исконный аффикс» (*PRщик*, *PR-овец*, *IT-шник*, *VIPовский*); «заимствованная аббревиатура + исконное слово» (*IBM-подобный*, *IBM-совместимый*, *PR-поддержка*, *VIP-гость*); «заимствованная аббревиатура + заимствованное слово» (*IT-бизнес*, *IT-компания*, *PR-фирма*, *VIP-банкинг*). В словообразовательной системе появляются гибридные

образования с аббревиатурным компонентом, где гибридность проявляется особенно ярко в комбинировании написания латиницей и кириллицей.

5. Появление гибридных неоминаций сопровождается образованием имен существительных с модификационными значениями, к которым в диссертационном исследовании относятся неолексемы с суффиксами женскости (*аномальщица, блоггерша, бодибилдерша, интернетчица, компьютерщица, спонсорша, фейсбукишница, френдка*) и уменьшительно-ласкательными суффиксами (*айфончик, еврик, френдик*). При образовании номинаций со значением 'лицо женского пола' не всегда можно проследить мотивационную связь с лексемами, характеризующими лиц мужского пола (например, номинации *твиттерша, баннерша, гуглша* и др.).

6. Адаптация гибридных и негибридных неоминаций в современном русском языке происходит на нескольких языковых уровнях: фонетическом, грамматическом и словообразовательном. Иноязычные неоминации обладают разными словообразовательными возможностями. От наиболее частотных неолексем появляются новые производные, что позволяет доказать большую значимость функционального фактора по сравнению со структурным. При определенных коммуникативных условиях лексикализация новообразований сопровождается накоплением деривационного материала, реализация которого означает формирование самостоятельных синхронных словообразовательных цепочек. Новые производные слова образуются и входят в речевое употребление целыми однокоренными группами слов или словообразовательными гнездами. Например, гнездо с вершиной *бренд* имеет шесть дериватов: *брендить, брендовый, бренд-мейкер, бренд-технолог, авиа-бренд*, среди которых имена существительные, имена прилагательные и глагол; вторая словообразовательная парадигма с исходным словом *брендить* имеет четыре деривата-глагола: *перебрендить, забрендить, пробрендить, брендиться*. Кроме проанализированных, можно выделить и другие парадигмы, участвующие в образовании словообразовательных цепей. Заимствованная

основа *бренд* образует простые производные с помощью исконных / заимствованных аффиксов и сложные слова в результате сложения основ / слов (*бренд-мейкер, бренд-технолог, авиа-бренд*).

7. Производные, образованные по деривационным моделям «заимствованная основа + исконный суффикс» и «заимствованная основа + заимствованный суффикс», составляют конкуренцию в текстовых реализациях. Как показал анализ гибридных неониминаций в текстах русскоязычного масс-медийного дискурса, синонимические суффиксы появляются прежде всего в именах существительных и именах прилагательных. Наиболее частотными являются суффиксы со значением ‘лицо’: **-ер / -ист**: *бордер – бордист, брейкер / брэйкер – брейкист* **-щик / -ер**: *спамищик – спамер, стартащик – стартапер, сетащик – сетапер*; **-щик (-чик) / -ец**: *пиарищик – пиаровец, интернетчик – интернетовец*; **-щик / -ник**: *креативщик – креативник, оффшорщик – оффшорник*; **-щик / -ер / -ист**: *стендащик – стендапер – стендапист, мейкащик – мейкапер – мейкапист* и др. и адъективные суффиксы **-н-(ый), -ов- / -ев-(ый), -ск-(ий)** со значением «имеющий отношение к тому, что названо корнем» также являются конкурирующими при образовании новых слов, например, *пиарный – пиаровый – пиарский; интернетовый – интернетский; мейкапный – мейкаповый* и др. Проведенный анализ демонстрирует вариативность адаптации заимствованных аббревиатурных основ и различные способы приспособления неозаимствований.

8. Использование соединительных гласных (*твитоновость, словосеть, твитотренд, белодомовский*), интерфиксов (**-ш-** (*фондюшница ← фондю, IP-шник ← IP*); **-j-** (*медийщик ← медиа*); **-тив-** (*медиативный ← медиа*), усечение морфем между аффиксом / компонентом слова (*евро-, авиа-, авто-, соц-, твит-, эко-*) и основой при образовании гибридных и негибридных неониминаций является подтверждением адаптации к системе парадигм русского языка, при этом неопределенность при написании структурных

компонентов с основой (написание через дефис или слитно) свидетельствует о частичном приспособлении данных единиц.

Таким образом, комплексное описание моделей образования гибридных и негибридных неонаминаций в современном масс-медийном дискурсе позволило наметить перспективы дальнейшего исследования в области неологизации с позиции пропозициональной структуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алаторцева С. И. Проблемы неологии и русская неография : автореф. дис. ... докт. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Светлана Ивановна Алаторцева. – Спб., 1998. – 40 с.
2. Алаторцева С. И. Словари новых слов / С. И. Алаторцева // История русской лексикографии / Ф. П. Сорокалетов (отв. ред). – СПб, 1998. – С. 485–503.
3. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики : монография / Николай Фёдорович Алефиренко. – М. : Гнозис, 2005. – 326 с.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Нина Давидовна Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
5. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / Ольга Сергеевна Ахманова. – М. : Учпедгиз, 1957. – 294 с.
6. Баасанжав С. Иноязычные слова с заимствованными суффиксами в современном русском языке (На материале слов с суффиксами -аж, -ер, -инг) : диссер. ... кан. филол. наук, спец. 10.02.01 «Русский язык» / Соелсурен Баасанжав. – Москва, 2003. – 167 с.
7. Балышева К. А. Демократизация языка в массовой художественной литературе : автореф. диссер. ... кан. филол. наук, спец. 10.02.01 «Русский язык» / Ксения Александровна Балышева. – Йошкар-Ола, 2010. – 20 с.
8. Баранова Л. А. Аббревиатуры иноязычного происхождения как основа деривационного словопроизводства / Л. А. Баранова // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Т. 22 (61). – № 2. – Симферополь, 2009. – С. 20–24.
9. Баранова Л.А. Об одном «модном слове» и его дериватах в современном русском языке / Л. А. Баранова // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках : V Международная научная конференция (Днепропетровск, ДНУ имени Олеся Гончара, 7-8 апреля

2011 г.) : материалы / составитель Т. С. Пристайко. – Д. : Нова ідеологія, 2011. – С. 21–27.

10. Беглова Е. И. Неузуальная лексика как текстовая доминанта (на примере газетных текстов рубежа XX-XXI вв.) / Е. И. Беглова // Языковая игра. Детская речь : Материалы Всероссийской научной конференции. – Екатеринбург, 2006. – С. 14–20.

11. Бельчиков Ю. А. Контаминация // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990. – С. 238.

12. Бессонова Л. Е. Деривационный потенциал политических слов / Л. Е. Бессонова // Мови та культури у новій Європі : контакти і самобутність : Зб. наук. допов. – К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2009. – С. 48–56.

13. Бессонова Л. Е. Заимствованное слово в политическом тексте: семантико-деривационный аспект // И слово Ваше отзовется / Сборник научных статей в честь 80-летия профессора Е. С. Отина / Гуманитарный центр «Азбука». – К. : Издательский дом Дмитрия Бураго, 2012. – 644 с. – С. 46–56.

14. Бессонова Л. Е. Новое слово в деривационных и текстовых реализациях : семантико-прагматический аспект / Л. Е. Бессонова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Т. 25 (64). – № 4. – Ч. 2. – 2012. – С. 454–462.

15. Брагина А. А. Неологизмы в русском языке. Пособие для студентов и учителей / Алла Алексеевна Брагина. – М. : Просвещение, 1973. – 224 с.

16. Бузело А. С. Теория внутренней валентности морфем в ретроспективе и перспективе / А. С. Бузело // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях // Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура : истоки, традиции, взаимодействие. XI Кирилло-Мефодиевские чтения» 18-19 мая 2010 года. – Москва-Ярославль : Ремдер, 2010. – С. 13–18.

17. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.

18. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке : Учебное пособие для студентов вызов / Нина Сергеевна Валгина. – Москва : Логос, 2003. – 304 с.

19. Васильев А. Д. Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления / Александр Дмитриевич Васильев. – М. : Флинта, 2003. – 224 с.

20. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Татьяна Ивановна Вендина. – М. : Индрик, 1998. – 236 с.

21. Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания, № 1. – 1995. – С. 5–34.

22. Возбранная Т. В. К вопросу о современных тенденциях в области словообразования / Т. В. Возбранная // *Lingua mobilis*, № 3 (42), 2013. – С. 28–32.

23. Габинская О. А. О понятии новизны лексической единицы в ономаσιологическом исследовании / О. А. Габинская // Закономерности словопроизводственного процесса в ономаσιологическом аспекте. – Курск, 1980. – С. 16–24.

24. Габинская О. А. Причины современного русского словотворчества : автореф. дис. ... докт. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Октябрина Ароновна Габинская. – Ленинград, 1985. – 32 с.

25. Гак В. Г. Языковая номинация : Общие вопросы / Владимир Григорьевич Гак. – М. : Наука, 1977. – 232 с.

26. Гак В. Г. Языковые преобразования / Владимир Григорьевич Гак. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.

27. Гафарова Р. И. Суффиксальные универбы русского языка : семантика, деривационные отношения : автореферат дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.02 «Русский язык» / Ранетта Исметовна Гафарова. – Харьков, 2009. – 20 с.
28. Голуб И. Б. Стилистика русского языка : Учеб. Пособие / Ирина Борисовна Голуб. – М. : Рольф; Айрис-пресс, 1997. – 448 с.
29. Григоренко О. В. Неоминации в аспекте современной лексикографии и неографии / О. В. Григоренко // Гуманитарный вектор. – 2010. – № 2 (22). – С. 99–107.
30. Григоренко О. В. Новые словообразовательные гнезда с вершиной-неологизмом со значением лица / О. В. Григоренко // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (87). – С. 145–155.
31. Гридина Т. А. Языковая игра в жанре политического прикола / Т. А. Гридина // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2011. – № 4 (38). – С. 47–51.
32. Гугунава Д. В. Особенности словотворчества в современной публицистике : Учебно-методическое пособие / Д. В. Гугунава, И. Ю. Первухина, Л.В. Рацибурская. – Нижний Новгород : НГПУ, 2003. – 56 с.
33. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / Вильгельм фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1984. – 400 с.
34. Денисова Э. С. Активные процессы словотворчества в современном русском языке (на материале языка рекламы) / Э. С. Денисова // Русский язык: исторические судьбы и современность : IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2012 г.): Труды и материалы / Составитель М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов. – М. : Изд-во Моск. ун-та. – С. 364–365.

35. Дмитриева О. И. Динамика семантико-словообразовательных подсистем русского языка / О. И. Дмитриева, А. Д. Левицкая // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – №4 (2). – С. 511–514.

36. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке / Ольга Павловна Ермакова. – М. : Русский язык, 1984. – 151 с.

37. Ермакова О. П. Семантические процессы в лексике / О. П. Ермакова // Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / РАН; Институт русского языка. – М. : Языки рус. культуры, 1996. – 480 с. – С. 32–66.

38. Журавлев А. Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации / А. Ф. Журавлев // Способы номинации в современном русском языке. – М. : Наука, 1982. – С. 45–109.

39. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка : учеб. пособие для студ. филол. фак. ун-тов / Вера Ивановна Заботкина. – М. : Высшая школа, 1989. – 126 с.

40. Звегинцев В. А. Внутренние законы развития языка / В. А. Звегинцев. – М. : Изд-во Московского университета, 1954. – 30 с.

41. Зеленин А. В. Дезаббревиация в русском языке / А. В. Зеленин // Вопросы языкознания. 2005.– №1. – С. 78–97.

42. Земская Е. А. Активные процессы в словообразовании современных славянских языков (на материале русского и польского языков) / Е. А. Земская, О. П. Ермакова // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. – М., 1998. – С. 296–311.

43. Земская Е. А. Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995) / [Отв. ред. Е. А.Земская]. – 2 е изд. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 473 с.

44. Земская Е. А. Словообразование как деятельность / Елена Андреевна Земская. – М. : ЛКИ, 2007. – 221 с.

45. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Елена Андреевна Земская. – М. : Флинта, 2009. – 328 с.

46. Земская Е. А. Функциональный подход к изучению деривационных морфем / Е. А. Земская // Морфемика : Принципы и методы системного описания. – Л., 1987.
47. Золотарёва М. Н. Неологизмы современного русского языка в деривационном аспекте : на материале неологизмов 70-90 годов XX века с глагольными корнями : дис. ... канд. филол. наук / Марина Николаевна Золотарёва – Екатеринбург, 2001. – 199 с.
48. Иванов В. В. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему / В. В. Иванов // Языкознание : взгляд в будущее. – Калининград, 2002. – С. 6–86.
49. Изотов В. П. Графическое словообразование / В. П. Изотов // Гуманитарные проблемы глазами молодых. – Орел, 1994. – С. 119–120.
50. Ильясова С. В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ : дис. ... докт. филол. наук / Светлана Васильевна Ильясова. – Ростов-н/Д, 2002. – 432 с.
51. Ильясова С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. – М. : Флинта, 2009. – 296 с.
52. Ицкович В.А. О контаминации и смежных с ней явлениях / В.А. Ицкович, Б.С. Шварцкопф // Памяти академика В.В. Виноградова. – М., 1971. – С. 90–96.
53. Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности / Ю. Н. Караулов // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. – М., 1991. – С. 3–34.
54. Карпиловская Е. А. Конкуренция языковых ресурсов в условиях глобализации / Е. А. Карпиловская // Слов'янські обрії . – Вип.6. – Ч.1. – К., 2013. – С. 245–258
55. Карпіловська Є. А. Образ держави у мові відкритого суспільства: новомова чи мова нового мислення? / Є. А. Карпіловська // Мова та культура у новій Європі : контакти і самобутність : Збірник наукових доповідей. – К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2009. – с. 135–141.

56. Карпіловська Є. А. Суфіксальна підсистема сучасної української літературної мови : будова та реалізація / Євгенія Анатоліївна Карпіловська. – К. : Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні НАН України, 1999. – 298 с.

57. Карпіловська Є. А. Тендеції розвитку сучасного українського лексикону : чинники стабілізації інновацій / Є. А. Карпіловська // Українська мова. – 2007. – № 4. – с. 3–15.

58. Карымбаева К. Е. Образование заимствованных слов агглютинативным путем [Электронный ресурс] / К. Е. Карымбаева, Б. А. Жакыпбаева // Филологические науки. Литературоведение. – №1(27), 2. – 2013. – Режим доступа: <http://arch.kyrlibnet.kg/?&npage=view&nadd=10653>.

59. Касьянова Л. Ю. Сложение как продуктивное средство неологизации в русском языке конца XX – начала XXI в. / Л. Ю. Касьянова // Гуманитарные исследования. – № 2 (42). – 2012. – С. 87–92.

60. Кислюк Л. П. Категорія «жіночність» у сучасному українському словотворенні / Л. П. Кислюк // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Т. 25 (64). – № 4. – Ч. 2. – 2012. – С. 97–105.

61. Китайгородская М. В. Словообразование и лексика / М. В. Китайгородская // Современный русский язык. Словообразование. Проблемы и методы исследования. – М., 1988. – С. 62–70.

62. Клименко Н. Ф. Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі : монографія Н. Ф. Клименко, Є. А. Карпіловська, Л. П. Кислюк. – К. : Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2008. – 336 с.

63. Клобуков Е. В. Словообразование / Евгений Васильевич Клобуков // Современный русский литературный язык / [Под ред. П. А. Леканта]. – М. : Высшая школа, 2009. – 557 с.

64. Князев Н. А. Лексические инновации в англоязычном политическом дискурсе / Н. А. Князев // Политическая лингвистика. – 3 (37). – 2011. – С. 74–77.

65. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / Виталий Григорьевич Костомаров. – СПб. : Издательство «Златоуст», 1999. – 319 с.

66. Котелова Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов / Н.З. Котелова // Новые слова и словари новых слов. – Л., 1978. – С. 5–25.

67. Красильникова Е. В. Об освоении иноязычных морфем системой русского словообразования – на примере морфемы -дром) / Е. В. Красильникова // Актуальные проблемы русского словообразования. – Самарканд, 1972. – Ч. 1. – С. 102–113.

68. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / РАН; Институт русского языка. – М. : Языки рус. культуры, 1996. – 480с.

69. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – Москва : Наука, 1968. – 208 с.

70. Крысин Л. П. О русском языке наших дней [Электронный ресурс] / Л. П. Крысин // Изменяющийся языковой мир. – Пермь, 2002. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm>

71. Крысин Л. П. О словообразовательных возможностях иноязычных неологизмов / Л. П. Крысин, Ю Хан Су // Филологические науки. – 1998. – № 3. – С. 15–20.

72. Крысин Л. П. Словообразование или заимствование? / Л. П. Крысин // Лики языка : К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. – Москва : Наследие, 1998. – С. 196–202.

73. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русистика. – Берлин, 1994. – № 1–2. – С. 28–49.

74. Кубрякова Е.С. Лингвистическая сущность номинации : когнитивно-семиотические характеристики // Słowo. Tekst. Czas VII. Новые

средства языковой номинации в новой Европе. – Szczecin : Wydawnictwo naukowe uniwersytetu Szczecińskiego, 2004. – S. 15–20.

75. Кубрякова Е. С. О когнитивном подходе к производному слову / Е. С. Кубрякова // Славистика : синхрония и диахрония. Сборник научных статей к 70-летию И. С. Улукханова / [Под общей ред. д-ра филол. наук проф. В. Б. Крысько : ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН]. – М. : ИЦ Азбуковник, 2006. – С. 77–83.

76. Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование / Е. С. Кубрякова // Языковая номинация. Виды наименований. – М. : Наука, 1977. – С. 222–303.

77. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова : монография / Е. А. Земская (отв.ред.), В. Ф. Новодранова (предисл.). – Изд. 2-е, доп. – М. : URSS. ЛКИ, 2008. – 199с.

78. Кудрявцева Л. А. Моделирование динамики слов словарного состава языка / Людмила Алексеевна Кудрявцева. – К. : ИПЦ «Киев. ун-т», 2004. – 208 с.

79. Лопатин В.В. Аффиксоид / В. В. Лопатин // Русский язык : энциклопедия. – М., 1997. – с. 42–44.

80. Лопатин В. В. Многогранное русское слово. Избранные статьи по русскому языку / В. В. Лопатин // Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – М. : Издательский центр «Азбуковик», 2007. – 743 с.

81. Лопатин В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования / Владимир Владимирович Лопатин. – М. : Наука, 1973. – 313 с.

82. Лопатин В. В. Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов / В. В. Лопатин // Новые слова и словари новых слов. – Л. : Наука, 1978. – С. 72–80.

83. Лыков А. Г. Современная русская лексикология / А. Г. Лыков // Русское окказиональное слово : учеб. пособие для филолог. фак-ов ун-тов. – М. : Высшая школа, 1976. – 119 с.

84. Малеева М. С. Контаминация как способ образования окказиональных слов / М. С. Малеева // Словопроизводственный процесс и функционирование производных единиц в языке и речи. – Курск, 1986. – С. 42–50.

85. Маринова Е. В. Восполнение словообразовательных лакун литературного языка в электронной форме речи / Е. В. Маринова // Языковые категории и единицы : синтагматический аспект. Материалы десятой международной конференции (Владимир, 24-26 сентября 2013 годов), посвященной 60-летию кафедры русского языка. – Владимир : Транзит-ИКС, 2013. – С. 339–341.

86. Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI века : проблемы освоения и функционирования : автореф. дис. ... докт. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Елена Вячеславовна Маринова. – М., 2008. – 40 с.

87. Маринова Е. В. Современное состояние проблемы «свое vs. чужое» в отечественной лексикологии / Е. В. Маринова // Вопросы лексикологии и лексикографии / Научный диалог. – 2012. – С. 59–70.

88. Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл-текст» / Игорь Александрович Мельчук. – Москва – Вена : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 712 с.

89. Мечковская Н. Б. История языка и история коммуникации : от клинописи до Интернета : курс лекций по общему языкознанию / Н. Б. Мечковская. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 584 с.

90. Миськевич Г. И. Новые слова, их принятие и нормативная оценка (проблема новых слов в культурно-речевом аспекте) / Г. И. Миськевич // Актуальные проблемы культуры речи. – М., 1970. – С. 243–272.

91. Морковкин В. В. Лексическая многозначность и некоторые вопросы ее лексикографического описания / В. В. Морковкин // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. – М. : Наука, 1981. – С. 153–166.

92. Мячинская Э. И. Гибридизация русского письма под влиянием английского языка [Электронный ресурс] / Э. И. Мячинская // Режим доступа: <http://philarts.spbu.ru/structure/sub-faculties/engl-filolog/etyudy/gibridizatsiya-russkogo-pisma>.

93. Намитокова Р. Ю. Авторские неологизмы : словообразовательный аспект / Роза Юсуфовна Намитокова. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1986. – 156 с.

94. Намитокова Р. Ю. Окказиональная ономастика и отономастические окказионализмы / Р. Ю. Намитокова // Эволюция семантических и функциональных свойств русской лексики. – М., 1987. – С. 119–128.

95. Нечаева И. В. Мотивированность иноязычных заимствований: орфографический аспект проблемы / И. В. Нечаева // Рус. яз. в науч. освещении. – 2005. – №1 (9). – С. 83–95.

96. Нецименко Г. П. Сопоставительное изучение славянских языков и его значимость для прогнозирования развития языковой системы / Г. П. Нецименко // Aktualne problemy komparatystyki slowianckiej : teoria i metodologia badan lingwistycznych // redakcija naukowa E. Koriakowceva. – Siedlce, 2010. – С. 13–50.

97. Нецименко Г. П. Конкуренция как фактор динамики литературной нормы системы / Г. П. Нецименко // Проблемы славянской диахронической социолингвистики : Динамика литературно-языковой нормы. – М., 1999.

98. Никитевич В. М. Основы номинативной деривации / Василий Михайлович Никитевич. – Минск : Вішэйшая школа, 1985. – 138 с.

99. Николина Н. А. Семантика и структура контаминированных образований / Н. А. Николина // Семантика языковых единиц : [Материалы 3-й межвузовской научно-исследовательской конференции]. – М., 1993. – Ч. II. – С. 102–107.

100. Огородникова Е. С. К проблеме классификации нового слова / Е. С. Огородникова // Актуальные проблемы коммуникации и культуры.

Вып. 2. Международный сборник научных трудов. Пятигорский государственный лингвистический университет. Москва – Пятигорск, 2005. – С. 89–100.

101. Огородникова Е. С. Об особенностях окказиональных неологизмов и квазинеологизмов в произведениях фантастики / Е. С. Огородникова // Разноуровневые черты языковых и речевых явлений : Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск VIII. Пятигорский государственный лингвистический университет. – Пятигорск, 2005. – С. 119–125.

102. Осипенко З. М. Гибридные термоединицы: лингвостатическое описание в учебных целях / З. М. Осипенко, Г. С. Онуфриенко // Русский язык и литература в общении народов мира: проблемы функционирования и преподавания : Тез. докл. и сообщ. – Т. 1. – М. : Русский язык, 1990. – С. 205.

103. Осипова Л. И. Активные процессы в современном русском словообразовании : (Суффиксальная универбация, усечение) / Людмила Ивановна Осипова. – М. : Прометей, 1994. – 116 с.

104. Пасечная Л. А. К проблеме дефиниции нового слова в современной лингвистике / Л. А. Пасечная, Т. В. Попова // Вестник ОГУ 11. – 2005. – С. 167–171.

105. Пауль Г. Принципы истории языка. Глава о смешении языков / [Пер. с нем. под ред. А.А. Холодовича]. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 500 с.

106. Петров А. В. Гнезда сложных слов с функционально соотносительными компонентами -лечить и -терапия / А. В. Петров // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Т. 19 (58) – № 4. – Серия. Филология. – Симферополь, 2006. – С. 145–152.

107. Петров А. В. Предикатно-актантные поля в русском языке : монография / Александр Владимирович Петров. – Симферополь : Симферопольская гор. типография, 2012. – 320 с.

108. Петров А. В. Продуктивность заимствованных основ в составе сложных слов русского языка / А. В. Петров // Стил. – № 9. – Београд, 2010. – С. 409–421.

109. Петрухина Е. В. Актуальные вопросы системного словообразования / Е. В. Петрухина // Славистика : синхрония и диахрония. Сборник научных статей к 70-летию И. С. Улуканова / [Под общей ред. д-ра филол. Наук проф. В. Б. Крысько: ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН] – М. : ИЦ Азбуковник, 2006. – С. 77–83.

110. Петрухина Е. В. Новые явления в русском словообразовании [Электронный ресурс] / Е. В. Петрухина. Режим доступа к ресурсу : <http://www.portal-slovo.ru/philology/45939.php>.

111. Пивченко Е. А. Неологизмы в современном немецком языке / Е. А. Пивченко // Университетские чтения. – Пятигорск, 2010.

112. Плотникова Л. И. Адаптация лексических новообразований как фактор их языкового закрепления / Л. И. Плотникова // Режим доступа – http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum%20/Ros_fil/2008_3-4/8.html.

113. Плотникова Л. И. Процесс узуализации новообразований : причины и условия // Русский язык : Исторические судьбы и современность : междунар. конгресс исследователей русского языка. М., МГУ. 13–16 марта 2001 г. / Труды и материалы. – М., 2001. – С. 196.

114. Попко Л. П. Инг-изация как средство создания современных неологизмов / Л. П. Попко // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках : VI Международная научная конференция (Днепропетровск, ДНУ имени Олеся Гончара, 22-23 апреля 2013 г.) : материалы / составитель Т. С. Пристайко. – Д. : Нова ідеологія, 2013. – С. 240-241.

115. Попова Т. В. Графиксация как новое явление в языке и научной когнитии / Т. В. Попова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Вып. 57. – 2011. – № 24 (239). – С. 160–163.

116. Попова Т. В. Деривационная семантика детских глагольных новообразований / Т. В. Попова // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург, 2000. – С. 231–238.

117. Попова Т. В. Русская неология и неография : учебное электронное текстовое издание / Татьяна Витальевна Попова. – Екатеринбург : ГОУ-ВПО УГТУ-УПИ, 2005. – 96 с.

118. Пристайко Т. С. О некоторых терминологических проблемах современной неологии / Т. С. Пристайко // Вісник Дніпропетров. ун-ту. Серія Мовознавство. – 2009. – Вип. 15. – Т. 1. – С. 253–260.

119. Рацибурская Л. В. Новообразования-гибриды в современной публицистической речи / Л. В. Рацибурская // Книжное дело : достижения, проблемы, перспективы – II : Сборник тезисов. – Екатеринбург : УГТУ–УПИ, 2009. – С. 50-52.

120. Рацибурская Л. В. Словообразовательные неологизмы как средство вербальной агрессии в современных СМИ / Л. В. Рацибурская // Арзамасские филологические чтения. – Арзамас : АГПИ, 2007. – С. 138–143.

121. Рацибурская Л. В. Словообразовательные средства создания экспрессии в текстах СМИ / Л. В. Рацибурская // Структура и семантика : Доклады IX Международной конференции. – М. : МГОПУ, 2004. – С. 224–227.

122. Рацибурская Л. В. Специфика современных деривационных процессов в аспекте «амероглобализации» / Л. В. Рацибурская // Русский язык : исторические судьбы и современность : IV Международный конгресс исследователей русского языка : Труды и материалы / Составитель М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. – М. : Изд-во Моск. ун-та. – С. 377–378.

123. Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики / Елена Николаевна Ремчукова. – М. : Изд-во РУДН, 2005. – 329 с.

124. Розен Е. В. На пороге 21 века. Новые слова и словосочетания в немецком языке / Е. В. Розен. – М. : Издательство «Менеджер», 2000. – 192 с.

125. Розенталь Д. Э. Современный русский язык : учеб. пособие / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – 5-е изд., испр. . – М. : Айрис-пресс, 2002. – 448 с.

126. Романюк Ю. В. Словотворчий потенціал нових засобів номінації у сучасній українській мові / Ю. В. Романюк // Мова та культура у новій Європі : контакти і самобутність : Збірник наукових доповідей. – К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2009. – С. 226–233.

127. Русская грамматика / [Под ред. Н. Ю. Шведовой]. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 789 с.

128. Русский язык : энциклопедия / [Гл. ред. Ю.Н. Караулов]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая рос. энцикл. : Дрофа, 1997. – 721 с.

129. Рябцева Н. А. Неолексемы с компонентом медиа в современном русском языке (по данным лексикографических источников) / Н. А. Рябцева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 1 (292). – Филология. Искусствоведение. Вып. 73. – С. 119–126.

130. Самыличева Н. А. Культурные доминанты в деривационных процессах (на материале текстов нижегородских СМИ) / Н. А. Самыличева // Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием. 11-13 ноября 2010. – Нижний Новгород, 2011. – С. 120–123.

131. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / Владимир Зиновьевич Санников. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.

132. Сегал Н. А. Семантизация топонимических единиц в политическом тексте / Н. А. Сегал // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Т. 25 (64). – № 4. – Ч. 2. – 2012. – С. 454–462.

133. Селиванова Е. А. Процессы неологизации в ракурсе динамики этносознания / Е. А. Селиванова // Материалы III Международной научной конференции «Лексико-грамматические инновации в современных

восточнославянских языках» / сост. Т.С. Пристайко. – Днепропетровск : Пороги, 2007. – 424 с.

134. Сенько Е. В. Неологизация в современном русском языке конца XX века : межуровневый аспект : автореф. дис... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Елена Викторовна Сенько. – Волгоград, 2000. – 51 с.

135. Сенько Е. В. Теоретические основы неологии : учеб. пособие / Елена Викторовна Сенько. – Владикавказ : Издательство СОГУ, 2001. – 108 с.

136. Сидоренко Е. Н. Части речи и контаминанты в свете теории языковых смыслов / Е. Н. Сидоренко // Культура народов Причерноморья. – № 110. – Т. 2. – 2007. – С. 174–176.

137. Скляревская Г. Н. Слово в меняющемся мире : русский язык начала XXI столетия : состояние, проблемы, перспективы / Г. Н. Скляревская // Исследования по славянским языкам. – № 6. – Сеул, 2001. – С. 177–202.

138. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц : учеб. для студ. высш. учебн. заведений. В 2 ч. / Е. И. Диброва, Л. Н. Касаткин, Н. А. Николина, И. И. Щеболева ; Под ред. Е. И. Дибровой. – М. : Academia, 2001. – 440 с.

139. Солганик Г. Я. Язык СМИ : от первой российской газеты до электронных медиа / Г. Я. Солганик // Журналистика и культура русской речи. – 2002. – №4. – С. 46–54.

140. Сологуб О. П. Усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке / О. П. Сологуб // Наука. Университет. 2002. Материалы Третьей научной конференции. – Новосибирск, 2002. – С. 130–134.

141. Степанова М. Д. Теория валентности и валентный анализ / Мария Дмитриевна Степанова. – М. : Наука, 1973. – 110 с.

142. Стернин И. А. Общественные процессы и развитие современного русского языка / Иосиф Абрамович Стернин. – 4-е изд. – Воронеж : Истоки, 2004. – 216 с.

143. Стернин И. А. Социальные факторы и развитие современного русского языка / И. А. Стернин // Теоретическая и прикладная

лингвистика. Выпуск 2. Язык и социальная среда. – Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000. – С. 2–16.

144. Стишов О. А. Динамічні процеси в лексико-семантичній системі та в словотворі української мови кінця ХХ ст. (на матеріалі мови засобів масової інформації) : автореф. дис ... д-ра філол. наук : 10.02.01 «Русский язык» / Олександр Анатолійович Стишов. – К., 2003. – 35 с.

145. Стратулат Н. В. Дери́ваційні та семантичні неологізми в лексичній системі української мови (на матеріалі тлумачного словника української мови в 20-ти томах) лексики : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / Наталія Вікторівна Стратулат. – Київ, 2009. – 20 с.

146. Таран А. А. Конкурування номінацій у сучасній українській літературній мові : тенденції стабілізації нової лексики : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / Алла Анатоліївна Таран. – К., 2010. – 20 с.

147. Теркулов В. И. Еще раз об основной единице языка / В. И. Теркулов // Вісник Луган. нац. ун-ту ім. Т. Г. Шевченка. – Луганськ, 2006. – № 11 (106). – С. 127–136.

148. Теркулов В. И. Номинатема : опыт определения и описания / В. И. Теркулов / [научн. редактор М. В. Пименова]. – Горловка : ГГПИИЯ, 2010. – 306 с.

149. Теркулов В. И. О природе композитной аббревиации / В. И. Теркулов // Новітня філологія : журнал. – Миколаїв : Видавництво МДГУ ім. Петра Могили, 2005. – Вип. 3. – С. 21–31.

150. Тогоева С. И. Современная лексикография и новые единицы номинации / Светлана Ивановна Тогоева. – М. : Академия, 2007. – 264 с.

151. Тойтукова А. О. Лексические инновации в русском языке начала XXI века (2000-2009 гг.) / Айнура Ормошевна Тойтукова // автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Абакан, 2010. – 20 с.

152. Тропина Н. П. Семантическая глагольная деривация и валентность / Н. П. Тропина // Русское языкознание. Межведомственный научный сборник. – Вып. 26. – Киев : Киев. ун-т им. Т. Шевченко. – 1993. – С. 12–21.

153. Тропина Н. П. Семантическая деривация : мультипарадигмальное исследование : монография / Нина Павловна Тропина. – Херсон : Изд. ХГУ, 2003. – 336 с.

154. Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / Игорь Степанович Улуханов. – М. : Русские словари, 1996. – 221 с.

155. Улуханов И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка / Игорь Степанович Улуханов / РАН ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М. : ООО «Издательский центр «Азбуковник», 2005. – 312 с.

156. Улуханов И. С. Окказиональные и чистые способы словообразования в современном русском языке / И. С. Улуханов // Известия РАН, 1992. – № 1. – Т. 51. – С. 378–394.

157. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / Игорь Степанович Улуханов. – Изд. 4-е – М. : URSS. ЛКИ, 2007. – 255 с.

158. Уфимцева А. А. Лексическое значение : Принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева // [Под ред. Ю. С. Степанова. Изд. 2-е, стереотипное]. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.

159. Федорова В. В. Неологизм как актуализатор содержания речи / В. В. Федорова // Проблемы языковой картины мира на современном этапе : Материалы Всероссийской научной конференции молодых ученых. – Н.Новгород, 2006. – С. 298–300.

160. Ханпира Э. И. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании / Э. И. Ханпира // Развитие словообразования современного русского языка / [Под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева]. – М., 1966. – С. 153–166.

161. Черникова Н. В. Метафора и метонимия в аспекте современной неологии / Н. В. Черникова // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 82–90.

162. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка : учеб. Пособие / Николай Максимович Шанский. – М. : Просвещение, 1972. – 327 с.

163. Шаховский В. И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи / В. И. Шаховский // Вопросы языкознания. – М. : Ин-т яз-ния АН СССР, 1984. – С. 97–103.

164. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций : монография / Виктор Иванович Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.

165. Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе / Наталия Юльевна Шведова. – М., 1965. – 92 с.

166. Шишкина А. А. Активные процессы современного словопроизводства и их отражение в текстах СМИ / А. А. Шишкина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 2 (1). – С. 302–307.

167. Шишкина А. А. Префиксальные новообразования нестандартной словообразовательной структуры в российских СМИ / А. А. Шишкина // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. – 2010. – № 1 (11). – С. 66–72.

168. Шишкина А. А. Особенности именной префиксации в словообразовательных процессах начала XXI века / А. А. Шишкина // Филология. Искусствоведение. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2008. – № 6. – С. 252–255.

169. Шишкарёва О. А. Новообразования как проявление языковой игры : структурно-функциональный аспект : на материале нижегородской прессы начала XXI в. : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 «Русский язык» / Оксана Алексеевна Шишкарёва. – Нижний Новгород, 2009. – 224 с.

170. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях / Дмитрий Николаевич Шмелев. – М. : Наука, 1977. – 169 с.

171. Шмелев Д. Н. Способы номинации в современном русском языке / [Отв. ред. Д. Н. Шмелев]. – М. : Наука, 1982. – 293 с.
172. Щитова О. Г. Процесс словообразовательной ассимиляции иноязычной лексики в русском языке как отражение культурных и языковых тенденций / О. Г. Щитова // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия : гуманитарные науки (филология). – 1'2004. – Выпуск 1 (38). – Томск : Изд-во ТГПУ, 2004. – С. 15–20.
173. Эпштейн М. Знак пробела : О будущем гуманитарных наук / Михаил Наумович Эпштейн. – М. : НЛО, 2004. – 864 с.
174. Юсупова Н. Г. К вопросу о стилистических свойствах морфем / Н. Г. Юсупова // Проблемы русской морфемики. – Орехово-Зуево, 1995. – С. 72–74.
175. Янко-Триницкая Н. А. Междусловное наложение / Н. А. Янко-Триницкая // Развитие современного русского языка. – М., 1975. – с. 254–255.
176. Янко-Триницкая Н. А. Продуктивные способы и образцы окказионального словообразования / Н. А. Янко-Триницкая // Актуальные проблемы русского словообразования. – М., 1975. – С. 413–418.
177. Янко-Триницкая Н. А. Словообразование в современном русском языке / Надежда Александровна Янко-Триницкая / РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – М. : ИНДРИК, 2001. – 503 с.
178. Adorno Theodor W. Worter aus der Fremde / Theodor W. Adorno // Braun, P., Hrsg. : Fremdwort-Diskussion. Munchen, 1979. – S. 198–211
179. Bolgova L/ Aktueller Wortschatz der vernetzten Gesellschaft: neue Worter, neue Bedeutungen. Worterbuch Deutsch-Russisch mit einem Glossar Rusisch-Deutsch. Shaker Verlag / L. Bolgova, I. Adler. – Aachen, 2005. – 85 S.
180. Dokulil M. Teorie odvozoväni slov / M. Dokulil // Tvoreni slov v cestine. – T. 1. – Praha, 1962. – 263 с.
181. Handke K. Budowa morfologiczna i funkcje compositow polskich / K. Hankle. – Wroclaw, 1976. – 140 с.

182. Green J. Neologisms. New words since 1960 / Jonathon Green. – Lnd. : Bloomsbury, 1991. – 150 с.
183. Smółkowa T. Neologizmy we współczesnej leksyce polskiej / T. Smółkowa. – Krakow : IJP PAN, 2001. – 194 с.
184. Stein G. The place of word-formation in linguistic description // Perspektiven der Wortbildungsforschung. – Bonn : Bouvier Verlag, 1977. – S. 219–235.
185. Taft M. Lexical storage and retrieval of prefixed words / M. Taft, K. Forster // Journal of verbal learning and verbal behaviour. – 1975. – V. 14. – № 6. – С. 638–647.
186. Yang W. Anglizismen im Deutschen. Am Beispiel des Nachrichtenmagazins DER SPIEGEL. Reihe Germanistische Linguistik 106 / W. Yang. – Tübingen : Niemeyer, 1990. – S. 5– 50.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

187. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / Ольга Сергеевна Ахманова. – М. : Сов. Энцикл., 1966. – 608 с.
188. Баранова Л. А. Словарь аббревиатур иноязычного происхождения / Любовь Андреевна Баранова. – М. : Аст-Пресс, 2009. – 320 с.
189. Григоренко О. В. Новые наименования лиц в современном русском языке. Словарные материалы / Ольга Владимировна Григоренко. – Воронеж : Научная книга, 2009. – 517 с.
190. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка / Татьяна Федоровна Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – 1233 с.
191. Захаренко Е. Н. Новый словарь иностранных слов : свыше 25 000 слов и словосочетаний / Е. Н. Захаренко, Л. Н Комарова, И. В. Нечаева. – М. : ООО ИФ «Азбуковник», 2008. – 1040 с.

192. Крысин Л. П. Новый словарь иностранных слов / Леонид Петрович Крысин. – М. : Эксмо, 2005. – 480 с.
193. Крысин Л. П. Учебный словарь иностранных слов / Леонид Петрович Крысин. – М. : Эксмо, 2010. – 704 с.
194. Кудрявцева Л. А. Обратный деривационный словарь русских новообразований / Людмила Алексеевна Кудрявцева. – Киев : [б. и.], 1993. – 156 с.
195. Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
196. Мюллер В. К. Большой англо-русский словарь / [сост. В. К. Мюллер др.]. – Минск : Современное слово, 2006. – 1536 с.
197. Новое в русской лексике. Словарные материалы-77 / [Под ред. Н. З. Котеловой]. – М. : Русский язык, 1980. – 176 с.
198. Новое в русской лексике. Словарные материалы-79 / [Под ред. Н. З. Котеловой]. – М. : Русский язык, 1982. – 320 с.
199. Новое в русской лексике. Словарные материалы-80 / [Под ред. Н. З. Котеловой]. – М. : Русский язык, 1984. – 287 с.
200. Новое в русской лексике. Словарные материалы-81 / [Под ред. Н. З. Котеловой]. – М. : Русский язык, 1986. – 286 с.
201. Новое в русской лексике. Словарные материалы-82 / [Под ред. Н. З. Котеловой]. – М. : Русский язык, 1986. – 253 с.
202. Новое в русской лексике. Словарные материалы-83 / [Под ред. Н. З. Котеловой]. – М. : Русский язык, 1987. – 190 с.
203. Новое в русской лексике. Словарные материалы-84 / [Под ред. Н. З. Котеловой]. – М. : Русский язык, 1989. – 427 с.
204. Новое в русской лексике. Словарные материалы-85 / [Ред. Ю. Ф. Денисенко ; под общ. ред. Н. З. Котеловой]. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. – 424 с.

205. Новое в русской лексике. Словарные материалы-86 / [Ред. С. И. Алаторцева, Т. Н. Буцева ; под общ. ред. Н. З. Котеловой]. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. – 351 с.
206. Новое в русской лексике. Словарные материалы-87 / [Ред. Ю. Ф. Денисенко ; под общ. ред. Н. З. Котеловой]. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. – 352 с.
207. Новое в русской лексике. Словарные материалы-88 / [Ред. Е. А. Левашов]. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. – 420 с.
208. Новые слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Е. А. Левашов, Т. Н. Поповцева, Ф. Л. Фелицына и др. : [под ред. Н. З. Котеловой]. – М. : Рус. яз., 1984. – 805 с.
209. Петров А. В. Гнездовой толково-словообразовательный словарь композитов / Александр Владимирович Петров. – Симферополь, 2003. – 286 с.
210. Словарь русского языка : в 4 томах / [под ред. А. П. Евгеньевой]. – М. : Русский язык, 1999. – Т. 1. – 1999. – 702 с.
211. Словарь русского языка : в 4 томах / [под ред. А. П. Евгеньевой]. – М. : Русский язык, 1999. – Т. 3. – 1999. – 752 с.
212. Словарь русского языка : в 4 томах / [под ред. А. П. Евгеньевой]. – М. : Русский язык, 1999. – Т. 4. – 1999. – 800 с.
213. Солганик Г. Я. Толковый словарь. Язык газеты, радио, телевидения / Григорий Яковлевич Солганик. – М. : АСТ-Астрель, 2008. – 749 с.
214. Термины и понятия : Морфемика. Словообразование : Словарь-справочник / [Т. В. Жеребило]. – Назрань : ООО «Пилигрим». – 2011. – 52с.
215. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : В 2-х т. около 145000 слов / [А. Н. Тихонов]. – М. : Русский язык, 1985. – 855 с.
216. Толковый словарь русского языка / [Под ред. С.И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой]. – М. : Наука, 1997. – 944 с.
217. Толковый словарь русского языка : в 4 томах / [под ред. Д. Н. Ушакова]. – Л., 1935– 1939. – Т. 1. – 1935. – 1563 стб.

218. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / [Под ред. Г. Н. Складневской]. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.

219. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / [Под. ред. Г.Н. Складневской]. – М. : Эксмо, 2006. – 1136 с.

220. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия : конца / [Под ред. Г. Н. Складневской ; ИЛИ РАН]. – М. : Астрель : АСТ : Транзиткнига, 2005. – 894 с.

221. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / Макс Фасмер. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. 1. – 1986. – 576 с.

222. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / Макс Фасмер. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. 2. – 1986. – 672 с.

223. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / Макс Фасмер. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. 3. – 1987. – 832 с.

224. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / Макс Фасмер. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. 4. – 1987. – 864 с.